

Вольфганг Випперман

Европейский фашизм в сравнении: 1922-1982

От издательства

Передавая послесловие к русскому изданию своей книги, профессор В. Випперман просил по возможности дополнить приводимую им библиографию современными отечественными исследованиями по проблематике книги, с которыми он, к сожалению, мало знаком.

Не являясь специалистами в данной области, отсылаем заинтересованных читателей к недавно вышедшей монографии Ю. В. Галактионова «Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945-90-х годов» (Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999), которая в какой-то мере способна восполнить указанный автором пробел.

Выражаем особую признательность профессору В. Випперману и сотруднице издательства «Suhrkamp» (Германия) Клаудии Брандес за их помощь и доброжелательное сотрудничество при подготовке русского издания этой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. Что такое фашизм? Смысл этого понятия, его история и проблемы

Глава 2. Итальянский фашизм. Возникновение и рост. Фашизм у власти.
Итальянское Сопротивление и конец фашизма.

Глава 3. Национал-социализм. Возникновение и рост. "Третий рейх"
Поражения и успехи Сопротивления

Глава 4. Фашистские движения с массовой базой
Фашизм и национал-социализм в Австрии
Режим Хорти и венгерские "Скрещенные стрелы"
"Железная гвардия" в Румынии
Хорватские усташи
Фаланга и франкизм в Испании
Французские фашистские движения

Глава 5. Малые фашистские движения, фашистские секты и пограничные случаи

Проблема подразделения

Англия

Финляндия

Бельгия

Голландия

Фашистские секты в Дании, Швеции и Швейцарии

Норвежское "Национальное единение" - между сектой и
коллорабационистской партией

Пограничные случаи: Словакия, Польша и Португалия

Глава 6. Эпилог: неофашизм между политикой и полемикой
Заключение. Сравнительная история европейского фашизма
Был ли вообще фашизм? Послесловие к русскому изданию

Комментированная избранная библиография.

Введение

28 октября 1922 года итальянский король поручил Муссолини формирование правительства. Через неделю в Петрограде, как тогда назывался этот город, открылся IV конгресс Коммунистического Интернационала. Ведущий деятель конгресса Карл Радек комментировал успех Муссолини после его «похода на Рим» следующими словами: «В победе фашизма я вижу не только механическую победу фашистского оружия, а величайшее поражение социализма и коммунизма после начала эпохи мировой революции». Радек обратился к делегатам конгресса со следующим настоятельным предупреждением: «Если наши товарищи в Италии, если социал-демократическая партия Италии не поймет оснований этой победы фашизма и причин нашего поражения, то нам предстоит встретиться с длительным господством фашизма».

Председатель Коммунистического Интернационала Зиновьев исходил из еще более пессимистической оценки положения: «Мы должны уяснить себе, что происшедшее в Италии – не местное явление. Нам неизбежно придется столкнуться с такими же явлениями и в других странах, хотя, может быть, и в других формах. Вероятно, мы не можем избежать такого периода более или менее фашистских переворотов во всей Центральной и Средней Европе»¹.

Через одиннадцать лет эти пророческие предсказания Радека и Зиновьева должны будут исполниться. В Германии пришел к власти Гитлер, во многих других странах Европы возникли сильные фашистские партии. Захват власти итальянским фашизмом 28 октября 1922 года и немецким национал-социализмом 30 января 1933 года можно и в самом деле рассматривать как «величайшие поражения» социализма и коммунизма. Но верно ли, что действительно наступил период переворотов, которые можно определить как «более или менее фашистские»? Можно ли описать историю Европы в 20-х и 30-х годах как «эпоху фашизма»?² Можно ли утверждать, что в Италии, Германии и других странах произошли «такие же явления»? Действительно ли немецкий национал-социализм и другие партии, следовавшие итальянскому или немецкому образцу, настолько сходны с итальянским фашизмом, чтобы можно было назвать их все фашистскими? Можно ли и в наши дни придерживаться общего и недифференцированного понятия фашизма, как это делали Зиновьев и Радек 60 лет назад? Почему фашистские движения в Италии и Германии смогли прийти к власти, между тем как в других странах, где тоже были сильные фашистские движения, это им не удалось? Объясняется ли это специфическими условиями – экономическими, социальными и политическими – или же стратегией и тактикой нефашистских и антифашистских сил?

В течение 60 лет шла дискуссия о фашизме; в исследованиях фашизма все эти вопросы интенсивно обсуждались, и предлагались разные объяснения. Чтобы на них ответить, нам придется вначале рассказать историю отдельных фашистских партий в Европе. При этом, однако, речь пойдет не только о действиях фашистов, но также о поведении нефашистов и антифашистов. В самом деле, если некоторым из фашистских партий удалось прийти к власти, а другие не смогли ее добиться, это никоим образом не объясняется одной только ловкостью фашистских лидеров и привлекательностью их партий, но прежде всего политикой нефашистских и антифашистских сил. История фашизма в Европе есть в то же время история антифашизма. Но успехи и неудачи фашизма можно понять лишь в том случае, если принимаются во внимание все местные условия – экономические, социальные и политические структуры тех стран, где были фашистские партии.

Таковы цели этой книги. Чтобы их достигнуть, мы избрали следующий способ изложения.

В первой главе, где рассматриваются смысл, история и проблематика понятия

¹ Ibid., 57.

² E. Nolte. Der Faschismus in seiner Epoche. Die Action française. Der italienische Faschismus. Der Nationalsozialismus. München, 1963 (и последующие стереотипные издания).

«фашизм», показывается, что итальянское слово для обозначения «союза», *fascio*, применявшееся в 19 веке левыми группами и движениями Италии, впоследствии было подхвачено организациями ветеранов войны, а затем партией Муссолини; после этого оно было перенесено на другие, не итальянские движения и режимы, причем больше противниками фашизма, чем его сторонниками. Изменение значений этого слова, как будет показано, свидетельствует о том, что понятие «фашизма» (и точно так же «антифашизма») с самого начала заняло некое промежуточное место между теорией и полемикой. Такое положение не изменилось и до сих пор. Многие из наших современников используют понятие «фашизм» как простой боевой клич или как ругательство, которым они обмениваются друг с другом. Историки до сих пор спорят, оправданно ли описание неитальянских партий и режимов как фашистских, и сравнивают, например, различия между итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом и сходство между ними – короче говоря, занимаются вопросом, можно ли придерживаться некоторого общего понятия «фашизм».

На этот вопрос можно ответить лишь с помощью сравнительного исследования фашизма. Во второй главе мы начинаем это исследование с изучения развития и структуры итальянского фашизма (причем наряду с фазами этого движения и режима описывается также «Resistenza» [«Спротивление» (итал.). – Прим. перев.]).

В третьей главе излагается история национал-социализма. Из всех партий, которые, по мнению современников и позднейших историков, были фашистскими, только эта партия смогла прийти к власти самостоятельно и без иностранной помощи.

Далее, в четвертой главе рассматриваются те фашистские движения, которые получили массовую поддержку или хотя бы временно участвовали во власти. В пятой главе речь идет о тех фашистских движениях, которые не достигли власти и не нашли заметной опоры среди населения. Многие из них вели призрачное существование более или менее незначительных сектантских партий. Но их история интересна и поучительна по двум причинам. Прежде всего, при сравнении с более успешными фашистскими движениями становится ясно, какие факторы в каждом случае препятствовали их развитию в массовые партии. И, наконец, рассмотрение этих более слабых фашистских движений полезно еще и потому, что эти партии во многом напоминают более поздние, возникшие в разных странах Европы после 1945 года. Такие партии – так называемые неофашистские – рассматриваются в шестой главе. При этом оказывается, что история фашизма в Европе никоим образом не окончилась в 1943 или 1945 году, хотя численность и успехи этих так называемых неофашистских партий, по крайней мере до нашего времени, даже отдаленно не напоминают масштабов фашистских движений между войнами. Европа 1983 года – это во многих отношениях не Европа 1922 или 1933 года. Но может ли былая история повториться, в той же форме или в какой-нибудь другой, в значительной степени зависит от того, чему мы сумеем и захотим научиться из истории европейского фашизма.

Эта бесспорно важная проблема рассматривается в заключении. Мы пытаемся установить здесь типологию фашистских движений, причем одновременно занимаемся факторами, способствовавшими и препятствовавшими их развитию. В этом резюме собраны результаты сравнительного исследования фашизма, которое, как уже указано в первой главе, по существу находится в начальной стадии даже в наши дни – после более чем шестидесятилетней истории фашизма в Европе.

Я не собираюсь заполнить этот пробел предлагаемой книгой и не в состоянии выполнить такую задачу. Мои цели более скромны. Прежде всего, я хочу свести вместе уже почти необозримую литературу об истории различных фашистских движений и режимов в Европе. Далее, я пытаюсь, сравнивая фашистские движения в Европе, внести свой вклад в решение вопроса, можно ли придерживаться общего понятия фашизма. При этом я вполне сознаю, что мои тезисы и гипотезы носят предварительный характер и должны быть проверены дальнейшими, более подробными исследованиями истории фашизма и фашистских движений в Европе.

Но все же мне кажется оправданным и полезным уже сейчас сделать некоторое – хотя бы предварительное – заключение. В самом деле, ведь я обращаюсь не только к профессиональным историкам, но и ко всем интересующимся историей европейского фашизма. Я полагаю, что и в наше время, через 60 лет после «похода на Рим» и через 50 лет после захвата власти Гитлером, основные знания об истории фашизма в Европе необходимы, чтобы понять проблемы ближайшего к нам прошлого – и проблемы наших дней.

Глава 1. Что такое фашизм? Смысл этого понятия, его история и проблемы.

«Фашизм носит имя, само по себе ничего не говорящее о духе и целях этого движения. Fascio означает „объединение“ или „союз“, так что фашисты – это „союзники“, а фашизм должен означать „союзничество“³. Этими словами Фриц Шоттгефер указал в 1924 году на некоторое хотя и банальное, но часто упускаемое из виду обстоятельство. В отличие от таких понятий, как консерватизм, либерализм, социализм, коммунизм и т. д., понятие «фашизм» лишено содержания. Итальянское слово *fascio*, означающее «союз», происходит от латинского *fascis*: так назывались связки розог у римских ликторов [В Древнем Риме ликторами назывались почетные стражи, сопровождавшие консула. Прим. перев.]. В 19 веке этим словом пользовались республиканские, профсоюзные и социалистические группы, чтобы выразить свое отличие от партий. Затем, в начале 20 века, этим символическим именем назывались также итальянские правые. Начиная с 1917 года правое крыло итальянского парламента объединилось под названием «Союз национальной обороны» («*fascio per la difesa nazionale*»). Из основанного в 1915 году «Союза революционных действий» («*fascio d'azione rivoluzionari*») и организованного Муссолини в 1919 году союза ветеранов войны – «Союза борьбы» («*fascio di combattimento*») возникла затем фашистская партия, называвшаяся с 1921 года Национальной фашистской партией (НФП, *Partito Nazionale Fascista*).

В то время местные и иностранные наблюдатели обычно сравнивали новую партию Муссолини с такими неитальянскими явлениями, как организация Эшериха и Добровольческий корпус в Австрии и Германии, а также, более общим образом, с группами «белых» в Баварии, Венгрии и России. Ленин еще в ноябре 1922 года сопоставил итальянских фашистов с бандами черносотенцев царского времени⁴. Тогда нее, почти одновременно, социалистические и коммунистические авторы стали обозначать как «фашистские» все антиреволюционные движения и режимы⁵. Впоследствии в дискуссии коммунистов о понятии фашизма такое обобщение, по-видимому, не вызывало сомнений, хотя в начале 20-х годов Клара Цеткин, Антонио Грамши, Пальмиро Тольятти и некоторые другие итальянские авторы предостерегали от обозначения всех антидемократических и антикоммунистических явлений как фашистских, поскольку при этом стирались специфические черты итальянского фашизма⁶. Но уже на V Всемирном конгрессе Коминтерна в 1924 году проявилась тенденция рассматривать фашизм попросту как «орудие борьбы крупной буржуазии против пролетариата»⁷. Поскольку при этом ограничивались тем, что объясняли сущность фашизма его социальной функцией, то вскоре все партии и режимы, полезные для капитализма и вредные для коммунизма, стали считаться фашистскими. Эта инфляция понятия фашизма привела к тому, что социал-демократические партии стали тоже

³ F. Schotthofer. *H Fascio. Sinn und Wirklichkeit des italienischen Faschismus*. Frankfurt, 1924, 64.

⁴ Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale. Petrograd/Moskau. 5. Nov. bis 5. Dez. 1922. Hamburg, 1923, 231.

⁵ J. Braunthal. *Der Putsch der Faschisten // Der Kampf*, 15, 1922, 320-23; A. Jacobsen. *Der Faschismus // Die Internationale*, 5, 1922, 301-04.

⁶ По поводу этого и дальнейшего см.: W. Wippermann... *Zur Analyse des Faschismus. Die sozialistischen und kommunistischen Faschismustheorien 1921—1945*. Frankfurt, 1981, 59 ff.

⁷ Thesen und Resolutionen des V. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1924, 121.

рассматриваться как «близнецы» или «умеренное крыло» фашизма, потому что социал-демократы защищали парламентскую демократию и тем самым способствовали укреплению капиталистической системы⁸. На VII Всемирном конгрессе Коминтерна в 1935 году Георгий Димитров указал на ошибочность этой теории «социал-фашизма», подчеркнув, что «никакие общие черты фашизма» не избавляют от обязанности «конкретно изучать и принимать во внимание своеобразие развития фашизма и различных форм фашистских диктатур в отдельных странах на различных этапах»⁹. Но это замечание осталось единичным и не имело последствий. Сам Димитров не сказал в своем обширном докладе ни слова о связанной с этим проблеме разграничения и дифференциации соответствующих явлений. Ни один из многочисленных ораторов, выступавших по докладу Димитрова, не рассматривал вопрос, верно ли, что различные партии и режимы во всем мире, именуемые фашистскими или в самом деле заслуживающие этого названия, действительно имеют общие черты с итальянской фашистской системой, от которой произошло это название.

После 1945 года в догматической марксистской дискуссии о фашизме этот вопрос почти не привлекал внимания¹⁰. В ГДР говорили и говорят о фашизме, имея в виду, как правило, национал-социализм. Во введении к вышедшему в 1980 году сборнику под названием «Исследования о фашизме» Дитрих Эйхгольц и Курт Госвейлер подчеркивают, однако, необходимость сравнительного исследования фашизма, ссылаясь на упомянутое высказывание Димитрова¹¹. Но до сих пор историки ГДР не опубликовали ни одной работы в таком сравнительном направлении. Иначе обстояло дело в последние годы в Польше, в Чехословакии (во всяком случае, до 1969 года) и особенно в Венгрии. В этих странах появились очень интересные работы о различных формах фашизма).

Если коммунистические авторы до нынешнего времени так мало занимались вопросом о чертах сходства и различия между фашистскими движениями, то некоторые из так называемых «буржуазных» исследователей уже в 1928 году опубликовали книгу о «международном фашизме»¹², и этой проблемой заинтересовались в особенности социал-демократические теоретики. Однако их весьма значительные инициативы и разработки были почти забыты. Такие социал-демократы, как Георг Деккер, уже в 1930 году считали нужным напомнить, что о фашизме можно говорить лишь в том случае, «если рассматриваемое движение во всех существенных чертах совпадает с итальянским фашизмом»¹³. Александер Шифрин исследовал общие причины и особенности различных фашистских движений в Европе. При этом он пришел к выводу, что нельзя усматривать «корни фашизма в исключительном своеобразии какого-либо отдельного национального развития». Но точно так же было бы ошибочно сводить все вообще явление фашизма к «структуре и специфическим явлениям развития высокоразвитого капитализма», как это делали коммунистические авторы. Страны, где возникли и выросли фашистские движения, различались в экономическом и социальном отношении. Но в политической области обнаруживались их общие характеристики. В таких обществах «демократия была провозглашена лишь в послевоенное время». В этой «зоне контрреволюции», к которой Шифрин причислял, наряду с Германией, также Италию, Австрию, Финляндию, Литву, Польшу, Румынию, Венгрию, Югославию, Болгарию и Испанию, демократия еще не достигла устойчивости. По этой причине фашистские партии могли обрести особую

⁸ И. В. Сталин. К международному положению // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 6. Москва, 1952, 282; Protokoll des V. Kongresses der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1924, 65, 67.

⁹ Protokoll des VII. Weltkongresses der Kommunistischen Internationale (ungekurzte Ausgabe), I. Erlangen, 1974, 724 f.

¹⁰ Ср.: W. Wippermann. Faschismustheorien. Zum Stand der gegenwertigen Diskussion. Darmstadt, 1980, 19 ff.; Id. The Post-War German Left and Fascism // JCH, 11, 1976, 185—220.

¹¹ D. Eichholtz, K. Go?weiler (Hg.). Faschismusforschung. Positionen, Probleme, Polemik. Berlin, 1980, 15.

¹² C. Landauer, H. Honegger (Hg.). Internationaler Faschismus. Beitrage uber Wesen und Stand der faschistischen Bewegung und uber den Ursprung ihrer leitenden Ideen und Triebkrafte. Karlsruhe, 1928.

¹³ G. Decker. Der erste Schritt // Die Gesellschaft, 7/1, 1930, 97-103, 98.

привлекательность для «идеологии и массовой психологии одичавшей мелкой буржуазии»¹⁴.

Эти мысли дальше развил Аркадий Гурланд в своей книге «Современные действия пролетариата», опубликованной в 1931 году¹⁵. Следует отказаться, говорил он, от распространения и применения понятия фашизма ко всему, «что лишь некоторым образом связано с насильственной формой правления», потому что в таком случае фашизм оказался бы всего лишь «выражением очень старого понятия террористической государственной власти». «Специфическая новизна» фашизма заключается в моменте его возникновения.

Итальянский фашизм обязан своим успехом не «избытку», а «недостатку капитализма, индустриализации, промышленного пролетариата»¹⁶. В отличие от Франца Боркенау, защищавшего в этой связи тезис, что итальянский фашизм представляет собой лишь некоторый вид диктатуры, служащий созданию индустриального капитализма¹⁷, Гурланд никоим образом не исключал, что успех фашизма может повториться в Германии, хотя здесь он столкнется с иными, чем в Италии, экономическими и социальными предпосылками. В Германии и в других высокоразвитых капиталистических странах фашисты не могут, конечно, использовать слабость пролетариата и пассивную поддержку широких слоев обнищавшего сельского населения, как это было в Италии, но они найдут соответствующую социальную опору в разоренной и деклассированной экономическим кризисом мелкой буржуазии¹⁸. Так же, как Браунваль, Бауэр, Ольберг, Ненни, Тедеско и Гильфердинг, Гурланд пытался объяснить напряжение между мелкобуржуазной социальной базой фашизма и его капиталистической социальной функцией с помощью марксовской теории бонапартизма¹⁹.

Из этого краткого обзора «классической» дискуссии о фашизме видно, что марксистские авторы не только использовали понятие фашизма как ругательство и пропагандистский жупел; напротив, антифашисты интенсивнее самих фашистов занимались проблемой, представляет ли фашизм особое явление, относящееся к одной лишь Италии, или же это общее историческое явление²⁰.

Однако после 1945 года эти попытки сравнительного исследования фашизма были более или менее забыты. Затем Эрнст Нольте весьма содействовал тому, что так называемая буржуазная наука активизировала изучение проблемы фашизма как особого исторического явления²¹. Взгляды Нольте, которые здесь не будут подробно рассматриваться, встретили не только горячее одобрение, но и активную критику²². Впрочем, главный интерес работ Нольте теперь усматривают в его различных определениях фашизма, особенно в его «трансполитическом» определении (по которому фашизм представляет собой сопротивление «практической и теоретической трансценденции»), а также в его тезисе об «эпохе фашизма»²³. Не привлекли особого внимания его соображения, относящиеся к сравнительному исследованию фашизма, где он основывался сначала на анализе «Аксьон Франсэз», итальянского фашизма и национал-социализма, а затем распространил этот анализ на остальные фашистские движения Европы в междувоенное время; столь же мало была замечена его типология, где он различал итальянский «нормальный» фашизм и немецкий

¹⁴ A. Scrdfrin. Gegenrevolution in Europa // Die Gesellschaft, 8/1, 1931, 1-21.

¹⁵ A. Gurland. Das Heute der proletarischen Aktion. Hemmnisse und Wandlungen im Klassenkampf. Berlin, 1931.

¹⁶ Ср.: Ibid., 111, 112.

¹⁷ F. Borkenau. Zur Soziologie des Faschismus // E. Nolle (Hg j. Theorien über den Faschismus. Köln, 1967 (и последующие стереотипные издания), 156-81.

¹⁸ Gurland. 114 ff.

¹⁹ По этому поводу ср.: W. Wippermann. Die Bonapartismustheorie von Marx und Engels. Stuttgart, 1983, 201 ff.

²⁰ По этому поводу см.: K. – P. Hoepke. Die deutsche Rechte und der italienische Faschismus. Ein Beitrag zum Selbstverständnis und zur Politik von Gruppen und Verbänden der deutschen Rechten. Dusseldorf, 1969; M. Michaelis. I rapporti tra fascismo e nazismo prima dell'avvento di Hitler al potere (1922—1933) // Rivista Storica Italiana, 85, 1973, 544—600.

²¹ Nolte. Faschismus; Id. Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen. München, 1966.

²² По этому поводу ср.: Wippermann. Faschismustheorien, 77 ff.

²³ Nolte. Faschismus, 515 ff.

«радикальный», а также сопоставлял оба вида с «префашизмом, или протофашизмом» и «филофашизмом» некоторых авторитарных режимов²⁴.

В 60-е и 70-е годы было опубликовано множество монографий по истории различных форм фашизма, не исходивших, как правило, из сравнительного анализа и опиравшихся на весьма разнообразные методы и теории. То же относится к некоторым обзорам и сборникам. Во многих из этих работ были рассмотрены не все фашистские движения, как, например, в весьма поучительном и удачном сравнительном исследовании Германии и Италии, опубликованном Вольфгангом Шидером²⁵, или же эти движения рассматривались разными авторами, с различными интересами и точками зрения²⁶. Вследствие этого наша скромная попытка свести воедино и сравнить между собой предыдущие исследования по истории фашизма наталкивается на большие трудности²⁷.

Параллельно этому пренебрежению к различным формам сравнительного исследования фашизма, в некоторых странах, и в частности в Федеративной Республике (Германии. – Ред.), происходило размывание понятия «фашизм». Почти все государства в мировом масштабе, от А до Z, от Аргентины до Заира, описываются некоторыми нашими современниками как «фашистские». В области внутренней политики со столь же нелепыми мотивировками разоблачаются как «фашистские» все политические партии и едва ли не все государственные и общественные учреждения.

Пренебрежение серьезным сравнительным исследованием явления, а также непрекращающееся размывание понятия «фашизм», отчасти превратившегося в простое ругательство, которым обмениваются противники, привели к тому, что в последнее время различные исследователи стали критически относиться к смыслу и полезности самого понятия «фашизм».

Многие авторы энергично воспротивились широкому отождествлению с фашизмом капиталистических государств, управляемых парламентскими правительствами или диктаторами. Другие же подчеркивают, что неразборчивое применение выражения «фашистский» может привести к умалению опасности «настоящего» фашизма итальянского и особенно немецкого образца, а также к недопустимой по научным и политическим мотивам демонизации «просто» антидемократических особенностей авторитарных режимов. Например, Карл Дитрих Брахер решительно высказался в этой связи за единственный решающий критерий парламентской демократии и политической свободы²⁸. По этим, скорее политическим, а также по определенным научным основаниям он высказался за применение понятия тоталитаризма, постулирующего некоторое сходство коммунистических и фашистских партий и режимов, враждебных парламентской демократии. Итальянский исследователь фашизма Ренцо де Феличе указал, кроме того, что итальянский фашизм потребовал далеко не так много жертв, как немецкий национал-социализм, который к тому же, в отличие от итальянского фашизма, опирался не на поднимающиеся, а на опускающиеся слои мелкой буржуазии, опасавшиеся своей пролетаризации²⁹. Так же, как у Брахера, в критике де Феличе научные убеждения соединяются с определенными политическими

²⁴ Nolte. *Krise*, 234.

²⁵ W. Schieder (Hg.). *Faschismus als soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich*. Hamburg, 1976.

²⁶ H. Rogger, E. Weber (Eds.). *The European Right. A Historical Profile*. Stanford, 1965; W. Laqueur, G. L. Masse (Hg.). *Internationaler Faschismus*. Munchen, 1966; F. L. Garsten. *Der Aufstieg des Faschismus in Europa*. Frankfurt, 1968; St. J. Woolf (Ed.). *European Fascism*. London, 1968; Ch. F. Delzell (Ed.). *Mediterranean Fascism 1919—1945*. New York, 1970; P. Sugar (Ed.). *Native Fascism in the Successor States, 1919—1945*. Santa Barbara, 1971; H. Lubasz (Ed.). *Fascism: Three Major Regimes*. New York, 1973; W. Laqueur (Ed.). *Fascism: A Reader's Guide*. London, 1976; St. U. Larsen et al. (Eds.). *Who Were the Fascists? Social Roots of European Fascism*. Bergen, 1980.

²⁷ H. – U. Thamer, W. Wippermann. *Faschistische und neofaschistische Bewegungen. Probleme empirischer Faschismusforschung*. Darmstadt, 1977; St. G. Payne. *Fascism. Comparison and Definition*. Madison, 1980.

²⁸ K. – D. Bracher. *Zeitgeschichtliche Kontroversen, Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie*. Munchen, 1976, 13 ff.; Id. *Schlüsselwörter in der Geschichte*. Dusseldorf, 1978, 119 ff.; Id. *Die Krise Europas 1917 bis 1975*. Berlin, 1976, 34 ff.

²⁹ R. De Felice. *Der Faschismus. Ein Interview von M. A. Ledeen. Mit einem Nachwort von J. Petersen*. Stuttgart, 1977.

моментами.

А. Джеймс Грегор распространял понятие фашизма на почти все недемократические движения и режимы прошлого и настоящего – причем он, сознательно или нет, вообще решительно ставил под сомнение специфичность и применимость самого понятия «фашизм»³⁰. Между тем Генри А. Тернер подчеркнул, что фашизм принадлежит по существу к категории антидемократических движений и режимов³¹. Брахер, де Феличе, Тернер, а также Элардайс³², Гильдебранд³³, Мартин³⁴ и другие согласны также в том, что как раз между итальянским фашизмом и национал-социализмом черты различия значительнее, чем черты сходства. Поэтому в интересах чисто эмпирического исследования, как они полагали, надо отказаться от общей теории и общего понятия фашизма³⁵. Эти научные аргументы также связывались – и до сих пор связываются – с определенными политическими взглядами, особенно отчетливо высказанными Тернером. А именно, Тернер опасался, что если бы действительно существовала тесная связь между капитализмом и фашизмом, как всегда утверждали марксистские теоретики фашизма, то это поставило бы под угрозу прочность и самое существование нынешних капиталистических государств с парламентским строем³⁶.

Здесь следует подвергнуть критике саму критику. При этом надо также различать политические и научные аспекты. Факт состоит в том, что фашистские партии возникли и выросли на почве капитализма, что они обладали особой притягательной силой для определенных слоев капиталистического общества, что капиталистические круги готовы были оказывать фашистам политическую и финансовую поддержку и, наконец, что фашизм и по сей день вовсе не мертв. Поэтому историк, действительно желающий извлечь уроки из истории, обязан принимать во внимание результаты, тезисы и даже гипотезы исследования фашизма, в частности, теоретического исследования. Как говорит пословица, «черт никогда не приходит снова через ту же дверь»; история не повторится в точно той же форме, но структурные факторы, способствовавшие подъему «классического» фашизма и его приходу к власти, безусловно имеются и могут способствовать росту так называемого неофашизма. Исследование фашизма всегда имело политическую направленность, преследовало антифашистские цели и доставляло средства для борьбы с фашизмом. В области политики и преподавания это имело и до сих пор имеет не только отрицательное, но и некоторое положительное значение. В самом деле, теории, тезисы и гипотезы длящейся уже почти 60 лет дискуссии о фашизме позволяют увидеть некоторые структурные факторы, определявшие ход событий, и представить публике ряд возникающих отсюда проблем.

Однако независимо от этих политических и, если угодно, даже дидактических моментов имеются некоторые научные аргументы, которые можно противопоставить критикам, оспаривающим смысл и полезность общего понятия фашизма.

1. Против предлагаемого Брахером и другими применения понятия тоталитаризма говорит прежде всего тот факт, что различия между фашистскими и коммунистическими движениями и режимами еще больше, чем между отдельными видами фашизма. Коммунистические и фашистские партии преследовали различные цели и привели к различным общественным системам. Черты сходства в практике власти (но не в структуре власти) недостаточны для того, чтобы почти отождествлять фашизм и коммунизм³⁷.

2. Подобные же соображения можно выдвинуть против предложения Тернера включить

³⁰ A. J. Gregor. *The Fascist Persuasion in Radical Politics*. Princeton, 1974.

³¹ Я. А. Тернер. *Faschismus und Kapitalismus in Deutschland*. Göttingen, 1972, 157 ff.

³² G. Allardyce. *What Fascism Is Not: Thoughts on the Deflation of a Concept* // *AHR*, 84, 1979, 367-88.

³³ K. Hudebrand. *Das Dritte Reich*. München, 1979, 123 ff.

³⁴ B. Martin. *Zur Tauglichkeit eines übergreifenden Faschismus-Begriffes. Ein Vergleich zwischen Japan, Italien und Deutschland* // *VfZ*, 29, 1981, 48-73.

³⁵ К критике этих соображений: Thamer, Wippermann, 1 ff.

³⁶ J. Braunthal. *Der Putsch der Faschisten* // *Der Kampf*, 15, 1922, 320-23; A. Jacobsen. *Der Faschismus* // *Die Internationale*, 5, 1922, 301-04.

³⁷ Лучший обзор: W. Schlangen. *Die Totalitarismustheorie. Entwicklung und Probleme*. Stuttgart, 1976.

фашизм в группу антимодернистских движений. Это не решает проблемы; напротив, при этом возрастают трудности обобщения и разграничения.

3. Требование ряда авторов отказаться от применения социологических теорий вообще, и от теорий фашизма в частности, неосуществимо на практике. Историческое исследование никогда не было – ни в прошлом, ни в наше время – чисто эмпирическим и свободным от теорий. Если мы не готовы привести постановки вопросов, методы и эвристические подходы теории, из которой мы, сознательно или бессознательно, исходим, то возникает опасность идеологической маскировки и искажения изучаемой действительности.

4. Критики общего понятия фашизма, как бы резко и номиналистически они ни были настроены, должны признать, что почти во всех европейских странах в междувоенный период были движения, ориентировавшиеся на итальянский образец и рассматривавшиеся не только с коммунистической и социалистической, но и с консервативной и либеральной точек зрения как фашистские партии. Понятие фашизма нельзя просто спрятать. Оно имело свою историю и наложило на историю свой отпечаток. Оно принадлежит к «ключевым словам»³⁸ истории 20-го века. Оно может рассматриваться как «фактор и индикатор»³⁹ реального развития, в особенности истории рабочих партий. История интерпретаций фашизма и теорий фашизма неизбежно приводит к истории антифашизма – то есть истории коммунистических, социал-демократических, а отчасти даже консервативных и либеральных партий⁴⁰. Насколько важно историческое значение теорий фашизма в прошлом и по сей день – прежде всего как фактора и индикатора реальной истории антифашизма, – настолько спорна и проблематична их научная доказательность. Поиски глобальной теории фашизма, которой можно было бы, как универсальным ключом, объяснить форму и функции всевозможных явлений фашизма, до сих пор не привели к удовлетворительному и общепризнанному результату. Существующие теории фашизма могут, как правило, объяснить лишь отдельные проблемы, касающиеся развития отдельных фашистских движений. Это относится к теориям, где фашизм описывается как агент или союзник капиталистических слоев⁴¹, а также к тезисам, по которым фашизм является партией мелкой буржуазии⁴², неизбежным результатом специфического развития национальной истории⁴³, следствием определенной стадии модернизации страны⁴⁴, результатом определенного социально-психологического импульса⁴⁵, продуктом культурного и морального распада⁴⁶, специфической формой

³⁸ Bracher. Schlüsselwörter.

³⁹ R. Koselleck. Einleitung // O. Brunner et al. (Hg.). *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 1. Stuttgart, 1972, XIV-XX.

⁴⁰ Ср.: Wippermann. *Analyse des Faschismus*.

⁴¹ Ср.: Wippermann. *Faschismustheorien*, 11 ff.; Id. *Post-War German Left*.

⁴² Наиболее известный представитель этого тезиса: S. M. Lipset. *Der Faschismus*

⁴³ Примеры обособляющей трактовки итальянского фашизма: A. Labriola. *Polemica antifascista*. Napoli, 1925; Я. Heller. *Europa und der Faschismus*. Berlin, 1931. Примеры обособляющей трактовки национал-социализма: W. M. McGovern. *From Luther to Hitler. The History of Fascist-Nazi Philosophy*. London, 1946; R. D. O. Butler. *The Roots of National Socialism 1783—1933*. London, 1942; M. Friedberg. *Kultura polska a niemiecka. Elementy rodzime a wph/wy niemieckie w ustroju i kulturze Polski*. Poznan, 1946; J. Feldman. *Problem polsko-niemiecki w dziejach*. Katowice, 1946; F. Harzen-dorf. *So kam es. Der deutsche Irrweg von Bismarck bis Hitler*. Konstanz, 1946; A. Abusch. *Der Irrweg einer Nation. Ein Beitrag zum Verstandnis deutscher Geschichte*. Berlin, 1946. О данном направлении интерпретации: W. Wippermann. «*Deutsche Katastrophe*» oder «*Diktatur des Finanzkapitals*»? Zur Interpretationsgeschichte des Dritten Reiches // Я. Den/der, K. Prumm (Hg.) *Die deutsche Literatur im Dritten Reich*. Stuttgart, 1976, 9-43.

⁴⁴ D. E. Apter. *The Politics of Modernization*. Chicago, 1963; C. A. Black. *The Dynamics of Modernization*. New York, 1966; A. F. K. Organski. *The Stages of Political Development*. New York, 1965.

⁴⁵ Сюда относятся прежде всего «классические» работы: E. Fromm. *Furcht vor der Freiheit*. Zurich, 1945; W. Reich. *Massenpsychologie des Faschismus*. Kopenhagen, 1933. Во многих отношениях представляет интерес: K. Theweleit. *Mannerphantasien*. 2 Bde. Frankfurt, 1977-78.

⁴⁶ Наиболее известный представитель этого тезиса: F. Meinecke. *Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen*. Wiesbaden, 1946. По этому поводу ср.: W. Wippermann. F. Meineckes «*Die deutsche Katastrophe*» – Ein Versuch zur deutschen Vergangenheitsbewältigung // M. Erbe (Hg.). *F. Meinecke heute*. Berlin, 1981, 101-21.

господства одного человека⁴⁷ или формой проявления тоталитаризма. Эти и другие теории фашизма надо соединить друг с другом. Их можно применить в исследовании фашизма как эвристические постановки вопроса, методические подходы или «теории среднего радиуса действия»⁴⁸, но сама теория фашизма должна быть плюралистической по своему характеру и сравнительной. Буржуазным критикам общего понятия фашизма надо напомнить предупреждение Горкгеймера, что о фашизме (соответственно, о национал-социализме) следует молчать, если вы не готовы говорить о капитализме, т. е. об общих, не ограниченных отдельными капиталистическими странами (Германия, Италия и т. д.) причинах фашизма⁴⁹. Впрочем, это не означает (также в понимании самого Горкгеймера), что одним этим подходом можно объяснить сущность и возникновение фашизма, который, по словам Эрнста Блоха, имеет более глубокие корни, чем капитализм⁵⁰. Далее, сторонникам догматически-марксистского, и притом ограниченного одной Германией, понятия фашизма надо возразить – в стиле изречения Горкгеймера, – что если они говорят только о национал-социализме, то должны молчать о фашизме. Эта критика «буржуазных» и марксистских исследований ведет к требованию заняться сравнительным исследованием фашизма.

Лишь таким способом можно решить также вопрос о границах и полезности общего понятия фашизма.

Это, в свою очередь, возможно лишь в том случае, если – перефразировав часто повторяемое выражение Анджело Таска – сначала написать историю отдельных «фашизмов»⁵¹. Лишь после такого описания и сравнения можно попытаться определить «фашизм» в форме глобальной теории.

Глава 2. Итальянский фашизм.

Возникновение и рост

Почти все исследователи и теоретики согласны в том, что фашизм был результатом глубокого экономического и общественного кризиса. Но такое утверждение не очень содержательно, поскольку в конечном счете дело сводится к масштабам и характеру кризиса. Это видно из следующего дальше очерка развития итальянского фашизма⁵². Его возникновение и его рост были определены и обусловлены специфическими экономическими, социальными и политическими проблемами, возникшими уже в 19-м столетии и обостренными течением и исходом Первой мировой войны.

⁴⁷ К этому: Hildebrand. 126, 132 ff.

⁴⁸ Н. – U. Wehler. *Geschichte als historische Sozialwissenschaft*. Frankfurt, 1973 (и последующие стереотипные издания), 31.

⁴⁹ М. Horkheimer. *Die Juden und Europa // Zeitschrift für Sozialforschung*, 8, 1939/40, 115.

⁵⁰ E. Bloch. *Der Faschismus als Erscheinungsform der Ungleichzeitigkeit // Nolte (Hg.) Theorien*, 182—204.

⁵¹ A. Tasca. *Glauben, Gehorchen, Kampfen. Der Aufstieg des Faschismus*. Wien, 1969, 374: «Определить фашизм – значит прежде написать историю фашизма».

⁵² Наряду с «классическими» работами Tasca, *Glauben*; E. von Beckerath *Wesen und Werden des faschistischen Staates*. Berlin, 1927; H. Heller. *Europa und der Faschismus*. Berlin, 1929; P. Nenni. *Six ans de guerre civile*. Paris, 1938; G. Salvemini. *Scritti sul fascismo*. 2 vol. Milano, 1963, следует в качестве сводных работ упомянуть следующие: L. Salvatorelli, G. Mira. *Storia d'Italia nel periodo fascista*. Torino, 1964s; D. L. Germino. *The Italian Fascist Party in Power. A Study in Totalitarian Rule*. Minneapolis, 1959; G. Carocci. *Storia del fascismo*, Milano, 1963; F. Catalano. *L'Italia dalla dittatura alla democrazia 1919—1948*. Milano, 1962; Nolte. *Faschismus*; E. Santarelli. *Storia del movimento del regime fascista*. 2 vol. Roma, 1967; A. Cassels. *Fascist Italy*. London, 1969; G. Quazza (ed.). *Fascismo e società italiana*. Torino, 1973; A. Aquarone, M. Vemassa (ed.). *Il regime fascista*. Milano, 1974; R. De Felice. *Mussolini*. Vol. 1-3. Torino, 1965—1974; Thamer, Wippermann. *Bewegungen*, 156 ff.; E. Tannenbaum. *The Fascist Experience. Italian Society and Culture 1922—1945*. New York, 1972; R. Sarti (Ed.). *The Axis within. Italian Fascism in Action*. New York, 1974; E. Nolte. *Italien vom Ende des I. Weltkrieges bis zum ersten Jahrzehnt der Republik 1918—1960 // Th. Schieder (Hg.). Handbuch der europäischen Geschichte*. Bd. 7. Stuttgart, 1979, 619-50; W. Schieder (Hg.). *Faschismus*.

В середине прошлого столетия Италия была, по сравнению с другими странами Западной и Центральной Европы, отсталой аграрной страной⁵³. С 70-х годов 19-го века там пытались провести индустриализацию. Это привело к тесному сотрудничеству промышленности, банков и государства, активно поддерживавшего своей политикой экономическое развитие. В результате этого выиграла прежде всего североитальянская тяжелая промышленность в ущерб другим отраслям промышленности, в частности текстильной. Сельское хозяйство в сущности оставалось запущенным. Это касалось не только чисто аграрного Юга, в значительной степени еще скованного феодализмом, но и сельскохозяйственных областей Севера. В Италии дело не дошло ни до аграрной революции, ни до реформы отношений собственности и земельной реформы. Масса мелких арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, противостоявшая немногочисленным крупным земельным собственникам, жила в крайне тяжелых экономических условиях. Государство мало что делало для облегчения нужд сельского пролетариата и массы заводских рабочих, возникшей в ходе промышленного развития северных регионов.

После успешных войн с Австрией в 1861 году появилось Итальянское королевство, которое смогло добиться территориального единства страны – в 1866 году к нему была присоединена Венеция, а в 1870 – Папская область; но оно было неспособно и не готово разрешить все более обостряющиеся социальные проблемы⁵⁴. Промышленная и аграрная элита умела проводить свои экономические интересы. Поскольку до 1880 года избирательным правом пользовалось лишь 2,5% населения, правительство состояло большей частью из правых и левых либералов, которым нетрудно было найти для этой политики большинство в парламенте. Но и после того, как в результате избирательной реформы 1881 года значительная часть городских средних слоев получила избирательное право, прежний альянс промышленной элиты Севера с аграрной элитой Юга сохранил свою власть. Оппозиционные силы побуждались к сотрудничеству личными сделками, обещаниями и угрозами, чем достигалось сохранение *status quo*. Итальянцы обозначали эту непарламентскую политическую практику выражением «*trasformismo*», что в дословном переводе означает «переформирование». Но такая политика умиротворения и компромисса под знаком «*trasformismo*» оказалась бессильной перед лицом нараставшего социального движения и массовых беспорядков, голодных бунтов и забастовок. Поэтому ведущий либеральный политик Джолитти попытался добиться сотрудничества лидеров основанной в 1882 году социалистической партии и католической партии «пополари» (*popolari*) [Популисты (итал. – «народная партия»). – Прим. перев.], проводя модернизацию и осторожные социальные реформы. Однако реформы, к которым стремился Джолитти, и его тактика «*trasformismo*», применявшаяся также к социалистам и «пополари», столкнулись и в буржуазном лагере с неприятием и критикой. Эти силы соединились в Итальянскую националистическую ассоциацию (*Associazione Nazionalista Italiana*); они решительно отвергали предложенные Джолитти социальные реформы и предлагали вместо этого отвлекать внимание масс откровенно националистической и империалистической политикой⁵⁵. Но эта тактика, поневоле перенятая также Джолитти, оказалась безуспешной. Поскольку националистические требования присоединения «неискупленных итальянских

⁵³ О социальной и экономической истории Италии до фашизма: S. B. Clough *The Economic History of Modern Italy*. New York, 1964; R. Romeo. *Breve storia della grande industria in Italia*. Rocca San Casciano, 1963; A. Caracciolo (ed.). *La formazione dell'Italia industriale*. Bari, 1963; K. Priester. *Der italienische Faschismus. Okonomische und ideologische Grundlagen*. Köln, 1972.

⁵⁴ О политической истории Италии до возрастания фашизма: Ch. Seton-Watson. *Italy from Liberalism to Fascism 1870—1925*. London, 1967; E. Nolte. *Italien von der Begründung des Nationalstaates bis zum Ende des Ersten Weltkrieges (1870—1918)* // Th. Schieder (Hg.). *Handbuch der europäischen Geschichte*. Bd. 6. Stuttgart, 1968, 401-32.

⁵⁵ Об итальянском национализме и империализме: F. Gaeta. *Nazionalismo italiano*. Napoli, 1965; W. Alff. *Die Associazione Nazionalista Italiana von 1910* // Id. *Der Begriff des Faschismus und andere Aufsätze zur Zeitgeschichte*. Frankfurt, 1971; W. Schieder. *Aspekte des italienischen Imperialismus vor 1914* // W. H. Mommsen (Hg.). *Der moderne Imperialismus*. Stuttgart, 1971, 140-71; Priester. *Der italienische Faschismus*, 55 ff.

земель» («Italia irredenta») в Южном Тироле и в Истрии ввиду внешнеполитической ситуации в то время еще нельзя было удовлетворить, правящие круги обратились к колониальной политике. Хотя нападение на Абиссинию в 1896 году окончилось сокрушительным поражением итальянских войск при Адуа, в 1912 году удалось аннексировать Ливию – лишь после длительных и кровопролитных сражений. Но и в области внутренней политики попытки отвлечь внимание от социальных проблем империалистической и националистической политикой оказались не вполне успешными. Хотя значительные слои мелкой буржуазии удалось мобилизовать и сплотить этой тактикой, сторонники социалистической партии не дали обмануть себя лозунгами, призывавшими заменить классовую борьбу «борьбой наций».

Большинство социалистической партии под руководством Бенито Муссолини⁵⁶ отказалось сотрудничать с правительством под знаком реформизма. В первых выборах, проведенных в 1913 году по принципу всеобщего избирательного права (для мужчин), радикальное крыло социалистов добилось крупного успеха. В 1914 году произошли многочисленные забастовки недовольных промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Это побудило консервативные группы, объединившиеся вокруг председателя Совета министров Саландра, еще раз попытаться стимулировать националистические настроения в массах мелкобуржуазного происхождения, чтобы отвлечь их от насущных социальных проблем. Вначале такая концепция показалась успешной. Под давлением интервенционистов, к которым примкнул и Муссолини, покинув из-за этого социалистическую партию, итальянское правительство более или менее вынужденно решилось вступить в войну на стороне союзников⁵⁷. Вначале война привела не только к сплочению масс посредством мобилизации, но и к модернизации и ускоренному росту экономики. Однако этот экономический рост неизбежно оказался искусственным и недолговечным, поскольку он по существу основывался на поддерживаемых государством военных заказах и кредитах.

После войны обнаружилось, что прежние экономические, социальные и политические проблемы никоим образом не разрешились, а напротив, проступили в еще более острой форме⁵⁸. Перевод на мирные рельсы искусственно раздутого военного производства, в ряде отраслей направляемого государством, оказался крайне трудным ввиду снижения спроса на мировых рынках и большого бюджетного дефицита. Давала себя знать все возрастающая инфляция, усилилась безработица⁵⁹. Это привело в городах к множеству беспорядков и забастовок, достигших наивысшего уровня осенью 1920 года, когда в промышленных областях Северной Италии рабочие захватили предприятия. Правительству удалось побудить их к уступкам, пообещав повышение заработной платы, восьмичасовой рабочий день и введение социального обеспечения, но обе стороны не были удовлетворены этим компромиссом. Большая часть рабочих не удовлетворилась этим успехом, считая, что в возникшей ситуации возможна была социалистическая революция. Конфликт по этому вопросу отделил реформистскую часть итальянского рабочего движения от более сильной максималистской (революционной) части, что прямо или косвенно способствовало его ослаблению⁶⁰. Но и промышленники вовсе не были удовлетворены компромиссом, достигнутым при посредничестве правительства. С одной стороны, они опасались, что рабочее движение может использовать занятые им позиции, чтобы и в самом деле захватить власть революционным путем. С другой стороны, они считали неприемлемыми обещанные социальные мероприятия и прибавки заработной платы.

⁵⁶ К биографии Муссолини: De Felice. Mussolini. I. Mussolini il fascista; Nolte. Faschismus, 200 ff.

⁵⁷ E. R. Rosen. Italiens Kriegseintritt im Jahre 1915 als innenpolitisches Problem der Giolitti-Ara // HZ, 187, 1959, 289 ff.

⁵⁸ По поводу дальнейшего см. в особенности: I? Vivarelli. II Dopoguerra in Italia e l'avvento del fascismo (1918—1922). Napoli, 1967.

⁵⁹ Romeo. Breve Storia, 124 ff.; Clough. Economic History, 197 f.; Priester. Der italienische Faschismus, 133 ff.

⁶⁰ P. Spriano. L'occupazione delle fabbriche settembre 1920. Torino, 1964; M. Abrate. La lotta sindacale nella industrializzazione in Italia 1906—1926. Torino, 1967; Vivarelli. Dopoguerra, 71 ff.; Nolte. Faschismus, 249 ff.

В сельскохозяйственных областях Северной Италии возникли еще более острые социальные конфликты. Здесь организации сельскохозяйственных рабочих добились еще больших успехов. Многие имения были захвачены и перешли под управление кооперативов, примыкавших к разветвленной сети потребительских обществ, также управляемых и руководимых социалистическими лигами. Сверх того, социалистические лиги обязали еще оставшихся крупных землевладельцев и даже мелких земельных собственников нанимать определенное число работников при обязательном посредничестве этих лиг, независимо от действительной потребности в рабочей силе. При этом максималистски настроенные лидеры социалистических лиг не были удовлетворены даже этими беспримерными в Европе того времени успехами, поскольку они стремились к полному обобществлению земли. Эти цели решительно отвергались не только крупными землевладельцами, но и многочисленными мелкими земельными собственниками и арендаторами, не только не хотевшими отдавать свою землю, но стремившимися приобрести больше земли. Отсюда возникла общность интересов мелких собственников и крупных аграриев, опасавшихся обобществления земли и желавших отмены уже проведенных реформ⁶¹.

Хотя более чем сомнительно, что Италия после Первой мировой войны действительно находилась в революционной ситуации, как на это надеялись социалисты и как этого опасались промышленники и аграрии, неревolutionного и парламентского решения различных проблем тоже не было видно. Экономический и социальный кризис сопровождался и обострялся политическим кризисом итальянской системы правления.

Парламентские выборы 16 ноября 1919 года привели к сокрушительному поражению правивших до этого либеральных и демократических партий. Социалисты, получив 156 мест, стали крупнейшей политической силой, тогда как католическая народная партия *popolari* получила 95 мест. Такой результат выборов сделал образование сильного и дееспособного правительства трудным или даже невозможным. Социалисты и «пополари» решительно отказались сотрудничать между собой, между тем как попытки Джолитти – впрочем, нерешительные и неискренние – побудить католическую народную партию к коалиции с либералами привели к весьма непрочным результатам. Однако против воли социалистов и «пополари» страной нельзя было управлять. Таким образом, традиционная для Италии политика компромисса и «*trasformismo*» окончательно провалилась.

Совершенно бесполезным и даже угрожающим всей системе правления оказалось также продолжение прежних попыток отвлечь внимание от внутренних социальных проблем, возбуждая националистические страсти и добиваясь таким образом общественной сплоченности. Хотя Италия испытала в Первой мировой войне ряд тяжелых поражений, некоторые ее цели удалось осуществить, поскольку она была одной из держав-победителей. Италия получила Южный Тироль и Истрию с Триестом, но ей пришлось отказаться в пользу Югославии от далматинского побережья, также входившего в ее требования, тогда как Фиуме (Риска) был объявлен вольным городом. Итальянское правительство лишь после длительных колебаний и сильного сопротивления согласилось с этим решением союзников в Париже. Общественное мнение Италии возмущенно реагировало на такое решение союзников и на предполагаемую нестойкость итальянского правительства. В этой ситуации укрепилось представление о якобы «украденной победе», с которым итальянские националисты атаковали союзников и собственное правительство. Миф об «украденной победе» в этом отношении весьма напоминает возникшую в Германии легенду об «ударе ножом в спину». Перед лицом этих националистических эмоций итальянское правительство не решилось энергично вмешаться, когда итальянские войска под предводительством поэта Габриеле Д'Аннунцио не выполнили приказа об отходе и 12 сентября 1919 года своевольно оккупировали город Фиуме. В течение 16 месяцев Д'Аннунцио, присвоивший себе титул «начальника» («*commandante*»), хозяйничал в городе, развив уже тогда все элементы

⁶¹ Vivarelli. *Dopoguerra*, 242 ff.; Ch. Maier. *Recasting Bourgeois Europe. Stabilisation in France, Germany and Italy in the Decade after World War I* Princeton, 1975, 310-13. Наглядное описание в региональном масштабе: P. Corner. *Fascism in Ferrara 1915—1925*. Oxford, 1975.

политического стиля фашистской Италии. Сюда относятся массовые шествия и парады его сторонников в черных рубашках под знаменами с изображением мертвой головы, воинственные песни, приветствие по древнеримскому образцу и эмоциональные диалоги толпы с ее вождем Д'Аннунцио⁶².

Организация фронтовиков «Боевые отряды» («Fasci di combattimento»), основанная Муссолини в Милане 23 марта 1919 года, приняла политический стиль Д'Аннунцио за образец и могла использовать явления экономического, социального и политического кризиса, потрясавшего Италию. Но все это еще не объясняет, почему Муссолини смог в поразительно короткое время организовать массовое движение, насчитывавшее уже в начале 1921 года почти 200 000 членов. Это зависело и от личности самого Муссолини, и от пропагандируемой им идеологии, содержащей, наряду с националистическими, также некоторые социалистические элементы. Эта идеология и военизированный внешний облик нового движения привлекали, наряду с националистами и бывшими социалистами, главным образом участников войны и молодых людей, видевших в этом необычном движении, столь решительно отвергавшем все прежние партии и намеревавшемся их заменить, единственную еще неиспытанную политическую силу, от которой они ожидали радикального решения не только национальных, но и своих личных проблем. Чем более неопределенно и даже противоречиво звучали требования фашистского движения, тем более они производили эффект⁶³.

Еще действеннее, чем программа фашистов, была их политическая тактика, по существу продолжавшая мировую войну гражданской войной. Представители и исполнители ее предприятий, чаще всего завершавшихся насилиями, были «squadri»⁶⁴, отряды, состоявшие из учеников и студентов, а также бывших солдат итальянских элитных и штурмовых подразделений, *arditi*⁶⁵. Эти войска гражданской войны одержали свои первые «победы» во вновь приобретенных областях, Триесте и Венеции-Джулии, где они «боролись» с меньшинствами славянского происхождения, рассматриваемыми как враги Италии и – нередко без оснований – как представители «чуждого» марксизма. Здания и организации словенского меньшинства, а также социалистов подвергались разрушению. Во второй половине 1920 года фашисты распространили свои насильственные действия на территорию Болоньи, после того как там на заседании городского парламента был застрелен депутат от националистов, инвалид войны. Фашисты ответили на это политическое убийство рядом террористических актов, встретивших одобрение буржуазных кругов, причем полиция почти не вмешивалась. «Скуадри» нападали на редакции социалистических газет и помещения социалистических организаций, опустошали их и поджигали. Отдельные представители социалистической партии подверглись угрозам, избиениям, а некоторые были убиты. Вскоре после этого «скуадри» перешли к «карательным экспедициям» (*spedizioni punitive*) в сельских окрестностях Болоньи, Феррары и, наконец, повсюду в Эмилии и Романье, систематически разрушая от деревни к деревне, от города к городу и, наконец, от провинции к провинции помещения профсоюзов, кооперативов, партийных комитетов и редакций, пытая и убивая политических противников из социалистов и «пополари». Эти акции получали одобрение аграриев и мелких земельных собственников-крестьян, которые повсюду оказывали материальную поддержку возникающим фашистским организациям или вступали в их ряды. Таким образом, изменялась не только численность, но и социальный состав фашистского движения.

В то время как первые, образовавшиеся в городах фаши состояли главным образом из офицеров, студентов, интеллигентов, а также из отщепенцев всех слоев общества, «скуадри»

⁶² О предприятии Д'Аннунцио и его значении для фашизма: Vivarelli. *Dopoguerra*, 500—530; Nolte. *Faschismus*, 240—243.

⁶³ Об этом и дальнейшем: Tasca. *Glauben*, 117 ff.; Nolte. *Faschismus*, 253 ff.; A. Lyttelton. *The Seizure of Power. Fascism in Italy 1919—1929*. New York, 1973.

⁶⁴ «Отряды» (итал.). – Прим. перев.

⁶⁵ Отважные, дерзкие (итал.). – Прим. перев.

так называемых аграрных фашистов рекрутировались главным образом из крупных аграриев, среднего и мелкого крестьянства, а также из сельскохозяйственных рабочих, присоединившихся – добровольно или вынужденно – к фашистским профсоюзам сельскохозяйственных рабочих⁶⁶.

К ним надо прибавить мелких буржуа из небольших провинциальных городов. Таким образом фашизм приобрел свой специфический социальный профиль. Он превратился в движение, поддерживаемое преимущественно мелкой буржуазией, с радикально антисоциалистическими целями, хотя в его программах по-прежнему оставались первоначальные антикапиталистические пункты. Внутренняя противоречивость программ прикрывалась идеологией национализма и активизма фашистских «скаудри».

Но быстрый рост фашизма и победа в гражданской войне против социалистов и «пополари», достигнутые именно его аграрной частью, скрывали в себе также некоторые проблемы. Это касалось, например, регионального обособления отдельных подразделений фашистской партии, почти неограниченно управляемых местными лидерами (которых приверженцы и противники называли абиссинским термином «рас» – «предводитель»). Они вели между собой острую конкурентную борьбу, и хотя эти «расы» не представляли прямой угрозы для лидерства Муссолини, они могли препятствовать стремлению Муссолини построить единую партийную организацию, а также его намерению заключить пакт примирения с социалистами. Хотя Муссолини 7 ноября 1921 года сумел объединить свое движение в не особенно крепкую партию (Национальную фашистскую партию, НПФ, Partito Nazionale Fascista), его концепция умиротворения полностью провалилась. Террористический поход против социалистов, «пополари» и либералов, объявленный и проводимый вождями аграрных фашистов, беспрепятственно продолжался. Муссолини должен был довольствоваться титулом «дуче» («Duce»)⁶⁷, присвоенным ему партийным съездом в Риме в ноябре 1921 года, но не был в состоянии сдерживать или направлять агрессивный активизм своих провинциальных вождей.

Таким образом, фашистская партия никак не напоминала монолит. В этот период следовало использовать внутренние раздоры между фашистами и по крайней мере положить предел их террористической деятельности. Но ничего этого не произошло.

Стремясь ослабить социалистов и «пополари», Джолитти совершил тяжкую ошибку, приняв фашистов в избирательный союз либералов. Но в отношении фашистов этот прием «trasformismo» нацело провалился. Фашисты, занявшие после выборов в апреле 1922 года 35 мест в парламенте, получили в каком-то смысле признание либералов, хотя и не прекратили своей явно противозаконной террористической кампании. Теперь военные и полиция проявляли еще меньшую готовность препятствовать насильственным действиям фашистов. А социалисты и «пополари», снова одержавшие победу на выборах, не сумели объединиться в единый фронт против фашизма. Когда же все социалистические группировки (за исключением коммунистов) образовали единый фронт под названием «Союз труда» («Allianza del Lavoro»), призвавший ко всеобщей забастовке против фашизма, государственные власти и буржуазные силы повели себя так, как будто вспомнили о времени захвата предприятий, хотя социалисты стремились в этом объединении лишь к обороне от фашизма и защите демократических свобод. «Пополари» и либералы, как и государственная исполнительная власть, пассивно наблюдали, как фашистские «скаудри», получившие тем временем значительную материальную поддержку также от промышленных кругов, безжалостно сокрушили это сопротивление социалистов. Между тем Муссолини сумел представить себя как единственного человека, способного защитить общество от хаоса, – в действительности вызванного его собственной частной армией, развязавшей гражданскую войну.

⁶⁶ По поводу этого см. обзор: W. Schieder. Der Strukturwandel der faschistischen Partei Italiens in der Phase der Herrschaftsstabilisierung // Id. (Hg.). Faschismus, 69-98; J. Petersen. Wahlverhalten und soziale Basis des Faschismus in Italien zwischen 1919 und 1928 // Ibid., 119-56.

⁶⁷ «Вождь», «полководец» (итал.) – Прим перев.

Вечером 27 октября Муссолини отдал приказ собравшимся в Неаполе «скадри» начать поход на Рим⁶⁸. Хотя чернорубашечники были вовсе не вооружены или недостаточно вооружены, полиция и военные опять не вмешивались. Когда король не решился подписать составленную премьер-министром Факта декларацию, объявлявшую осадное положение, Муссолини выиграл: он был назначен премьер-министром, а насильственный поход на Рим, до тех пор представлявший столь сомнительное предприятие, превратился в триумфальное шествие.

Фашизм у власти

28 октября 1921 года Муссолини стал главой правительства, но его положение казалось крайне шатким. Из 535 депутатов парламента лишь 35 принадлежали к Национальной фашистской партии (НФП, Partito Nazionale Fascista), к которой, впрочем, с начала 1923 года присоединилась Националистическая партия. Муссолини пришлось пойти на коалицию, в которую вошли, кроме уже упомянутых националистов, также либералы, демократы, а вначале и «пополари». Впрочем, стараясь сплотить эту весьма неоднородную коалицию, он мог не только сталкивать ее членов между собой, но в любой момент угрожать им применением своей внепарламентской силы. Силу эту составляла его партийная армия, не распущенная, а преобразованная в милицию, формально подчиненную военному командованию, но в действительности, в отличие от государственной армии, присягнувшую не королю, а фашистскому дуче.

Однако страх перед этой армией гражданской войны и перед непримиримыми вождями провинциальных фашистов никак не может объяснить, а тем более оправдать тот факт, что парламентские союзники фашизма проявили готовность принять (8 ноября 1923 года) так называемый «закон Ачербо» (*legge Acerbo*)⁶⁹. По этому закону любая партия, набравшая на выборах наибольшее число голосов, но не менее 25%, получала две трети мест в парламенте. На выборах 5 апреля 1924 года оказалось, что либералы и «пополари», согласившись на закон Ачербо, сами себя устранили от власти. Фашисты вместе с либералами, выступавшими общим списком с ними, получили почти две трети всех мест и теперь бесспорно господствовали в парламенте. Впрочем, этот успех на выборах был достигнут прежде всего с помощью террористических мер и благодаря финансовой поддержке со стороны промышленного объединения «Конфиндустрия» («*Confindustria*»)⁷⁰. Казалось, Муссолини добился своей цели. Он был избранным и бесспорным главой правительства, и сверх того ему, по-видимому, удалось укротить тех низших фашистских лидеров, которые недвусмысленно призывали к так называемой «второй революции». Но тут произошло событие, которое едва не привело к уходу Муссолини и тем самым к развалу еще неокрепшей и не вполне разработанной фашистской системы.

10 июня 1924 года фашистские скадристы напали на социалистического депутата Матеотти, направлявшегося в парламент, и убили его. Это была вовсе не первая жертва фашистского террора, но именно Матеотти был особенно известен своими смелыми и прямыми выступлениями против фашистских безобразий и пользовался поэтому большим уважением. Его убийство вызвало особое возмущение. В то время как коммунисты напрасно зывали к всеобщей забастовке, демократы, католики и социалисты сумели объединиться в

⁶⁸ A. Repaci. *La marcia su Roma*. Milano, 1972; De Felice. *Mussolini*, II, 282 ff.

⁶⁹ По поводу этого см. в особенности: Lyttelton. *Seizure*, 121-35.

⁷⁰ Об этом и вообще об отношениях промышленности и фашизма: E. Rossl *I padroni del vapore*. Bari, 1955, расширенное издание: *Padroni del vapore e fascismo*. Bari, 1966; P. Melograni. *Gli industriali e Mussolini. Rapporti tra Confindustria e fascismo dal 1919 al 1929*. Milano, 1972; R. Guarnieri. *Battaglie economiche tra le due grandi guerre*. 2 vol. Milano, 1953; R. Sarti. *Fascism and Industrial Leadership in Italy 1919—1940. A Study in the Expansion of Private Power under Fascism*. Berkeley, 1971; J. Petersen. *Faschismus und Industrie in Italien 1919—1929 // Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie*, 7. Frankfurt, 1976, 133-89; E. Nolte. *Die «herrschenden Klassen» und der Faschismus in Italien // W. Schieder (Hg.). Faschismus*, 183—204.

единый фронт под знаком антифашизма. Но оппозиция, возглавленная Джордже Амендолой, решила лишь на половинчатые меры. Вместо того чтобы решительно, в ультимативной форме потребовать от короля отставки Муссолини, оппозиционные депутаты (за исключением коммунистов и нескольких либералов) всего лишь ушли из парламента, устроив на Авентине свой отдельный представительный орган.

После некоторых колебаний Муссолини еще раз продемонстрировал свою способность натравливать друг на друга противников и в конечном счете выводить их из строя. Он предостерегал короля, церковь и промышленность, что поражение его фашистского правительства может привести к новому подъему социалистического движения. В то же время он уволил некоторых фашистских политиков, особенно известных своим радикализмом, и заставил свою милицию присягнуть королю. К своим внутрипартийным критикам и конкурентам Муссолини применил подобную же двойную стратегию, состоящую из уступок и угроз. Выполняя требования, выдвинутые радикальными низшими фашистскими лидерами, он преобразовал всю государственную и общественную жизнь в фашистском направлении, все более ограничивая при этом влияние непримиримых представителей провинциального фашизма. Эта политика принесла ему успех. Он вернул себе поддержку монархии, армии и промышленности, устранил своих внутрипартийных конкурентов и разбил антифашистскую оппозицию. Эти события, в конечном счете полностью разрушившие в Италии либеральную систему, делятся на несколько этапов⁷¹.

2 октября 1925 года были учреждены фашистские корпорации, соединявшие работодателей и работников, что положило конец свободе профсоюзного движения. За этим в начале ноября 1925 года последовали «высшие фашистские законы» (*leggi fascistissime*), расширившие власть главы правительства за счет парламента, который был отныне полностью подчинен исполнительной власти. Дальнейшими законами были распущены городские собрания депутатов, отменена свобода собраний и объединений, свобода печати и были уволены политически неблагонадежные служащие. После покушения на Муссолини 9 ноября 1926 года был издан «закон о защите государства», по которому были распущены все партии, кроме фашистской, запрещены все оппозиционные газеты и учреждены специальные суды для политических противников режима. В начале 1928 года был установлен новый избирательный закон, по которому «большой фашистский совет» составлял перед выборами единый список кандидатов, а избиратели могли только принять или отвергнуть его в целом. Таким образом парламентская система в Италии была окончательно заменена диктатурой. Впрочем, эта диктатура вовсе не была столь тоталитарной и сплоченной, как уверяли фашисты в своей пропагандистской формуле «тоталитарного государства» («*stato totalitario*»). В действительности фашистское государство сохранило свой первоначальный союзный характер. Прочность и внутренняя связность режима опирались на способность Муссолини посредничать между различными силами и уравнивать их противоречия.

Власть Муссолини основывалась, с одной стороны, на порученной ему королем должности главы правительства (*capo del governo*), а с другой – на подчиненной ему как «вождю фашизма» (*duce del fascismo*) единой фашистской партии с ее милицией и многочисленными зависящими от нее организациями. Муссолини был весьма озабочен тем, чтобы сохранить это свое двойное положение главы государства и партии. Партия не была включена в государство и подчинена ему, как этого требовали консервативные партнеры Муссолини, но и государство не было подчинено руководству и управлению партии, как этого хотели радикальные фашисты, группировавшиеся вокруг Фариначчи. Но хотя сознательно установленное Муссолини равновесие между параллельными аппаратами государства и партии сохранилось, это фактически привело скорее к бюрократизации партии, чем к «фашизации» бюрократии. Таким образом, отождествление той и другой далеко не достигло в Италии таких масштабов, как в национал-социалистской Германии.

⁷¹ Об этом и дальнейшем см. в особенности: De Felice. *Mussolini, II*; Lyttelton. *Seizure*, 176 ff.; A. Aquarone. *L'organizzazione dello stato totalitario*. Torino, 1965, 15 ff.

Власть и влияние монархии, армии и церкви в значительной степени сохранились⁷². Они вообще не были отождествлены с фашизмом, но были, несомненно, его союзниками. Католическая церковь получила по Латеранскому договору, заключенному в феврале 1929 года, даже больше власти и влияния, чем прежде. Наряду со значительными государственными дотациями она выговорила себе далеко идущие права вмешательства и контроля в области воспитания и семейной жизни.

Еще более сложно и неоднозначно было строение и функционирование корпоративной системы, рассматривавшейся как третья опора фашистского режима⁷³. Хотя уже упомянутый закон, принятый в октябре 1925 года, признавал фашистские профсоюзы единственными представителями рабочих, предпринимателю предоставлялась неограниченная власть внутри производства. Корпоративная система, введенная законом 1926 года и «хартией труда» (*Carta del Lavoro*) 1927 года, также не соответствовала представлениям фашистских синдикалистов о гармоническом и равноправном сотрудничестве работодателей и работников. В действительности о равноправии представителей рабочих и предпринимателей в двенадцати различных синдикатах, в свою очередь соединенных в корпорации, не могло быть и речи. Сверх того, предприниматели имели в лице «Конфиндустрии» свой собственный представительный орган, способный защитить экономические и социальные интересы промышленности перед государственным аппаратом и «большим фашистским советом». Также и в этой области возникло весьма неустойчивое состояние равновесия. С одной стороны, не могло быть речи о полном приспособлении промышленности к фашизму; с другой же стороны, промышленники потеряли прямое влияние на политическую жизнь и предвидели в будущем все возрастающее вмешательство государства в экономическую жизнь.

Резюмируя, можно сказать, что фашистский «*stato totalitario*» основывался на сложной и неоднозначной системе взаимозависимостей. Не могло быть и речи о тотальной унификации. Положение Муссолини существенно зависело от того, удастся ли ему получить и укрепить поддержку со стороны фашистской партии, весьма неоднородной в своем общественном и личном составе, и одобрение широких групп населения, приобретенное путем плебисцита. Этого нельзя было добиться одними только репрессивными мерами, касавшимися, наряду с лидерами организованного рабочего движения, прежде всего национальных меньшинств – немцев в Южном Тироле, словенцев и хорватов в Истрии и Триесте. Существование и прочность фашистского режима зависели от того, достигнет ли Муссолини успехов в экономической и внешней политике. Сначала это ему удалось.

В первой фазе фашистского режима, длившейся примерно до 1930 года, наблюдался значительный экономический подъем⁷⁴. Это определялось главным образом состоянием мировой экономики, поскольку и в других государствах после тяжелого послевоенного кризиса произошло улучшение конъюнктуры. Но, с другой стороны, ликование фашистской пропаганды, изображавшей преодоление экономического кризиса как результат мероприятий фашистского правительства, также было в какой-то мере оправданно. Экономическая политика в этот период характеризовалась соединением либеральных и интервенционистских факторов. Сюда относятся, с одной стороны, переход к политике свободной торговли, реприватизация некоторых государственных служб и учреждений и либерализация акционерного права, а с другой стороны, установленное и контролируемое государством замораживание заработной платы, поддержка дефицитных предприятий, а также государственное стимулирование некоторых отраслей промышленности и программ

⁷² G. Rochat. *L'esercito e il fascismo* // Quazza (ed.). *Fascismo*, 89-124; G. Miccoli. *La Chiesa e il Fascismo* // Ibid., 182—208; A. Lindt. *Das Zeitalter des Totalitarismus. Politische Heilslehren und okumenischer Aufbruch*. Stuttgart, 1981, 50-78.

⁷³ P. C. Mayer-Tasch. *Korporativismus und Autoritarismus. Eine Studie zu Theorie und Praxis der berufsständischen Rechts- und Staatsidee*. Frankfurt, 1971; Aquarone. *Organizzazione*, 82-87; Sarti. *Fascism*, 75 ff.

⁷⁴ Ср. также прим. 16 библиографии к этой главе, особенно: Sarti. *Fascism*, 100 ff.; De Felice. *Mussolini*, II, 222 ff., и III, 56 ff.; Romeo. *Breve Storia*, 157 ff.; а также: St. J. Woolf. *Did a Fascist Economic System Exist?* // Id. (Ed.). *The Nature of Fascism*. London, 1968, 119-51.

внутренней колонизации.

Интервенционистская экономическая политика государства усилилась, когда с 1929 года на Италии начали сказываться воздействия мирового экономического кризиса. Число безработных, превысившее в 1934 году миллион человек, пытались снизить введением укороченного рабочего дня, дальнейшим снижением заработной платы, составившим для промышленных рабочих около 15%, а для сельскохозяйственных рабочих 40%, и другими мерами по поддержке занятости и созданию рабочих мест. Так как все это не принесло быстрого успеха и национальный доход вернулся к уровню 1929 года лишь в 1939 году, государственные меры по поддержке промышленности были еще усилены. Впрочем, с момента начала в октябре 1935 года абиссинской войны, на которую Лига Наций ответила экономическими санкциями, экономическая политика приняла вытекавший из военных соображений автаркический характер. С другой стороны, с нападения на Абиссинию началась политика внешней экспансии, оправдываемая идеологической целью восстановления *Imperium Romanum* (Римской империи). Ясно, что Муссолини был вынужден отвлекать внимание от внутренних социальных и экономических проблем, маскируя их видимостью внешнеполитических успехов.

Эта империалистическая политика, мотивируемая внешне- и внутриполитическими обстоятельствами, вначале была успешной⁷⁵. Во внутренней политике националистические эмоции, подогретые военными успехами в Абиссинии, Испании и Албании, привели к сплочению широких кругов населения. Сверх того, чтобы привлечь их к режиму, были введены пособия для детей, оплачиваемые отпуска и была развернута деятельность контролируемой фашистами организации «Доро Лаворо» («После работы»), занимавшейся организацией досуга трудящихся⁷⁶. Армию, не отождествлявшую себя с режимом, можно было теснее привязать к нему военными действиями, по крайней мере пока они были успешны. Вследствие перехода к политике автаркии и к военной экономике вмешательство государства в экономику настолько усилилось, что влияние промышленников и их все еще могущественного объединения «Кон-финдустрия» заметно ослабело. Однако усилению и большей самостоятельности фашистского режима во внутриполитической области препятствовал тот факт, что фашистская Италия все больше впадала во внешнеполитическую и военную зависимость от своего усиливавшегося союзника – национал-социалистской Германии. Такое развитие событий, косвенно приведшее к развалу фашистской системы в Италии, было более или менее вынужденным, так как Муссолини, несомненно, его не хотел.

Подъем национал-социализма и его приход к власти вызвал у Муссолини смешанные чувства⁷⁷. С одной стороны, он гордился тем, что в Германии подражают его образцу, хотя, по словам Муссолини, фашизм и не был экспортным товаром. Но, с другой стороны, Муссолини энергично выступил против стремления национал-социалистов аннексировать Австрию. Когда австрийские национал-социалисты устроили в 1934 году путч, жертвой которого пал канцлер Дольфус, Муссолини демонстративно подвел войска к пограничному Бреннерскому перевалу. Опасаясь политического и экономического влияния Германии в Южной Европе, которую Италия рассматривала как свою зону влияния, Муссолини в 1935 году на конференции в Стресе готов был даже на некоторое, хотя и весьма осторожное участие в оборонительном фронте против национал-социалистской Германии. Но после

⁷⁵ Вообще о внешней политике фашистской Италии: R. De Felice. Bemerkungen zu Mussolinis Außenpolitik // *Saeculum*, 24, 1973, 314-27; Id. Mussolini, III, 323—533; J. Petersen. Gesellschaftssystem, Ideologie und Interesse in der Außenpolitik des faschistischen Italien // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*, 54, 1974, 428-70; Id. Die Außenpolitik des faschistischen Italien als historiographisches Problem // *VfZ*, 22, 1974, 417-57.

⁷⁶ Об интегративном действии фашистской социальной политики: De Felice. Mussolini, III, 82 ff.; Tannenbaum. Fascist Experience, 108 ff.; C. Van-nutell. The Living Standard of Italian Workers 1929—1939 // Sarti (Ed.). *Ax*, 153 ff.

⁷⁷ О дальнейшем см. в особенности: J. Petersen. Hitler – Mussolini. Die Entstehung der Achse Berlin – Rom 1933—1936. Tubingen, 1973, а также литературу, упомянутую в прим. 21.

нападения на Абиссинию западные державы не хотели и не могли принять фашистскую Италию в союз против национал-социализма. Чтобы не подорвать слишком явным образом принципы созданной ими Лиги Наций, они решили применить к Италии экономические санкции. Эта политика, проводимая, впрочем, весьма половинчато, почти автоматически вызвала вступление в игру «третьего рейха», обеспечившего Италию остро необходимым ей сырьем (в особенности углем) и промышленными товарами.

Сотрудничество обеих фашистских держав укрепилось в 1936 году в результате их общего вмешательства в гражданскую войну в Испании. Затем в ноябре того же года была провозглашена «ось Берлин – Рим». Впрочем, эта ось долго еще не была настолько прочной, как полагали многие антифашисты, спешившие в Испанию почти из всех европейских стран и из Соединенных Штатов, чтобы бороться против Франко и нанести поражение интервенционистским войскам немецкого и итальянского фашизма. Но все же в марте 1938 года фашистская Италия, вышедшая, подобно Германии, из Лиги Наций, приветствовала аншлюс – присоединение Австрии к Германской империи. В сентябре 1938 года на Мюнхенской конференции Муссолини удавалось еще играть роль «честного посредника» между Гитлером и главами правительств Франции и Англии, отдавшими Судетскую область «третьему рейху» против воли Чехословакии; но это не могло уже воспрепятствовать тому, что Гитлер, одерживавший в своей реваншистской политике одну победу за другой, определял ход европейских политических событий. Тем более Муссолини старался в 1939 году предотвратить немецко-польскую войну и сохранить свой нейтралитет. Это не помешало ему воспользоваться возникшей ситуацией, чтобы захватить в том же году Албанию, а годом позже напасть на уже разбитую немецкими войсками Францию, чтобы получить свою долю добычи.

Таким образом Италия окончательно была втянута в войну, которую затем должна была вести как неравноправный союзник Германской империи, на первых порах победоносной. Чтобы продемонстрировать всему миру и итальянскому обществу слабость военных сил Италии, столь превознесенных фашистской пропагандой, и связанную с этим зависимость от Германии, вряд ли надо было ожидать неудачного похода против Греции, где победа была достигнута в 1940 году лишь после вмешательства немецкой армии, или поражений в Северной Африке, которую удалось отстоять – на некоторое время – лишь африканскому корпусу Роммеля. Когда итальянские солдаты все еще воевали в России, выполняя функции вспомогательных войск на службе Германии, армии американцев и англичан, высадившиеся в Сицилии 10 июля 1943 года, встретили незначительное сопротивление, подойдя к самой столице страны. Их продвижение прямо и косвенно привело к развалу фашистского режима.

Итальянское Сопротивление и конец фашизма

25 июля 1943 года король Италии уволил Муссолини в отставку, и он сразу же был арестован. Хотя падение Муссолини еще не означало окончательного поражения фашизма в Италии, это был решающий шаг к такому концу. Устранение Муссолини было делом рук короля, некоторых офицеров и различных деятелей фашистской партии. Они могли при этом опираться на более или менее открытую поддержку церкви. Естественно, этот путч, которым руководил маршал Бадольо, мог удалиться лишь благодаря присутствию в Италии американских и английских войск. Косвенными предпосылками успеха государственного переворота были, во всяком случае, специфическая структура фашистского режима и наличие действенного Сопротивления. Поскольку армия, церковь и король после установления фашистской диктатуры в значительной мере сохранили свои позиции, они даже в 1943 году располагали достаточными механизмами власти, чтобы свергнуть Муссолини. При этом их побуждала к действию не только угроза союзных войск, но также, прямо или косвенно, активность итальянского Сопротивления. Итальянское движение

Сопrotивления вскоре должно было стать реальной силой, которую не следует переоценивать, но и нельзя недооценить. Чтобы это понять, надо кратко остановиться на истории той оппозиции, которая с 1922 года обозначалась термином «антифашизм»⁷⁸.

Как уже было сказано, Муссолини сумел разбить антифашистскую акцию на Авентине. В ходе установления фашистской диктатуры были запрещены все оппозиционные партии, профсоюзы и газеты. Противники режима находились под наблюдением специальной тайной полиции; вновь учрежденные специальные суды приговаривали их к длительным срокам заключения или к интернированию на отдаленные острова. Национальные меньшинства были также подвергнуты тяжелым притеснениям; но евреев, которых в Италии было очень мало, сначала не трогали. Лишь в 1937—1938 годах, в процессе сотрудничества с национал-социалистской Германией, начали осуществлять антисемитские акции, подпавшие под осуждение нюрнбергских законов. Итальянские фашисты, в рядах которых, во всяком случае в раннем периоде, были также лица еврейского происхождения, не убили ни одного еврея. Проповедуемый Муссолини «расизм» не имел биологической окраски.

Хотя в фашистской Италии террор не достигал таких масштабов и интенсивности, как в национал-социалистской Германии, Муссолини сумел почти полностью разгромить антифашистскую оппозицию. Тем антифашистам, которые не бежали и не были арестованы, вначале было очень трудно скрываться от тайной полиции и находить поддержку населения. Как известно, благодаря своей широко рекламируемой социальной и экономической политике режиму удалось, по крайней мере в первые годы, приобрести неожиданно большую популярность, в том числе и среди рабочих. Антифашисты же вначале, не умея объединиться, действовали не особенно успешно.

Руководство нелегальной коммунистической партии, находившееся вначале внутри страны, пыталось распространять листовки, а в отдельных случаях проводить забастовки. После ареста ряда ее выдающихся деятелей, среди которых был также теоретик партии Антонио Грамши, умерший в тюрьме в 1935 году, Тольятти перевел руководство партии за границу, откуда оно направляло дальнейшие антифашистские акции. Но вначале резко отвергалось сотрудничество с буржуазными силами и с социалистическими партиями. И хотя многие социалисты и коммунисты вместе сидели в фашистских застенках, даже Тольятти принял в 1928 году, после некоторых колебаний, указания Коминтерна, трактовавшие преследуемых фашистской полицией социалистов как «близнецов фашизма». Лишь после VII Всемирного конгресса Коминтерна коммунисты отказались от тезиса о «социал-фашизме» и стали искать сотрудничества с социалистами и другими антифашистами, проповедуя «народный фронт».

Но уже задолго до этого возникло активное сотрудничество антифашистов различной партийной принадлежности. Начало ему положили представители реформистского и революционного крыльев итальянского социализма, объединившиеся во французском изгнании в Антифашистское сообщество («Concentrazione antifascista»). Карло Роселли, бежавший из лагеря интернированных на Липарских островах, сумел в конце концов побудить к антифашистскому сотрудничеству не только социалистов и либералов, но и некоторых эмигрировавших «пополари». Основанная им организация «Справедливость и свобода» (*Giustizia e Libertà*) выступала с радикально республиканской программой и основала, действуя из Франции, различные подпольные организации в Северной Италии, разгромленные, однако, фашистской полицией в 1934 году. Сам Роселли был в 1937 году убит во французской эмиграции. В 1931 году монархически настроенный поэт Лауро де Босис доказал своим пропагандистским полетом в Рим, из которого он не вернулся, что и в консервативном лагере есть люди, выступающие против фашизма. В дальнейшем антифашистский фронт усилился, причем само понятие «антифашизма» превратилось в миф

⁷⁸ К истории итальянского антифашизма и Сопrotивления: А. Garosci. *Storia dei fuorisciti*. Bari, 1953; P. Alatri. *L'antifascismo italiano*. Roma, 1965; R. Battaglia. *Storia della resistenza italiana*. 8 settembre 1943 – 25 aprile 1945. Torino, 19642; Ch. F. Delzell. *Mussolini's Enemies. The Italian Anti-fascist Resistance*. Princeton, 1961; *Fascismo e antifascismo. Lezioni e testimonianze*. Vol. 1-2. Milano, 1962.

мобилизующего характера. Это проявилось прежде всего в гражданской войне в Испании, где итальянские антифашисты разных партий вместе со своими иностранными друзьями и товарищами боролись против Франко и пришедших ему на помощь немецких и итальянских войск.

Деятельность итальянских антифашистов происходила главным образом за границей и часто ограничивалась публицистическими атаками против фашистской Италии; но тот факт, что антифашисты разных партий смогли работать вместе, имел важное значение. Это касается не только планов на послефашистское время, которые обсуждались на различных антифашистских съездах во Франции, а затем и в Америке, но также акций, проводившихся в самой Италии уже в значительной степени единым движением Сопrotивления. Существование Сопrotивления и опасение, что антифашистское движение Сопrotивления может перейти в революцию, в конечном счете повлияло на решение короля и маршала Бадольо отстранить от власти Муссолини и вступить с союзниками в переговоры о перемирии. Из Сопrotивления выросло массовое движение, направленное не только против немецкой оккупации, но и против учрежденной немцами фашистской «республики Сало». Эта последняя фаза итальянского фашизма, с одной стороны, стремившегося вернуться к своим «революционным корням», а с другой – все более опускавшегося в условиях немецкой оккупации до прямого коллаборационизма, сложна и не лишена интереса.

После того как Бадольо провозгласил 8 сентября 1943 года подписанное за пять дней до этого перемирие с союзниками, немецкие войска оккупировали за несколько дней еще не занятые союзниками области Северной и Средней Италии. С бывшими союзниками обращались теперь как с побежденным врагом. Южный Тироль и Венеция были аннексированы, захваченные территории были систематически и грубо ограблены и прочесаны гестапо и СС в поисках евреев и политических противников. Несмотря на эту политику, обусловленную несомненно и исключительно интересами национал-социалистской Германии, Муссолини, освобожденный 12 сентября 1943 года немецкими парашютистами, не постеснялся провозгласить через одиннадцать дней «Итальянскую Корпоративную Республику» («*Republica Sociale Italiana*») ⁷⁹.

Муссолини, еще не совсем потерявший свою притягательную силу, добивался поддержки населения. Устроив свою резиденцию в Сало, на озере Гарда, он провозгласил оттуда обширные социальные реформы, взывая к патриотизму своих соотечественников и призывая их бороться бок о бок с немецкими оккупационными войсками против врагов отчизны и реакционных сил, отнявших у него власть. Эти призывы имели мало успеха, хотя «республика Сало» была все же не только марионеточным правительством: многие фашисты считали, что должны сохранить верность Муссолини до конца. Но инициатива все больше переходила к победоносным союзным войскам и партизанам Сопrotивления. На территории все более слабой фашистской «республики Сало» начались забастовки, нападения на фашистов и на немецких оккупантов, другие всевозможные насильственные действия, так что в конце концов целые провинции сами освободились еще до прихода союзных армий.

Конечно, не следует переоценивать масштабы и успех антифашистской деятельности Сопrotивления. Далее, нельзя упускать из виду, что между образовавшимся в Риме комитетом антифашистских партий (*Comitato di Liberazione Nazionale*, Комитет национального освобождения) и консервативными и церковными кругами вокруг короля возникали трения и конфликты. Впрочем, при этом коммунисты оставались верны концепции «народного фронта» и возражали против требований заменить монархию республикой или советской демократией. Но вопреки этим столкновениям внутри Сопrotивления, еще продолжавшимся в начале послевоенного времени, в целом надо признать, что после путча Бадольо Италия в значительной степени – если не полностью – собственными силами освободилась от фашистского господства. Это обстоятельство, а также относительно рано достигнутое сотрудничество антифашистов разных партий существенно

⁷⁹ Об этом см.: F. W. Deakin. Die brutale Freundschaft. Hitler, Mussolini und der Untergang des italienischen Faschismus. Köln, 1962.

содействовали тому примечательному, до сих пор сохранившемуся консенсусу итальянских партий, которые, за исключением неофашистов, как и прежде, ссылаются на свою антифашистскую традицию.

Но, конечно, этот антифашистский пафос имеет и свои идеологические искажения, выраженные известной остротой, что в Италии насчитывается 80 миллионов населения, поскольку к 40 миллионам фашистов, живших в этой стране до 1943 года, следует прибавить 40 миллионов антифашистов, обнаружившихся после 1943 года. Отнюдь не случайно этой итальянской остроте нет немецкой параллели. Как будет показано в следующей главе, «немецкий фашизм», при всех общих чертах, значительно отличается от «первоначального», итальянского фашизма – отличается своими причинами, структурой и, не в последнюю очередь, своими последствиями.

Глава 3. Национал-социализм.

Возникновение и рост

Подобно итальянской фашистской партии, Национал-социалистская рабочая партия Германии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, НСДАП) также возникла в условиях экономического и общественного кризиса послевоенных лет. Впрочем, она выросла в массовую партию лишь в годы мирового экономического кризиса. Муссолини пришел к власти всего лишь через три года после основания своей партии, но ему понадобилось для ее развития и укрепления еще шесть лет; между тем Гитлер смог захватить власть лишь через 13 лет, но затем, пользуясь этой властью, сумел в течение шести месяцев устранить все враждебные ему или соперничавшие с ним силы. Таким образом, история роста НСДАП существенно отличается от развития фашистской партии в Италии. Несомненно, это объясняется разными условиями, в которых находились эти партии.

Германия была гораздо более развитой индустриальной страной, чем Италия. У нее не было аграрной проблемы, сравнимой с итальянской. Большая часть немецкого рабочего движения осталась под руководством социал-демократической партии (СДПГ) на реформистских позициях и активно участвовала в подавлении революционных инициатив левых социалистов и коммунистов. Позже демократическим правительствам удалось преодолеть экономический кризис, вызванный переходом от военного производства к мирному и выплатой репараций. В первое время удалось даже сдержать националистический реваншизм после проигранной войны, еще более сильный в Германии, чем в Италии. За послевоенным кризисом с его экономическими, социальными и политическими проблемами наступило видимое, но весьма обманчивое успокоение. Кризисные явления, с самого начала присущие Веймарской республике в экономической, социальной и политической областях, оживились и усилились, когда разразился мировой экономический кризис. И все же, с учетом различных временных факторов, в предпосылках германского и итальянского фашизма обнаруживаются общие структурные черты⁸⁰.

История, структуры, программы и политическая практика НСДАП, наряду с идеологией, также в известной мере напоминают ее итальянский прообраз⁸¹. Не случайно, а с

⁸⁰ К сравнению итальянского фашизма и национал-социализма: W. Schieder (Hg.). Faschismus als soziale Bewegung. Вообще об истории Веймарской республики: A. Rosenberg. Geschichte der Weimarer Republik. Köln, 1974; E. Eyck. Geschichte der Weimarer Republik. 2 Bde. Zurich, 1974; K. Dederke. Reich und Republik 1917—1933. Stuttgart, 1969; W. Termin. Die Weimarer Republik. Hannover, 1975; W. Ruge. Deutschland von 1917 bis 1933. Berlin (Ost), 1974; H. Heiber. Die Republik von Weimar. München, 1974;

G. Schulz. Deutschland seit dem Ersten Weltkrieg 1918—1945. Göttingen, 1976; K. D. Bracher. Die Krise Europas 1917—1975. Berlin, 1976.

⁸¹ Вообще об истории НСДАП: W. Schafer. NSDAP. Entwicklung und Struktur der Staatspartei des Dritten Reiches. Hannover, 1956; D. Orlow. The History of the Nazi Party. 2 Vol. Pittsburgh, 1969—1973; G. Schulz. Aufstieg des Nationalsozialismus. Krise und Revolution in Deutschland. Berlin, 1975; K. Patzold, M. Weißebecker. Geschichte

достаточным основанием уже в 1922 году национал-социализм получил название «фашизм», и с ним боролись, обозначая его этим словом. Немецкая рабочая партия (Deutsche Arbeiterpartei), с 24 февраля 1920 года именованная себя Национал-социалистской рабочей партией Германии, в первой фазе своего развития, до 1923 года, рекрутировала своих членов главным образом из бывших участников войны и средних слоев городского и сельского населения⁸². Рабочие определенно составляли в ней меньшинство по сравнению с офицерами, ремесленниками, служащими, чиновниками и крестьянами. Но эта мнимая рабочая партия всячески старалась привлечь к себе также и пролетарские слои. Этой цели служили различные псевдосоциалистические требования, такие, как национализация трестов, конфискация военных доходов, земельная реформа и, по неясному выражению программы из 25 пунктов, принятой 24 февраля 1920 года, «уничтожение процентной кабалы»⁸³. Далее, опять-таки наподобие итальянской НФП, эти антикапиталистические цели дополнялись, и вместе с тем обесмысливались, другими пунктами программы, однозначно антисоциалистического и националистического содержания. Но в центре программы стоял антисемитизм, составлявший в некотором роде общую рамку националистических, антикапиталистических и антисоциалистических требований. В разных разделах программы евреи рассматривались и обличались не просто как национальное меньшинство – требовалось не только выселить проникших в Германию «восточных евреев», но и перевести немецких ассимилированных евреев, живших в Германии в течение столетий, в положение «иностранцев». Более того, все евреи вообще демонизировались и объявлялись подлинными виновниками поражения Германии, ответственными также за мнимую опасность марксизма и отрицательные стороны капитализма. Этот антисемитизм, мотивируемый прежде всего, но не исключительно, расистской идеологией, с самого начала отличает национал-социалистов от итальянских фашистов. Общей чертой является лишь стремление к уничтожению, впрочем, направленное в Италии не против немногочисленных евреев, а против марксистов и, на что часто не обращали внимания, против национальных меньшинств.

Сходство между фашизмом и национал-социализмом видно не только в социальной и идеологической области, но также во внешнем облике и в политической практике. НСДАП была так же организована и построена по военному образцу, так же опиралась на одетые в мундиры и частично вооруженные подразделения. Организация штурмовиков (СА, Sturmabteilungen), основанная 3 августа 1921 года, в ноябре 1923 года насчитывала уже 15 000 человек⁸⁴. «Штурмовые отряды», состоявшие преимущественно из мелкобуржуазных элементов, рекрутируемые из молодежи и имевшие подчеркнуто мужской характер, не отличались в этих отношениях от фашистских «скадри». Но хотя СА также подражала в своей организации и поведении военным образцам, она отличалась от созданной Муссолини армии гражданской войны двумя существенными чертами. Национал-социалистские штурмовики искали и провоцировали насильственные столкновения со своими политическими противниками, но их схватки в залах собраний и уличные сражения никоим

der NSDAP. 1920—1945. Köln, 1981. О ранней истории НСДАП: G. Franz-Wuling. Die Hitlerbewegung. Ihr Ursprung 1919—1922. Hamburg, 1962; W. Maser. Die Frühgeschichte der NSDAP. Hitlers Weg bis 1924. Frankfurt, 1965; A. Tyrell. Vom Trommler zum Führer. Der Wandel von Hitlers Selbstverständnis zwischen 1919 und 1924 und die Entwicklung der NSDAP. München, 1975; U. Lohalm. Volkischer Radikalismus. Die Geschichte des Deutschvolkischen Schutz- und Trutzbundes 1919—1923. Hamburg, 1970; D. Stegmann. Zwischen Repression und Manipulation: Konservative Machteliten und Arbeiter- und Angestelltenbewegung 1910—1918. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der DAP/NSDAP // Archiv für Sozialgeschichte, 12, 1972; K. Go?weiler. Kapital, Reichswehr und NSDAP 1919—1924. Berlin, 1982.

⁸² M. H. Kater. Zur Soziographie der frühen NSDAP // VfZ, 19, 1971, 124-59.

⁸³ Об идеологии НСДАП: Nolte. Faschismus, 343-55, 398—408; J. Fest. Hitler. Eine Biographie. Berlin, 1973; M. Plewnia. Auf dem Wege zu Hitler. Der «volkische» Publizist D. Eckart. Bremen, 1970. Об идеологическом фоне в целом: K. Sontheimer. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968; A. Mohler. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918—1932. Darmstadt, 1972; J. Petzold. Konservative Theoretiker des deutschen Faschismus. Jungkonservative Ideologen in der Weimarer Republik als geistige Wegbereiter der faschistischen Diktatur. Berlin, 1978.

⁸⁴ H. Bennecke. Hitler und die SA. München, 1962.

образом не достигали масштабов итальянского террора. Другое различие состояло в том, что, в отличие от «скадри» итальянского аграрного фашизма, поддерживаемых и организуемых в кадровом и материальном отношении аграриями, штурмовики никогда – даже в ранний период – не могли рассматриваться как орудие крупных землевладельцев и предпринимателей.

Денежные пожертвования, которые Гитлер получал от некоторых мелких и средних предпринимателей, были относительно незначительны. В то время как в Италии фашистское движение вначале напоминало армию гражданской войны, которую содержали аграрии и промышленники, хотя она никогда полностью от них не зависела, НСДАП с самого начала пыталась расширить и укрепить ряды своих членов и сторонников главным образом путем активной пропаганды – речей, собраний, шествий и т. п. На первых порах эта постоянная пропагандистская деятельность имела успех. НСДАП удалось, начав с Мюнхена и Баварии, найти точки опоры и в других немецких землях и организовать там местные группы. Но еще в конце 1923 года центр тяжести партии, безусловно, находился в Баварии. Там НСДАП превратилась в политическую силу, с которой приходилось считаться ведущим политикам и в Мюнхене, и в Берлине. Сознвая относительную и региональную ограниченность своего влияния, Гитлер все же почувствовал себя достаточно сильным, чтобы предпринять 8 ноября 1923 года, по образцу Муссолини, «поход на Берлин».

Нельзя сказать, что этот авантюристический план был заранее обречен на неудачу, как можно было подумать после его полного поражения»⁸⁵. В октябре 1923 года возник конфликт между центральным правительством и генеральным комиссаром Баварии фон Каром, которого поддерживала баварская группа рейхсвера во главе с командующим военным округом фон Лоссовом. Это столкновение привело к тому, что баварское и центральное правительства перестали признавать друг друга. Гитлер попытался использовать это неустойчивое положение в своих целях. В ночь на 9 ноября 1923 года он захватил в свои руки фон Кара и фон Лоссова, побуждая их поддержать его путч против центрального правительства. Но вскоре фон Кар и фон Лоссов отмежевались от Гитлера и отдали полиции приказ разогнать демонстрацию национал-социалистов, назначенную на 9 ноября. Мобилизованное для этой цели баварское подразделение полиции повиновалось. Полицейские открыли огонь по национал-социалистским путчистам во главе с Гитлером и Людендорфом, убив шестнадцать человек. Колонна рассеялась, Людендорф был арестован сразу же, а Гитлер – через два дня. Таким образом, задуманный путч провалился.

НСДАП была запрещена во всей Германии. Но, несмотря на это полное поражение, Гитлеру удалось снова подняться. Сам путч и процесс, завершившийся 1 апреля 1924 года оправданием Людендорфа и осуждением Гитлера на смехотворно легкое наказание – недолгое заключение в крепости, которому придали вдобавок почетный характер, – привели к тому, что Гитлер стал известен во всей Германии и открыто восхвалялся своими сторонниками и поклонниками. НСДАП окончательно превратилась в «гитлеровское движение», как ее часто и называли публично. После освобождения из заключения, где он написал свою программную, хотя и мало читаемую современниками книгу «Майн кампф» («Моя борьба»), Гитлер сумел провести во вновь созданной 27 февраля 1925 года НСДАП свой «фюрерпринцип» – «принцип вождизма».

Это вовсе не получилось само собой, поскольку те национал-социалистские фюреры низшего ранга, которые не были арестованы, примкнули тем временем к Германской народной партии свободы (Deutschvölkische Freiheitspartei), получившей как-никак целых 32 места в рейхстаге на выборах 4 мая 1924 года, из коих, впрочем, на следующих выборах, 7 декабря 1924 года, она уже потеряла 18. Эта партия, образовавшаяся в конце 1922 года из правого крыла расколовшейся Германской национальной народной партии (Deutsche Nationale Volkspartei), не была простой калькой НСДАП. У нее были опорные пункты

⁸⁵ Об этом и дальнейшем: Н. Н. Hofmann. Der Hitlerputsch. München, 1961; E. Deuerlein. Der Hitler-Putsch. Stuttgart, 1962; Н. J. Gordon. Hitlerputsch 1923. Machtkampf in Bayern 1923—1924. Frankfurt, 1971; Go?weiler, 419 ff.

главным образом в Северной Германии, где НСДАП до гитлеровского путча была очень слабо представлена, и она вовсе не так радикально отвергала парламентскую систему, как это делала НСДАП. Между национал-социалистскими и «народно» настроенными членами этой партии происходили резкие столкновения, которые привели к ее расколу и к образованию различных новых «народных» и национал-социалистских группировок.

Гитлер, как авторитетный для всех арбитр в этих спорах, сумел перетянуть большинство своих конкурентов во вновь учрежденную НСДАП. Остальные «народные» группировки, ослабев, потеряли всякое значение. Но это никоим образом не было концом разногласий по поводу политической тактики и идеологических установок.

Разногласия возникли в особенности по двум тесно связанным вопросам: должна ли НСДАП придерживаться своей прежней путчистской тактики и следует ли ей, для привлечения рабочих, выдвинуть революционно действующие цели. Гитлер, прежде всего опасавшийся помешать легализации НСДАП, после освобождения из заключения решил отказаться от путчистской тактики фашистского образца и придать своему образу действий хотя бы видимость парламентской политики. Он намерен был разрушить демократию лишь с помощью власти, достигнутой парламентским путем, — после чего, как он открыто предупреждал, «полетят головы». Однако это временное притязание на легальность не исключало насильственных действий по отношению к политическим противникам; впрочем, происходившая в Берлине и других больших городах борьба за «присутствие» на улицах, в местах общественных собраний и в рабочих кварталах была не самоцелью, а средством для достижения других целей. С одной стороны, эта пропаганда действия, осуществляемая также насильственным путем, привлекала к партии молодежь и в особенности составляла притягательную силу СА; с другой стороны, беспорядки, обличаемые и в значительной мере создаваемые самой НСДАП, давали повод утверждать, что лишь сильный человек, фюрер, способен положить конец этому хаосу и водворить порядок.

Преодолеть все виды сопротивления было нелегко, но Гитлеру удалось убедить своих оппонентов, особенно гауляйтеров северной и западной Германии, в правильности этой тактики, медленно, но верно ведущей к власти⁸⁶. Далее, критики этого легального курса, объединившиеся под руководством братьев Штрассер в «Сообщество северных и северо-западных округов НСДАП», придерживались мнения, что, несмотря на все неудачи, НСДАП должна прежде всего добиваться поддержки рабочего класса. Поэтому они делали ставку на антикапиталистические пункты партийной программы, в то время как Гитлер, напротив, стремился ослабить их, подчеркивая националистические, антисоциалистические и прежде всего антисемитские цели. Столкновения по поводу этих тесно связанных проблем привели к тому, что в конце концов в 1930 году ОТТО Штрассер вышел из партии. В конце 1930 и в начале 1931 года вновь произошел внутривнутрипартийный кризис, вследствие которого все организации СА Восточно-Эльбской области под руководством Вальтера Стеннеса взбунтовались и отказались повиноваться берлинскому гауляйтеру Геббельсу⁸⁷. Этот кризис удалось преодолеть лишь с трудом, при личном вмешательстве Гитлера. Еще опаснее были в глазах национал-социалистских руководителей переговоры Грегора Штрассера с генералом фон Шлейхером, но они не привели ни к какому результату, так что угрозы партийного раскола удалось избежать.

Эти внутривнутрипартийные столкновения не достигали таких масштабов, как в Италии, где лидеры провинциальных фашистов занимали весьма независимое положение, несравнимое с положением немецких гауляйтеров. Но они указывали на тот основной факт, что национал-социалистская партия фюрера вовсе не была столь единой и сплоченной, как она старалась

⁸⁶ G. Schildt. Die Arbeitsgemeinschaft Nord-West. Untersuchungen zur Geschichte der NSDAP 1925/26. Phil. Diss. Freiburg, 1964; R. Kuhn. Die nationalsozialistische Linke 1925—1930. Meisenheim, 1966; U. Wortz. Programmatik und Führerprinzip. Das Problem des Strasser-Kreises in der NSDAP. Phil. Diss. Erlangen, 1966; M. H. Kele. Nazis and Workers. Chapel Hill, 1972; W. Hot. Führerideologie und Parteiorganisation in der NSDAP (1919—1933). Dusseldorf, 1982; P. Huttenberger. Die Gauleiter. Studie zum Wandel des Machtgefüges in der NSDAP. Stuttgart, 1969.

⁸⁷ К этому: Я. Hohne. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Frankfurt, 1969, 69 ff.

представить себя внешнему окружению. Эти внутрипартийные разногласия были преодолены активизмом постоянных предвыборных боев – в буквальном смысле этого слова – и вскоре последовавшими успехами.

На выборах в рейхстаг 20 мая 1928 года НСДАП получила лишь 2,6% голосов и 12 мест. Это было все еще на два места меньше, чем получила «народная» партия за четыре года до того, на декабрьских выборах. Но возрастающее число членов НСДАП указывало уже на ее подъем. Рабочие по-прежнему были в ней мало представлены, но, наряду с ремесленниками, мелкими предпринимателями, служащими и студентами, в нее удавалось привлечь все больше представителей академических профессий, чиновников и главным образом крестьян⁸⁸. Это был результат пропаганды, особенно усилившейся в сельских местностях, а также в малых и средних городах. В 1929 году на выборах в различные муниципальные органы и ландтаги НСДАП получила значительно больше 10% мест. Еще более впечатляющих успехов добился Национал-социалистский союз немецких студентов на выборах в Общие студенческие комитеты университетов и высших школ⁸⁹. Уже в 1929 году он получил в среднем более 30% поданных голосов. О несомненном подъеме НСДАП свидетельствовал и тот факт, что в 1930 году она насчитывала уже 240 000 членов – почти исключительно мужчин. И все же значительная часть общественности была поражена огромным успехом НСДАП на выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 года, получившей 18,3% голосов и 107 мест и сразу превратившейся во вторую по силе партию после Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Двумя годами позже, на выборах в рейхстаг 31 июля 1932 года, НСДАП удвоила число своих депутатов, доведя его до 230.

Этот скачкообразный рост был прежде всего прямым, но также и косвенным следствием мирового экономического кризиса⁹⁰. При этом за НСДАП голосовали преимущественно представители средних слоев, которым приходилось мириться со снижением доходов и которые с большим или меньшим основанием опасались обнищания; между тем промышленные рабочие большей частью продолжали сопротивляться, хотя все же, по новым подсчетам, рабочие доставили национал-социалистам почти 20% полученных ими голосов⁹¹. Однако успех НСДАП на выборах объяснялся не только экономическими проявлениями кризиса, влияние которых было к тому же не столь прямолинейным. Это подчеркивается уже тем обстоятельством, что безработные, в конечном счете сильнее всего затронутые последствиями экономического кризиса, в подавляющем большинстве голосовали за Коммунистическую партию Германии (КПГ). Кроме того, успехи НСДАП не везде были одинаково велики. Они были крайне малы в сельских местностях с католическим

⁸⁸ Kater. Zur Soziographie; Id. Sozialer Wandel in der NSDAP im Zuge der nationalsozialistischen Machtergreifung // W. Schieder (Hg.). Faschismus, 25-68; Я. А. Винклер. Mittelstandsbewegung oder Volkspartei? Zur sozialen Basis der NSDAP // Ibid., 97-118; R. Mann (Hg.). Die Nationalsozialisten. Analysen faschistischer Bewegungen. Stuttgart, 1980; P. H. Merkl. The Nazis of the Abel Collection: Why They Joined the NSDAP // Larsen et al. (Eds.). Who Were the Fascists, 268-82. Об этом также см. прим. 12 ниже.

⁸⁹ A. Faust. Der Nationalsozialistische Deutsche Studentenbund, Studenten und Nationalsozialismus in der Weimarer Republik. Dusseldorf, 1973; M. H. Kater. Studentenschaft und Rechtsradikalismus in Deutschland 1918—1933. Hamburg, 1975.

⁹⁰ Об этом (с дальнейшей литературой): H. Mommsen et al. (Hg.). Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik. Dusseldorf, 1974 (и последующие стереотипные издания).

⁹¹ Исследование социального происхождения избирателей, голосовавших за национал-социалистов, было начато работами: Th. Geiger. Panik im Mittelstand // Die Arbeit, 7, 1930, 637-53; H. Neisser. Sozialstatistische Analysen des Wahlergebnisses // Ibid., 655-59; S. Riemer. Mittelstand und sozialistische Politik // Die Arbeit, 9, 1932, 265-72; C. Mierendorff. Was ist der Nationalsozialismus? Zur Topographie des Faschismus in Deutschland // Neue Blätter für den Sozialismus, 2, 1931, 149-54; Th. Geiger. Die soziale Schichtung des deutschen Volkes. Stuttgart, 1932; R. Heberle. From Democracy to Nazism. Baton Rouge, 1945; Id. Landbevölkerung und Nationalsozialismus. Stuttgart, 1963. Обзор результатов новейших исследований в: D. H. Chuders. The Social Bases of the National Socialist Vote // JCH, 11, 1976, 17-42; J. W. Falter. Wer verhalf der NSDAP zum Sieg? Neuere Forschungsergebnisse zum parteipolitischen und sozialen Hintergrund der NSDAP-Wähler 1924—1933 // Aus Politik und Zeitgeschichte, Nr. 28/29, 3-21; Id. Wählerbewegungen zur NSDAP 1924—1933. Methodische Probleme – empirisch abgesicherte Erkenntnisse – offene Fragen // O. Busch (Hg.). Wählerbewegungen in der europäischen Geschichte. Berlin, 1980, 159—202.

населением, между тем как в сельских областях протестантского севера и северо-востока они были особенно велики. Различное поведение избирателей в областях со сходной социально-экономической структурой следует объяснить прежде всего позицией обеих церквей по отношению к национал-социализму. Католическая церковь, по крайней мере до 1933 года, резко критиковала НСДАП по поводу религиозных представлений, высказанных некоторыми ее представителями, особенно Альфредом Розенбергом, не без успеха побуждая верующих голосовать за Партию центра. Между тем представители евангелической церкви, расколотой на 28 церквей отдельных земель, хотя и отвергали новоязыческие взгляды людей вроде Розенберга, в то же время более или менее открыто сочувствовали националистическим, антисоциалистическим, антикапиталистическим, а также антисемитским целям национал-социализма. Наконец, тот факт, что успехи НСДАП были особенно велики в пограничных восточных областях, прежде всего объясняется особенно ядовитым в этих местах национализмом, усиленным к тому же экономическими и религиозными факторами. В целом можно прийти к выводу, что члены НСДАП и ее электорат состояли преимущественно, но вовсе не исключительно, из представителей среднего класса, то есть мелкой буржуазии.

И все же по разным основаниям НСДАП нельзя рассматривать как мелкобуржуазную партию⁹². НСДАП никогда не считала себя преимущественно, и тем более исключительно, партией мелкобуржуазной ориентации; более того, она никогда не отказывалась от притязаний привлечь к себе и представлять все слои населения, в том числе рабочих, вначале мало податливых на ее пропаганду. Избирательными успехами она была обязана не только социальным требованиям и намеренно туманным экономическим целям своей программы. Столь же привлекательными оказались националистические и антисемитские пункты этой программы, а также стиль ее политики, отвечавший эмоциям людей из всех социальных слоев. Многих привлекала к НСДАП не ее программа, а внешний образ этой партии, отождествляемый с силой, сплоченностью и специфической мужественностью. В особенности это касается молодежи мужского пола. В самом деле, часто упускают из виду, что НСДАП, подобно НФП (Национальной фашистской партии Италии) и другим фашистским движениям, была в своем активном ядре чисто мужским союзом, представлявшим привлекательные в то время добродетели – товарищество, юность и подчеркнуто солдатское, агрессивное поведение.

Столь же односторонним и столь же неверным, как тезис мелкобуржуазности, был другой взгляд, распространенный в то время и даже в наши дни, согласно которому НСДАП представляла собой не что иное, как орудие, оплачиваемое и направляемое ведущими промышленниками⁹³, в этом утверждении, высказанном некоторыми марксистскими теоретиками фашизма, есть и доля правды, поскольку НСДАП, как и другие партии, получала от отдельных промышленников пожертвования, отчасти покрывавшие весьма значительную стоимость ее пропагандистских и избирательных кампаний. Но о размерах этих пожертвований до сих пор нет надежных и достаточно полных данных. Впрочем, многое говорит за то, что «самофинансирование» НСДАП, т. е. поступления от членских

⁹² Кроме указанных в прим. 12 работ Geiger, Neisser, Mierendorff и т. д., см. в особенности: A. Schweitzer. Die Nazifizierung des Mittelstandes. Stuttgart, 1970; H. A. Winkler. Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialismus. Die politische Entwicklung von Handwerk und Kleinhandel in der Weimarer Republik. Köln, 1972; Id. Vom Protest zur Panik: Der gewerbliche Mittelstand in der Weimarer Republik // Mommsen et al. (Hg.). Industrielles System, 778-91; H. Grebing. Faschismus, Mittelschichten und Arbeiterklasse // IWK, 12, 1976, 443-60; H. Speier. Die Angestellten vor dem Nationalsozialismus. Göttingen, 1977.

⁹³ Poleмика по этому поводу: Wippermann. Faschismustheorien, 11-55, 138-48. Далее: R. Saage. Faschismustheorien. München, 1976; E. Hennig. Thesen zur deutschen Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 1933—1938. Frankfurt, 1974; Id. Bürgerliche Gesellschaft und Faschismus in Deutschland. Frankfurt, 1977; D. Stegmann. Zum Verhältnis von Großindustrie und Nationalsozialismus 1930—1933 // Archiv für Sozialgeschichte, 13, 1973, 399—482; Id. Kapitalismus und Faschismus in Deutschland 1929—1934. Thesen und Materialien zur Restituierung des Primats der Großindustrie zwischen Weltwirtschaftskrise und beginnender Rüstungskonjunktur // Gesellschaft. Beiträge zur Marx'schen Theorie, 6. Frankfurt, 1976, 19-91; R. Neebe. Großindustrie und NSDAP 1930—1933. Göttingen, 1981.

взносов и входных билетов на различные национал-социалистские мероприятия, было значительно больше, чем пожертвования⁹⁴. Напротив, твердо установлено, что вклады промышленности были скорее следствием, чем причиной избирательных успехов национал-социалистов.

Для подъема национал-социализма решающее значение имели не кризисные явления в экономике и в общественной жизни, не восприимчивость значительной части мелкой буржуазии и не готовность отдельных ведущих промышленников оказывать НСДАП материальную поддержку – гораздо важнее были ошибки нефашистских и антифашистских общественных сил и партий Германии.

Коммунистическая партия Германии (КПГ) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) оказались неспособны извлечь уроки из ошибок братских итальянских партий, безуспешно пытавшихся помешать подъему и приходу к власти фашизма⁹⁵. И хотя они могли и должны были знать по итальянскому опыту, что ждет их в случае победы фашизма, обе немецкие рабочие партии, глубоко враждебные друг другу, не сумели преодолеть разделявшие их программные различия и построить единый оборонительный фронт против фашизма. Исходя из чисто функционального определения фашизма, лидеры КПГ считали «фашистскими» не только все буржуазные партии и правительства, но даже СДПГ и боролись против них под этим лозунгом. Они оправдывали такую линию авантюристическим, хотя и формально логичным доводом, будто буржуазные и социал-демократические политики, защищая парламентско-демократическую систему, по меньшей мере косвенно поддерживают капитализм. «Социал-фашизм» СДПГ отличается от «национал-фашизма» НСДАП, говорили они, лишь применяемыми методами. Если «национал-фашизм» выступает как прямая агентура капитала, то «социал-фашисты» своей приверженностью к парламентской демократии поддерживают капитализм косвенным образом, поскольку демократия – всего лишь замаскированная по необходимости форма капиталистического господства. Несмотря на некоторые призывы к единому фронту, адресованные почти исключительно не к руководству, а к рядовым членам СДПГ и Всеобщего объединения германских профсоюзов (ВОГП) и имевшие целью в конечном счете лишь побудить их перейти в КПГ и подчиненные ей организации, КПГ не могла решиться ни на защиту демократии, ни на совместные действия с СДПГ. КПГ чувствовала себя достаточно сильной, чтобы бороться и с СДПГ, и с НСДАП. При этом она колебалась между чисто насильственной тактикой под лозунгом «Бей фашиста, когда его увидишь!» и стремлением, перенея националистические требования, побудить сторонников НСДАП к переходу в КПГ. Эта тактика, названная по имени перешедшего из НСДАП в КПГ лейтенанта рейхсвера «курсом Шерингера», увенчалась провозглашенной в 1930 году коммунистической «Программой национального и социального освобождения германского народа». Эта националистическая «стратегия объятий» и тезис «социал-фашизма» привели даже к тому, что КПГ заключала некоторые частичные и кратковременные соглашения с НСДАП. Так обстояло дело в случае референдума, совместно организованного обеими партиями летом 1931 года, который привел к роспуску прусского ландтага и к падению социал-демократического правительства земли Пруссия; и точно так же – при забастовке рабочих Берлинского транспортного общества осенью 1932 года⁹⁶.

Социал-демократы видели в таких явлениях дополнительное оправдание своих сомнений, следует ли начинать серьезные переговоры о союзе с коммунистами, поскольку и национал-социалисты, и коммунисты одинаково стремились разрушить созданную и

⁹⁴ H. Matzerath, H. A. Turner. Die Selbstfinanzierung der NSDAP 1930—1932 // GG, 3, 1977, 93-108.

⁹⁵ По поводу дальнейшего см: Wippermann. Zur Analyse, 9 ff.

⁹⁶ S. Bahne. Die KPD und das Ende von Weimar. Das Scheitern einer Politik 1932—1935. Frankfurt, 1976; O. K. Flechtheim. Die KPD in der Weimarer Republik. Frankfurt, 1969; Th. Weingartner. Stalin und der Aufstieg Hitlers. Die Deutschlandpolitik der Sowjetunion und der Kommunistischen Internationale 1922—1934. Berlin, 1970; K. – E. Lonne. Faschismus als Herausforderung. Die Auseinandersetzung der «Roten Fahne» und des «Vorwärts» mit dem italienischen Faschismus 1920—1933. Köln, 1981.

защищаемую ими демократию. Они полагались в своей защите на убедительность своих аргументов, которые они пытались – без особого успеха – противопоставить национал-социалистской пропаганде, а также на завоеванные и укрепленные ими политические позиции. К их числу относился прежде всего руководимый социал-демократами союз «Государственный черно-красно-золотой флаг» («Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold»), насчитывавший 2 миллиона членов и составлявший противовес СА. Если бы национал-социалисты попытались насильственно захватить власть, по примеру итальянских фашистов, этот союз должен был прийти на помощь полиции, которая – по крайней мере в Пруссии – находилась под влиянием СДПГ. Но когда рейхсканцлер фон Папен 20 июля 1932 года, явно нарушив закон, сместил руководимое социал-демократами правительство земли Пруссия, не встретив при этом сопротивления, антифашистская концепция СДПГ потеряла свою опору. «Союз государственного флага» ни разу – ни 20 июля 1932 года, ни 30 января 1933 года – не был приведен в действие. Это отступление без борьбы указывает на фундаментальную ошибку в антифашистской стратегии СДПГ. При защите демократии она применяла только демократические методы и ошибочно рассчитывала, что и противники демократии в правых партиях, в чиновничестве, в экономике и в армии, несмотря на свою открытую враждебность республике, будут придерживаться демократических правил игры. Она слишком поздно и слишком слабо реагировала на тот факт, что и другие демократические партии Веймарской республики шаг за шагом разоружались и покидали демократию. Чтобы «избежать худшего», то есть захвата власти фашистами, который они боязливо представляли себе лишь в насильственной форме путча по итальянскому образцу, социал-демократические лидеры допустили в конечной фазе Веймарской республики посягательства на социальные завоевания 1918 года и даже терпели выхолащивание основных демократических прав и свобод. Так и возник тот «вакуум власти», который национал-социалисты смогли использовать для своего захвата власти⁹⁷.

Но, конечно, эта критика антифашистской стратегии КПП и СДПГ никоим образом не оправдывает поведение лидеров буржуазных партий, а также представителей армии, промышленности и сельского хозяйства. Эти силы были ответственны не только за строго дефляционную экономическую политику, увеличивавшую безработицу с ее опустошительными социальными и политическими последствиями, но также и за политический курс кабинетов Брюнинга, фон Палена и фон Шлейхера, которые, не располагая парламентским большинством, подрывали конституцию и постепенно разрушали и без того непрочную демократическую систему. И хотя на выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 года НСДАП потеряла 34 места и оказалась в кризисе, который мог бы привести к ее упадку, по инициативе руководящих деятелей германской крупной промышленности и сельского хозяйства и при поддержке некоторых политиков из окружения президента фон Гинденбурга был свергнут рейхсканцлер фон Шлейхер и было образовано коалиционное правительство во главе с Адольфом Гитлером.

«Третий рейх»

В кабинет, законным образом сформированный 30 января 1933 года, кроме самого

⁹⁷ R. M. Hunt. *German Social Democracy 1918—1933*. New Haven, 1964; Я. Mommsen. *Die Sozialdemokratie in der Defensive: Der Immobilismus der SPD und der Aufstieg des Nationalsozialismus* // Id. (Hg.). *Sozialdemokratie zwischen Klassenbewegung und Volkspartei*. Frankfurt, 1974, 106—133; W. Wette. *Mit dem Stimmzettel gegen den Faschismus. Das Dilemma des sozialdemokratischen Antifaschismus in der Endphase der Weimarer Republik* // W. Huber, J. Schwerdtfeger (Hg.). *Frieden, Gewalt, Sozialismus*. Stuttgart, 1976, 358—403; B. Hebel-Kunze. *SPD und Faschismus. Zur politischen und organisatorischen Entwicklung der SPD 1932—1935*. Frankfurt, 1977; H. Heer. *Burgfrieden oder Klassenkampf. Zur Politik der sozialdemokratischen Gewerkschaften 1930—1935*. Neuwied, 1973; E. Matthias. *Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands* // E. Matthias, R. Morsey (Hg.). *Das Ende der Parteien 1933*. Dusseldorf, 1960, 101—278; K. Rohe. *Das Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold. Ein Beitrag zur Typologie der politischen Kampfverbände in der Weimarer Republik*. Dusseldorf, 1966.

Гитлера, входило всего два других национал-социалиста: Вильгельм Фрик стал министром внутренних дел, а Герман Геринг был назначен министром без портфеля, но одновременно в качестве министра внутренних дел Пруссии распоряжался полицией этой крупнейшей из германских земель. Сверх того национал-социалисты, со своей миллионной партией и организованными по военному образцу, отчасти вооруженными подразделениями СА и СС, располагали такими средствами власти, с которыми и до 30 января 1933 года едва могли справиться демократические правительства и местные власти. Поэтому были более чем близоруки, а в свете итальянского опыта просто несерьезны намерения консервативных партнеров Гитлера интегрировать и контролировать массовое движение НСДАП, передав национал-социалистским фюрерам вместе с руководством полиции значительную часть государственной власти. В действительности национал-социалисты воспользовались переданной им 30 января 1933 года властью, чтобы с помощью своих партийных организаций подавить политических противников и вытеснить консервативных партнеров. Так называемый «захват власти» национал-социалистами был не единичным актом, а процессом, впрочем, в основном завершившимся в течение каких-нибудь шести месяцев. Итальянским фашистам для этого понадобилось более шести лет⁹⁸.

Сразу же после назначения Гитлера рейхсканцлером был распущен рейхстаг и объявлены новые выборы. В последовавшей за этим избирательной борьбе национал-социалисты могли не только использовать пожертвования промышленников – излившиеся теперь мощным потоком – но и без стеснения эффективно использовать свою позицию силы. Для этого они располагали средствами – государственной властью и партийной армией, к тому же наполовину принявшей государственный характер. В Пруссии двумя приказами (11 и 22 февраля) 40000 штурмовиков и эсэсовцев были включены во вспомогательную полицию. 17 февраля Геринг потребовал от них безжалостно преследовать политических противников, применяя огнестрельное оружие. В ночь поджога рейхстага (27 февраля 1933 года), в котором обвинили коммунистов, были арестованы тысячи коммунистических активистов по заранее составленным спискам. Днем позже эта беспрецедентная волна арестов была задним числом «легализована» так называемым «Распоряжением рейхспрезидента о защите народа и государства», вследствие чего потеряли силу важнейшие права, гарантированные Веймарской конституцией. Тем самым члены КПГ были фактически поставлены вне закона, хотя их партия могла еще принять участие в выборах в рейхстаг 5 марта. Она получила 81 место, но 13 марта ее мандаты были аннулированы.

На этих выборах в рейхстаг, которые вследствие преследований коммунистов и социалистов уже нельзя было считать свободными, НСДАП получила 43,9% поданных голосов. Таким образом, национал-социалисты не добились абсолютного большинства, к которому стремились. Поэтому для них было большим пропагандистским и политическим успехом, когда «Черно-бело-красный боевой фронт», возникший из объединения Германской национальной народной партии и «Стального шлема» и получивший 8% голосов, согласился поддержать Гитлера. Террор против коммунистов и социалистов продолжался, штурмовики и эсэсовцы отправляли их в «дикие» концентрационные лагеря, где их избивали и нередко пытали до смерти – при невмешательстве государственных учреждений, полиции, правосудия и рейхсвера; и одновременно с этим продолжалось систематическое подчинение и устранение политических противников и союзников НСДАП. Немедленно после выборов в рейхстаг 5 марта все правительства земель, не возглавляемые национал-социалистами, были смещены и на их место поставлены так называемые рейхскомиссары. 31 марта был издан

⁹⁸ K. D. Bracher et al. Die nationalsozialistische Machtergreifung. Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933/34. Köln, 1962. Вообще к истории «третьего рейха» см.: Nolle. Faschismus, 419 ff.; M. Roszat. Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. München, 19755; K. D. Bracher. Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln, 19765; W. Fischer et al. Deutschland von 1933 bis 1939. Berlin, 1969; W. Bleyer et al. Deutschland von 1939 bis 1945. Berlin, 1969; W. Schumann et al. Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bde 1-4. Berlin, 1974—1981; W. Deist et al. Das Deutsche Reich und der 2. Weltkrieg. Bd. 1. Stuttgart, 1979; Hildebrand. Drittes Reich.

закон «о равноправии земель и рейха», по которому парламенты земель были сконструированы по результатам выборов в рейхстаг 5 марта без всяких местных выборов. За восемь дней до этого, 23 марта, «закон о прекращении народного и государственного бедствия» фактически устранил рейхстаг, поскольку национал-социалистскому правительству предоставлялось право издавать законы без согласия и даже без участия рейхстага и государственного совета. Этот «закон о полномочиях» был принят квалифицированным большинством в две трети, так как его отвергли только еще не арестованные и не бежавшие депутаты социал-демократической партии. После унификации и очистки парламента законом о «восстановлении корпуса гражданских служащих» от 7 апреля были изгнаны из всех учреждений политические противники и те евреи, которые не пользовались защищавшим их некоторое время статусом членов «Фронта». 2 мая были распущены профсоюзы, их здания захвачены, а их имущество было в конце концов передано национал-социалистскому «Германскому рабочему фронту». 22 июня была также запрещена СДПГ и арестованы ее деятели, которые не сидели еще в «диких» концентрационных лагерях или не эмигрировали. После того как в июне и июле все еще остававшиеся буржуазные партии самораспустились, закон от 14 июля 1933 года объявил НСДАП единственной партией Германии. Этими террористическими и псевдолегальными методами, применяемыми сверху и снизу, более или менее завершился процесс захвата власти.

С этого времени кроме НСДАП только армия и церковь обладали еще, по крайней мере потенциально, политической и моральной властью. Хотя оба эти учреждения никогда не были полностью унифицированы, они были в значительной мере лишены влияния. Армия уже разделила вину и объективно стала сообщницей насильственной власти национал-социалистов, хотя бы своим благожелательным нейтралитетом во время их террористического похода против политических противников и своим пассивным поведением во время так называемого «путча Рема» 30 июня 1934 года. Жертвами этой расправы пали, наряду с разными руководителями СА, также некоторые консервативные политики, в том числе бывший рейхсканцлер генерал фон Шлейхер. Даже когда в 1938 году военный министр фон Бломберг и верховный командующий армией фон Фрич были смещены со своих постов по ничтожным, даже смехотворным мотивам – одному вменили в вину мнимые гомосексуальные наклонности, другому «не соответствующую» его достоинству жену, – рейхсвер не заявил ни малейшего протеста. Большинство офицеров с большим или меньшим энтузиазмом участвовало в перевооружении Германии, а потом в победоносных походах начала войны; более того, они считали себя связанными принесенной Гитлеру присягой даже тогда, когда стали очевидны и приближавшееся катастрофическое поражение, и беспредельные преступления национал-социалистского режима. Однако сопротивление некоторых военных кругов указывает на уже упомянутый факт, что национал-социалистам не удалось полностью унифицировать и подчинить себе армию⁹⁹.

Еще сложнее было положение в «третьем рейхе» обеих церквей. Поспешному, иногда чересчур поспешному приспособлению многих церковных деятелей противостояло здесь сопротивление некоторых, правда, относительно немногочисленных, групп и отдельных лиц. И приспособление, и сопротивление обосновывались при этом как религиозными, так и политическими мотивами, которые в этих христианских исповеданиях не были тождественны. Руководство католической церкви, до 1933 года резко отрицательно относившееся к национал-социализму, затем очень быстро сменило эту позицию на благожелательную симпатию. Это определялось конкордатом между курией и «третьим рейхом», предложенным Гитлером сразу же после вступления в должность и заключенным уже 20 июля 1933 года. Этот договор был весьма выгоден для католической церкви, так как он не только признавал, но и ставил под защиту закона конфессиональные школы, так же как

⁹⁹ M. Messerschmidt. Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit der Indoktrination. Hamburg, 1969; K. – J. Müller. Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistisches Regime 1933—1940. Stuttgart, 1969; J. Dulffer. Weimar, Hitler und die Marine. Reichspolitik und Flottenbau 1920—1939. Dusseldorf, 1973; R. Absolon. Die Wehrmacht im Dritten Reich. Bde 1-3. Boppard, 1969—1975.

существование многих католических объединений – светских, профессиональных, женских и юношеских. Впрочем, католическая церковь дорого заплатила за это, пожертвовав Партией центра, одобрившей «закон о полномочиях» и вскоре после этого распущенной. Католическая церковь приняла на себя не только это, но и выразила в связи с конкордатом чрезвычайно важное в политическом и пропагандистском отношении признание и уважительное отношение к «третьему рейху», надеясь избежать таким образом унификации своих обществ и союзов. На первых порах эти надежды, казалось, оправдывались: национал-социалисты терпимо относились к росту католических обществ в 1933 и 1934 годах и даже содействовали возрастанию числа верующих и открытию католических церковных школ.

Но с 1935 года НСДАП все более активно стремилась ограничить влияние католических юношеских обществ, а затем стала распускать их и включать в состав «гитлерюгенда». В ходе принятого ими курса на ослабление религиозных убеждений национал-социалисты усиливали свою кампанию против религиозных школ и против католической печати, до тех пор, пока в 1941 году не перестали выходить еще остававшиеся епископальные бюллетени. Сверх того, развернув коварную клеветническую кампанию против членов католических орденов, которым ставились в вину нравственные пороки и нарушения валютного законодательства, национал-социалисты стремились отдалить верующих католиков от их церкви. Эта все более враждебная церкви политика вызывала протест и сопротивление отдельных католиков, причем, никогда не получившее полной и открытой поддержки католической церкви в целом.

Что касается евангелической церкви, то, если не считать относительно малочисленных групп либеральных теологов и верующих социалистов, подавляющая часть ее одобрительно, а порой даже с энтузиазмом отнеслась к разрушению демократии и установлению национал-социалистического террористического режима. Это объяснялось не только традиционной в евангелической церкви политически и религиозно аргументируемой покорностью начальству, но также ее религиозно окрашенным превозношением немецкой нации и презрением к социализму и демократии. Однако попытки организационной унификации 28 евангелических церквей отдельных земель, предпринятые некоторыми национал-социалистами в начале 1933 года, не достигли цели. «Государственный комиссар по делам земельных евангелических церквей» Август Егер, назначенный на эту должность уже 24 июня 1933 года, был отозван с нее, когда некоторые священники, объединившиеся в «движение молодых реформаторов», и прежние руководящие учреждения церкви заявили протест против такой тотальной формы унификации, вызвавшей даже критику президента фон Гинденбурга.

Впрочем, этот конфликт завершился весьма выгодным для национал-социалистов компромиссом, поскольку была достигнута договоренность, что вопрос о форме и устройстве евангелической церкви в «третьем рейхе» должны решать сами общины.

На церковных выборах, срочно организованных 23 июля и поддержанных всем аппаратом пропаганды НСДАП, «Немецкие христиане» получили значительно больше 60% поданных голосов. Казалось, таким образом внутри евангелической церкви завершился захват власти «снизу», поскольку основанное лишь в 1932 году национал-социалистское движение «Немецких христиан» (которые часто сами себя называли «штурмовиками Иисуса Христа») имело теперь большинство голосов в церковном руководстве почти всех немецких общин. Это движение последовательно использовало свое большинство, чтобы унифицировать отдельные евангелические церкви не только в организационном, но и в идеологическом отношении. В церквях различных земель – например, 5 сентября в Старопрусском союзе – был принят «арийский параграф», предусматривавший исключение «неарийских» священников и церковных служащих. 27 сентября Людвиг Мюллер, доверенное лицо Гитлера, был выбран «имперским епископом», то есть верховным главой всех евангелических церквей. Но когда 13 ноября 1933 года «Немецкие христиане», собравшиеся в берлинском Дворце спорта, потребовали, чтобы с этого момента более не почитались Ветхий Завет и послания апостола Павла, как продукты еврейского духа, то даже

консервативные и «национально мыслящие» протестанты не согласны были принять после политической унификации еще и эту «теологическую аризацию». Возникло движение протеста, мотивируемое сначала чисто теологически, которое было выражено основанным уже 11 сентября 1933 года «Чрезвычайным союзом священников» и, наконец, воспринято и организовано «Церковью исповедания». Отсюда возникло церковное Сопротивление, принявшее у некоторых представителей «Церкви исповедания» сознательно политический характер, – что у других произошло скорее против их воли¹⁰⁰.

Если отвлечься от сопротивления немногочисленных церковных и военных кругов, а также отдельных лиц, то можно прийти к выводу, что церкви и вермахт хотя и не были полностью унифицированы, все же были настолько приспособлены к режиму или сами к нему приспособились, что, по существу, не представляли никакой опасности для внутреннего состояния «третьего рейха». Они были скорее союзники, чем конкуренты, а тем более противники национал-социализма. Поэтому многое говорит в пользу тезиса, выдвинутого отнюдь не только национал-социалистскими пропагандистами, по которому в «третьем рейхе» была монолитно сплоченная диктатура фюрера, способная исключить или унифицировать все враждебные и конкурирующие силы. «Государство Гитлера» было также гораздо более тоталитарным, чем фашистское «*stato totalitario*» в Италии, но и оно имело определенные черты «поликратии» [Многовластия. – Прим. перев.].

Между отдельными группами и лицами в партии, промышленности, вермахте и бюрократии постоянно происходили конфликты по поводу компетенции. Даже на региональном и местном уровне члены партии боролись за власть и влияние друг с другом и с государственными чиновниками. Хотя важно учитывать эти постоянные конфликты, которые здесь не могут быть описаны подробно, однако следует предостеречь от переоценки этих поликратических черт «третьего рейха». Упомянем лишь, что авторитарная власть Гитлера и его компетенция принимать решения не ограничивалась, а только усиливалась этими пререканиями по поводу компетенции, поскольку Гитлер с самого начала умел противопоставлять друг другу, в духе политики *divide et impera* [Разделяй и властвуй (лат.). – Прим. перев.], эти враждующие группы и личности внутри национал-социалистского синдиката власти. Прибавим – и это обстоятельство надо непременно учитывать, – что масштабы и характер национал-социалистского террора никоим образом не ограничивались и не смягчались этими бесспорно поликратическими чертами. Споры о компетенции не мешали установлению и эффективности национал-социалистской системы террора и не задерживали ее развития, поскольку у групп и отдельных лиц, боровшихся за власть и влияние, не было никаких принципиальных расхождений в отношении преследования политических противников и меньшинств. Чтобы понять это обстоятельство, надо хотя бы вкратце рассмотреть развитие и функционирование национал-социалистской системы террора¹⁰¹.

В течение 1933 года уже описанный «дикий» террор СА и СС, большей частью «оправдываемый» ссылкой на «распоряжение по поводу поджога рейхстага» от 28 февраля 1933 года, постепенно сдерживался, так как руководящие национал-социалисты опасались,

¹⁰⁰ F. Zipfel. *Kirchenkampf in Deutschland 1933—1945. Religionsverfolgung und Selbstbehauptung der Kirchen in der nationalsozialistischen Zeit.* Berlin, 1965; G. Lewy. *Die katholische Kirche und das Dritte Reich.* Munchen, 1965; J. S. Conway. *Die nationalsozialistische Kirchenpolitik 1933—1945. Ihre Ziele, Widerspruche und Fehlschlage.* Munchen, 1969; K. Schulder. *Die Kirchen und das Dritte Reich. Bd. 1.* Berlin, 1977.

¹⁰¹ Тезис о поликратическом характере «третьего рейха» см. уже у: E. Fraenkel. *Der Doppelstaat.* Frankfurt, 1974 (впервые – New York, 1940); F. Neumann. *Behemoth. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933—1944.* Frankfurt, 1977 (впервые – New York, 1942-44). Затем он был перенят, в частности, в работах: H. Mommsen. *Beamtenum im Dritten Reich.* Stuttgart, 1967; Hohne. *Der Orden;* P. Diehl-Thiele. *Partei und Staat im Dritten Reich. Untersuchungen zum Verhältnis von NSDAP und allgemeiner innerer Staatsverwaltung 1933—1945,* Munchen, 1969; Broszat. *Staat Hitlers;* R. Bollmus. *Das Amt Rosenberg und seine Gegner.* Stuttgart, 1970. Обзор: P. Huttenberger. *Nationalsozialistische Polykratie // GG, 2, 1976, 417-42.* Противоречивая дискуссия по этому вопросу в: G. Hirschfeld, L. Kettenacker (Hg.). *Der «Führerstaat»: Mythos und Realitat. Studien zur Struktur und Politik des Dritten Reiches.* Stuttgart, 1981.

что не смогут удержать его под контролем. Его заменил бюрократически контролируемый и санкционированный государством террор гестапо, возникшего из подразделения 1А Берлинского полицейского управления. 30 ноября 1933 года служащие этого учреждения, еще называвшегося тогда «Прусским ведомством тайной государственной полиции», получили далеко идущие полномочия. Их мероприятия нельзя было ни обжаловать, ни преследовать в судебном порядке. При этом гестапо, возглавляемое Герингом, столкнулось с сильным конкурентом внутри партии. Это был Генрих Гиммлер, к весне 1934 года соединивший под своей властью политическую полицию всех земель, кроме Пруссии. Хотя Геринг вовсе не симпатизировал возвышению Гиммлера с его СС, он больше всего опасался СА под командой Рема. Поэтому 20 апреля 1934 года он заключил с Гиммлером нечто вроде соглашения, по которому тот в качестве заместителя прусского премьер-министра (то есть Геринга) становился инспектором прусского гестапо, которое объединялось с политической полицией остальных земель и расширялось, превратившись в общегерманское гестапо.

Двумя месяцами позже гестапо и СС нанесли удар по СА, устранив этого нежелательного конкурента, а заодно и других подлинных или только потенциальных врагов режима. Гиммлер был щедро вознагражден за свои услуги при подавлении мнимого «путча Рема». Части СС, которыми он командовал как «рейхсфюрер», были выделены из состава СА и прямо подчинены Гитлеру. Им были поручены вместо СА руководство и охрана концентрационных лагерей, которые теперь были «признаны государством» и широко развернуты по образцу концентрационного лагеря Дахау. Они служили не только для преследования и запугивания политических противников режима, но сверх того стали ядром и исходным пунктом экономической империи СС, которая с 1938 года принялась эксплуатировать также рабочую силу людей, заключенных в лагеря по политическим и расовым мотивам. Впоследствии «рейхсфюреру СС» Генриху Гиммлеру удалось подчинить своему контролю и все другие репрессивные органы национал-социалистского режима, объединив их в Главное имперское управление безопасности.

В это управление, созданное 27 сентября 1939 года, вошли, с одной стороны, уголовная и политическая полиция, уже с 1936 года соединенные с гестапо, а с другой стороны – так называемая Служба безопасности (СД, Sicherheitsdienst). СД представляла собой основанный еще в 1931 году орган тайной полиции НСДАП, развернутый с 1933 года параллельно гестапо под руководством Гиммлера и его заместителя Гейдриха. В то время как отделения и учреждения гестапо занимались арестами и ежемесячно направляли в Берлин обзоры состояния всего рейха, где они подвергались оценке, задача СД состояла в выработке общих принципов надзора и преследования политических противников и расовых жертв режима. Прежде всего это касалось депортации, а затем «окончательного решения еврейского вопроса»¹⁰².

Впрочем, террористическая организация СС, составлявшая ядро террористического «третьего рейха», не контролировала отправление правосудия, которое уже в 1933 году было в значительной степени очищено от судей и прокуроров, нежелательных в политическом или расовом отношении. Национал-социалистам этого было недостаточно. К этим мерам прибавилось значительное ужесточение наказаний за «политические преступления». Сюда относилось, например, чрезвычайное постановление «против предательства немецкого народа и происков государственной измены» от 28 февраля 1933 года, изменившее некоторые положения уголовного кодекса, чтобы облегчить процедуру наказаний. Сюда же относилось, далее, изданное 21 марта постановление о «защите от вероломных нападков на правительство национального возрождения», позволявшее наказывать всех, кто решался хотя

¹⁰² О национал-социалистской системе террора: Hohne. Der Orden; Zipfel. Kirchenkampf; Id. Gestapo und Sicherheitsdienst. Berlin, 1960; H. Buchheim et al. Anatomie des SS-Staates. 2 Bde. Freiburg, 1965; S. Aronson. Heydrich und die Anfänge des SD und der Gestapo (1931—1935). Berlin, 1967; J. Delarue. Geschichte der Gestapo. Dusseldorf, 1964; M. Broszat (Hg.). Studien zur Geschichte der Konzentrationslager. Stuttgart, 1970; F. Finget. Haftlinge unter SS-Herrschaft. Widerstand, Selbstbehauptung und Vernichtung im Konzentrationslager. Hamburg, 1978.

бы критиковать национал-социалистское правительство. К этим и другим существенным изменениям уголовного и процессуального права, применявшимся с грубой последовательностью множеством угодливых судей, прибавилось учреждение 24 апреля 1934 года «Народного суда», означавшее также организационное изменение и расширение немецкой юстиции.

«Народный суд», начавший свою деятельность уже 14 июля 1934 года, был ответом национал-социалистов на исход процесса о поджоге рейхстага, завершившегося в высшей степени сомнительным в правовом отношении смертным приговором предполагаемому поджигателю ван дер Люббе и оправданием обвиненных вместе с ним коммунистов. Задача «Народного суда» состояла в быстром и безжалостном наказании политических противников режима. С этой целью были изменены в ущерб обвиняемому и его защитнику различные процессуальные нормы, а также затруднены возможности возражения против судебного приказа и обжалования приговора. Судьи и заседатели «Народного суда», большей частью выбранные из фюреров СА и СС, оправдали надежды национал-социалистов. Они действовали с крайней быстротой – если в 1935 году было вынесено «лишь» 210 приговоров, то в 1944 году их было уже свыше 2 000, – а сверх того, их приговоры носили драконовский характер и не выдерживали никакой критики в правовом отношении. Всего с 1934 по 1944 год было вынесено почти 13 000 смертных приговоров, большинство из которых было исполнено¹⁰³.

Наряду с политическими противниками системы, сопротивление которых никогда не было полностью сломлено, мероприятия национал-социалистских террористических органов были прежде всего направлены против меньшинств. В первую очередь это касалось, конечно, евреев, которые стали жертвами клеветы, бесправия, были исключены из «национального сообщества», ограблены, подвергнуты преследованиям и в конце концов уничтожены. Преследование евреев национал-социалистами, которое здесь не может быть рассмотрено в подробностях, проводилось разными учреждениями, разными методами и оправдывалось разными мотивами.

Самые заметные, хотя и не обязательно самые важные действия предпринимались при этом вполне открыто активистами партии и подчиненных ей учреждений; они претендовали на выражение «воли народа», не имея для этого оснований, так как большинство населения было пассивно. Сюда относится бойкот еврейских торговцев, врачей и адвокатов, объявленный 1 апреля 1933 года, сожжение в Берлине и в других университетских городах «антинемецких сочинений» 10 мая 1933 года и особенно погром 9 ноября 1938 года, до сих пор называемый довольно безобидным термином «хрустальная ночь» («Reichskristallnacht»), хотя дело не ограничилось тем, что были разбиты стекла и разграблены еврейские магазины, а также разрушены почти все синагоги, – сверх того 26 000 евреев было отправлено в концентрационные лагеря и был убит 91 человек еврейского происхождения.

Еще важнее этих и многих других безобразий, не только терпимых, но провоцируемых и проводимых национал-социалистами, были сотни антисемитских законов, постановлений и дополнений, опять-таки часто мотивируемых «волей народа», которую представляли сами национал-социалисты. В этой связи следует упомянуть увольнение служащих еврейского происхождения по закону «о восстановлении гражданской службы» от 7 апреля 1933 года, коснувшемуся с сентября 1935 года также тех служащих, которые пользовались вначале весьма ненадежной защитой параграфа о членах «Фронта борьбы». Далее, был введен профессиональный запрет, распространенный с 1938 года на всех евреев-врачей, адвокатов, ремесленников и работников физического труда. Были приняты и другие чрезвычайные законы, по которым евреям запрещалось посещение общественных школ, университетов, кино, театров, концертов, выставок и купален и, наконец, покупка и содержание

¹⁰³ H. Schom. Die Gesetzgebung des Nationalsozialismus als Mittel der Machtpolitik. Frankfurt, 1963; G. Buchheit. Richter in roter Robe. Freisler – Präsident des Volksgerichtshofes. München, 1968; W. Wagner. Der Volksgerichtshof im nationalsozialistischen Staat. Stuttgart, 1974; H. Robinson. Justiz als politische Verfolgung. Die Rechtsprechung in «Rassenschande-fällen» beim Landgericht. Hamburg, 1936—1943. Stuttgart, 1977.

автомобилей, телефонов, газет, определенных предметов одежды и ценных вещей, даже домашних животных. Все это обосновывалось ссылкой на нюрнбергские законы от 15 сентября 1935 года, лишавшие евреев гражданских прав и запрещавшие им вступать в брак или в половые сношения с «арийцами». Эти формы клеветы и преследования со стороны партии и государства дополнялись разграблением имущества немецких евреев, которое под названием «аризации» проводилось не только государственными учреждениями, но также отдельными фирмами и частными лицами.

При взгляде на все многочисленные, проводимые различными учреждениями антисемитские мероприятия, лишь немногие из которых мы могли здесь указать, трудно обнаружить в них какой-нибудь сознательный и целенаправленный план или единую мотивацию. В действительности задуманное и почти осуществленное полное уничтожение европейских евреев лишь с более поздней точки зрения может показаться неизбежным и планомерным результатом национал-социалистской политики в отношении евреев. Но отдельные стадии клеветы, изоляции, лишения гражданских прав, ограбления и преследования евреев в Германии и в захваченных немецкими войсками странах Европы фактически создали предпосылки проведенного с грубой последовательностью холокоста. Мотивация, на которой основывалась вся эта политика в целом, также не обнаруживает какого-либо единства. Если уничтожение евреев, проведенное с бюрократической последовательностью и производственной аккуратностью, следует однозначно, даже почти исключительно объяснить расовой доктриной, то в первой фазе еврейской политики национал-социалистов перевешивал хотя также неприемлемый, но все же рационально постижимый политический и экономический расчет. Поэтому, несмотря на особый характер уничтожения евреев в конечной стадии их преследования, можно провести некоторые параллели между поведением национал-социалистов по отношению к евреям и к другим меньшинствам Германии¹⁰⁴.

Это относится прежде всего к синти (Sinti) и рома (Roma), число которых в Германии в начале 1933 года было около 26 000. Никто из лидеров национал-социалистов до захвата власти не интересовался существованием этих так называемых «цыган». После 30 января 1933 года их положение сначала тоже не особенно изменилось. Меньшинство синти и рома было скорее косвенно затронуто различными бесчеловечными законами и постановлениями национал-социалистов. Сюда относился изданный 24 ноября 1933 года «закон против опасных рецидивистов», к которым национал-социалисты причисляли всех лиц, дважды осужденных за уголовные правонарушения или преступления. С 1938 года подобные «асоциальные элементы», как их называли в то время отнюдь не только убежденные национал-социалисты, направлялись в концентрационные лагеря. К этому кругу лиц относились также другие цыгане, уже вследствие своего кочевого образа жизни нарушавшие те или иные законы и постановления. Впрочем, эти меры основывались больше на уголовно-превентивных соображениях, из которых исходило также весьма жесткое «постановление о цыганах» 1936 года; согласно этому постановлению, «цыгане», пользовавшиеся до 30 января, по крайней мере, терпимостью, были подвергнуты еще более строгому полицейскому надзору.

Если эти меры против цыган лишь количественно отличались от прежних полицейских мер против этой «заразы», то волна арестов, начавшаяся 13 июля 1938 года, имела экономическую мотивировку. В ходе этой так называемой «акции против асоциальных элементов», направленной не только против цыган, но и против когда-либо осужденных

¹⁰⁴ G. Reitlinger. Die Endlösung. Hitlers Versuch der Ausrottung der Juden Europas 1939—1945. Berlin, 1956; W. Scheffler. Judenverfolgung im Dritten Reich 1933—1945. Berlin, 1960; R. Huberg. The Destruction of the European Jews. Chicago, 1961; G. Schonbemer. Der gelbe Stern. Die Judenverfolgung in Europa 1933—1945. Hamburg, 1960; Buchheim et al. (Hg.). Anatomie. Bd. 2, 283—448; U. D. Adam. Judenpolitik im Dritten Reich. Dusseldorf, 1972; K. Drobisch et al. Juden unterm Hakenkreuz. Verfolgung und Ausrottung der deutschen Juden 1933—1945. Berlin, 1973; K. Patzold. Faschismus, Rassenwahn, Judenverfolgung. Eine Studie zur politischen Strategie und Taktik des faschistischen deutschen Imperialismus (1933—1945). Berlin, 1975; Я. G. Adler. Der verwaltete Mensch. Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland. Tubingen, 1974.

евреев, СС пыталась увеличить число своих лагерных рабов, снизившееся на какое-то время после освобождения многих политических заключенных. Но «заинтересованность» СС в цыганах этим не ограничилась. 18 декабря 1938 года Гиммлер приказал применить «результаты расово-биологических исследований» при «окончательном решении цыганского вопроса».

Под этими «расовыми исследованиями» имелись в виду работы некоторых ученых, опиравшихся на данные «Государственного центра по борьбе с цыганскими бесчинствами», входившего в ведомство уголовной полиции. В ходе этих исследований все цыгане старше шести лет были подвергнуты криминологическому описанию и на основании расовых и уголовно-политических данных разделены на так называемых «полных цыган», «смешанных цыган» и «лиц, бродяжничающих на цыганский лад». Незадолго до начала войны и после него эти данные были применены на практике. Началась массовая стерилизация, депортация цыганских семей из имперских территорий в Польшу и, наконец, после нападения на Советский Союз, – массовые убийства. После того как 13 марта 1942 года «указанием об обращении с цыганами» было отчетливо установлено, что «особые предписания относительно евреев» должны быть «соответственно применены к цыганам», по имеющимся оценкам, от 500 000 до 600 000 цыган, не исключая и солдат вермахта, было отравлено газом в Освенциме и других лагерях уничтожения¹⁰⁵.

Нельзя упускать из виду и меры преследования, выпавшие на долю других национальных меньшинств в Германии и в оккупированных Германией областях, даже если эти меры и несравнимы с акциями уничтожения евреев и цыган. Это касается сербов в области Лаузиц (Лужице) и поляков в восточных областях Германии, в Берлине и в Рурской области, у которых отняли культурные организации, еще оставшиеся у них после пакта Гитлера-Пилсудского от 26 января 1934 года, и многие из которых после нападения на Польшу были посажены в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Намного хуже было положение поляков в областях, фактически аннексированных Германией после польской кампании, – в частях Польши, отошедших под власть гауляйтеров Восточной Пруссии, Силезии, Данцига – Западной Пруссии и Познанской области [В подлиннике Warthegau, как называлась эта территория при национал-социалистской оккупации Польши. Прим. перев.]. Они подвергались беспримерному нажиму, чтобы вытравить у них национальные чувства, их эксплуатировали, депортировали, убивали и по малейшему поводу приговаривали к смерти и казнили.

Наконец, следует указать еще на судьбу многочисленного меньшинства в «третьем рейхе», о существовании которого теперь нередко забывают, хотя оно насчитывало 7,5 миллиона человек. Это были «гастарбайтеры», навербованные или просто насильно увезенные из всех стран Европы, особенно же из Польши и Советского Союза. Положение этих «гастарбайтеров» было крайне тяжелым. Они жили, как правило, в примитивных общежитиях вблизи от предприятий и были лишены необходимых удобств. Если они возражали против этих условий или, вольно или невольно, не соблюдали рабочую дисциплину, то администрация предприятий передавала их гестапо, которое направляло их в концентрационные лагеря или так называемые «лагеря трудового воспитания». Хотя «гастарбайтеров», главным образом по экономическим соображениям, чаще направляли в деревню, где их эксплуатировали, обращение с ними зависело также от определенных элементов расовой идеологии. Оно определялось не работоспособностью и трудолюбием, а «расовым составом» стран, откуда эти рабочие произошли. Ниже всего стояли в этом ранговом порядке «иностранцы рабочие» из Польши и России, которые, подобно находившимся в еще худшем положении еврейским лагерным рабам, должны были носить

¹⁰⁵ Н. Buchheim. Die Zigeunerdeportation vom Mai 1940 // Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958, 51-61; Н.А. Daring. Die Zigeuner im nationalsozialistischen Staat. Hamburg, 1964; F. Wolffling. Zur Verfolgung und Vernichtung der mitteldeutschen Zigeuner unter dem Nationalsozialismus // Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 14, 1965, 501-08; S. Steinmetz. Österreichs Zigeuner im NS-Staat. Wien, 1966; J. S. Hohmann. Geschichte der Zigeunerfolge in Deutschland. Frankfurt, 1981.

на одежде определенные буквы и символы, указывающие на их происхождение. Без принудительного и рабского труда миллионных масс иностранных рабочих национал-социалисты не могли бы поддерживать военную экономику и относительно высокий уровень жизни немецкого населения. Сколь бы частыми ни были напоминания об этом факте, они никогда не будут излишними; утверждение, приписывающее Гитлеру по крайней мере заслугу устранения безработицы и преодоления экономического кризиса, принадлежит к тем «легендам о Гитлере», которые никак невозможно искоренить¹⁰⁶.

В действительности восхваляемые национал-социалистской пропагандой успехи в экономической и социальной политике были всего лишь видимостью. Они по существу опирались на непродуктивные меры по распределению рабочей силы и на строгий переход к автаркии и военизированному производству. Высшей целью национал-социалистской экономической политики была подготовка агрессивных войн со странами, затем подлежащими ограблению, чтобы покрыть вложенные в вооружение капиталы – большей частью взятые займы. Эта экономическая программа была очень проста и прозрачна и на первых порах успешна. Она не только принесла видимость хозяйственного процветания, но и весьма содействовала интеграции широких слоев населения, слишком легко склонявшихся забывать при виде этих успехов другую, террористическую сторону «третьего рейха».

Это относится и к значительной части рабочих. На многих рабочих произвели впечатление социально-политические мероприятия «третьего рейха», хотя социальные результаты национал-социалистских кампаний, таких, как «Народная помощь» (Volkswohlfahrt), «Зимняя благотворительность» (Winterhilfswerkes) и «Сила в радости» (Kraft durch Freude), были далеко не столь значительны, как это утверждала национал-социалистская пропаганда. Конечно, в национал-социалистских мнимых профсоюзах под названием «Германский рабочий фронт» многие рабочие не могли видеть замену утерянных профсоюзных организаций. Но, с другой стороны, они должны были признать, что национал-социалистам удалось преодолеть безработицу – мерами по распределению рабочей силы и развертыванием военного производства. В целом это привело к ощутимому улучшению материального положения рабочих. Хотя минимальный уровень зарплаток был заморожен уже со времени экономического кризиса, в то время как цены на ряд потребительских товаров росли, в некоторых областях промышленности реальная заработная плата все же возросла, снова достигнув в 1938/1939 году уровня 1928 года. Это произошло вследствие недостатка рабочей силы, проявившегося с 1938/1939 года в некоторых отраслях, особенно в производстве вооружений; в результате многие рабочие, переменяв место работы или угрожая уйти с работы, могли добиться оплаты, превышающей установленный по закону минимум.

Значительная часть мелкой буржуазии тоже прямо или косвенно выиграла от национал-социалистской экономической политики, хотя национал-социалисты и не выполнили обещаний 1933 года, а, напротив, стимулировали концентрацию и модернизацию экономики. И все же улучшилось положение не только служащих и чиновников, но также мелких ремесленников и крестьян. Это объясняется и общим оживлением конъюнктуры, и другими мероприятиями режима. Сюда относится, например, устранение евреев из профессиональной жизни и ограбление их имущества, что также прямо или косвенно привело к повышению доходов многих нееврейских врачей, адвокатов и ремесленников. Что касается крестьян, то они не только превозносились национал-социалистской пропагандой, но также получили по «государственному закону о наследственном крестьянском дворе» от 29 сентября 1933 года весомые материальные преимущества. Согласно этому закону, крестьянские дворы

¹⁰⁶ Ch. Kleemann. *Polnische Bergarbeiter im Ruhrgebiet 1870—1945. Soziale Integration und nationale Subkultur einer Minderheit in der deutschen Industriegesellschaft*. Göttingen, 1978; H. Pfahmann. *Fremdarbeiter und Kriegsgefangene in der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945*. Darmstadt, 1968; Pingel. *Haftlinge*; Ch. Streit. *Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945*. Stuttgart, 1978; E. Seeber. *Zwangsarbeiter in der faschistischen Kriegswirtschaft*. Berlin, 1964; D. Majer. «Fremdvölkische» im Dritten Reich. Boppard, 1981.

величиной не менее 7,5 гектара не могли быть проданы или принудительно отчуждены за долги. Впрочем, это не означало общего снятия долгов.

Наконец, и не в последнюю очередь, национал-социалистская экономическая политика была полезна предпринимателям; они не должны были больше сражаться с притязаниями и требованиями чуждых им профсоюзов, и доходы их, вследствие конъюнктуры вооружения, чрезвычайно быстро росли. Далее, они в значительной степени выигрывали от грабительских и агрессивных войн, от ограбления немецкими войсками побежденных и оккупированных стран, а также от беспощадной эксплуатации «иностранных рабочих» и лагерных рабов. Однако это не значит, что они были ответственны за начало и ход войны, которая перешла в тотальную хищническую и расовую войну и неизбежно должна была завершиться полным поражением.

За исключением отдельных вмешательств, обусловленных автаркией и войной, национал-социалистское государство отказалось от далеко идущих изменений капиталистической собственности; но все же в этом национал-социалистском государстве – не совсем, но в значительной степени тотальном – предприниматели были, как правило, не в состоянии превратить оставшуюся у них экономическую власть в политическую. Предприниматели могли еще участвовать в планировании и проведении хищнических национал-социалистских войн, но им не было дозволено сколько-нибудь существенно влиять на расовую войну, увенчавшуюся холокостом. Освенцим невозможно объяснить и не следует объяснять вульгарно-марксистским тезисом об экономической выгоде. Так же обстояло дело и с тотальным способом ведения войны, примененным национал-социалистами и приведшим к полному поражению, к потере и разрушению также и большей части (24%) частных производственных мощностей¹⁰⁷.

Уже в 1933 году многие антифашисты в Германии и за рубежом заявляли: «Гитлер идет к войне!» Но государственные деятели Западной и Восточной Европы повторили в области внешней политики ошибку тех консервативных политиков Германии, которые полагали, будто можно сдержать развитие национал-социализма политикой умиротворения и упорядочения. Они не только более или менее пассивно наблюдали за разрушением демократии в Германии и преследованием политических противников и евреев, но также терпели и принимали такие акты Гитлера, как вступление в демилитаризованную Рейнскую область и так называемый аншлюс Австрии, шаг за шагом уничтожавшие постановления Версальского договора. Высшей, но еще не конечной точкой этой политики «appeasement» [Умиротворение (англ.). – Прим. перев.] была аннексия Судетской области, явно одобренная Англией и Францией на Мюнхенской конференции 29 сентября 1938 года. Лишь после того, как Гитлер разгромил также «остаточную Чехию» в марте 1939 года и оккупировал принадлежавшую Литве Мемельскую область, британское и французское правительства нашли в себе силу гарантировать 31 марта 1939 года независимость Польши, которая была очевидным ближайшим объектом национал-социалистской агрессивной политики.

Тем самым завершился период западной политики умиротворения. На смену ей пришла политика «appeasement», проводимая Советским Союзом, который заключил 23 августа 1939 года пакт о ненападении с Германией и создал таким образом важную предпосылку для немецкого нападения на Польшу. И в самом деле, 1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись без объявления войны в Польшу, продвинувшись только до линии,

¹⁰⁷ О национал-социалистской социальной и экономической политике, кроме упомянутых в прим. f9 общих изложений истории «третьего рейха»: A. S. Milward. Die deutsche Kriegswirtschaft 1939—1945. Stuttgart, 1966; D. Petzina. Autarkiepolitik im Dritten Reich. Der nationalsozialistische Vierjahresplan. Stuttgart, 1968; Id. Die deutsche Wirtschaft in der Zwischenkriegszeit. Wiesbaden, 1977; D. Eichholtz. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945. Bd. 1. Berlin, 1969; W. Fischer. Deutsche Wirtschaftspolitik 1918—1945. Opladen, 19683; F. Forstmeier, H. – E. Volkmann (Hg.). Wirtschaft und Rüstung am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Dusseldorf, 1975; Id. (Hg.). Kriegswirtschaft und Rüstung 1939—1945. Dusseldorf, 1977; T. W. Mason (Hg.). Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft. Opladen, 1975; Id. Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977; D. Schoenbaum. Die braune Revolution. Köln, 1968.

предусмотренной секретным дополнительным протоколом к пакту Гитлера – Сталина. Советские войска оккупировали, кроме восточной части Польши, также часть Румынии и суверенные балтийские государства Эстонию, Латвию и Литву.

Несмотря на этот странный союз между фашистской Германией и коммунистической Россией, длившийся до нападения на Советский Союз 22 июня 1941 года, Вторая мировая война была также с самого начала войной мировоззрений: она была вызвана прежде всего идеологическими представлениями Гитлера, а затем уже – политическим и экономическим расчетом. Это не значит, что отдельные фазы и стадии войны протекали по «расписанию», изложенному Гитлером в книге «Моя борьба» и в других его программных высказываниях. Так, например, временный союз с Советским Союзом был, конечно, столь же мало предусмотрен им, как и война с Англией, которой Гитлер «на самом деле» хотел бы избежать. Нападение на Данию и Норвегию не объяснялось ни расистской, ни антикоммунистической идеологией, а только военно-стратегическими и экономическими требованиями флота и промышленности. Так же обстояло дело с походами в Грецию, Югославию и Северную Африку, тоже не запланированными, а возникшими вследствие непредвиденных военных и политических событий – слабости итальянских войск, провала пронационал-социалистского путча в Югославии и т. п.¹⁰⁸

Но уже действия «оперативных групп» (Einsatzkommandos) в Польше, следовавших непосредственно за сражающимися войсками, чтобы наряду с подлинными или потенциальными политическими противниками захватить и уничтожить также евреев и представителей польского правящего класса, показали, что национал-социалисты с самого начала имели в виду нечто большее, чем империалистическую завоевательную войну. В отличие от кайзеровской Германии, национал-социалистская Германия боролась не только за политическое господство в Европе, но также и за расистский «новый порядок» в континентальном, а потенциально и в глобальном масштабе, при котором «германская раса господ», рассматриваемая как высшая раса и представляемая немцами, будет господствовать над всеми другими народами. В то время как славянские нации подлежали порабощению и должны были вести существование бесправных илотов [Коренное население Мессении, закрепощенное спартанцами. – перев.], этот план – в значительной мере осуществленный – предусматривал полное уничтожение еврейской «расы», поскольку она рассматривалась как корень всякого зла, в частности социализма, коммунизма и вообще всего «современного» (Moderne). При всей сумасбродности этой идеологической концепции она последовательно и безжалостно проводилась на практике. Ей предоставлялся абсолютный приоритет перед экономическими и военными интересами и целями промышленности и вермахта, даже и в то время, когда осуществление расово-идеологических целей было уже несовместимо со стремлением национал-социалистов сохранить свою политическую и военную власть¹⁰⁹.

Этой фанатической, поистине самоубийственной связью с идеологической догмой расовой войны национал-социализм качественно отличается от итальянского фашизма. Хотя немецкий и итальянский фашизм сравнимы между собой в их идеологии (за исключением расистски мотивируемой идеологии антисемитизма), в их внешнем облике и социальном составе, между ними были количественные различия¹ – в масштабах, в унификации и в

¹⁰⁸ О внешней политике «третьего рейха»: Н. – А. Jacobsen. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933—1938. Frankfurt, 1968; K. Hudebrand. Deutsche Außenpolitik 1933—1945. Kalkül oder Dogma? Stuttgart, 19763; A. Kuhn. Hitlers außenpolitisches Programm. Entstehung und Entwicklung 1919—1939. Stuttgart, 1970; A. Hulgmbler. Deutsche Großmacht- und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Dusseldorf, 1977; M. Funke (Hg.). Hitler, Deutschland und die Mächte. Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches. Dusseldorf, 1976; W. Michalka (Hg.). Nationalsozialistische Außenpolitik. Darmstadt, 1978; G. Niedhart (Hg.). Kriegausbruch 1939. Entfesselung oder Ausbruch des Zweiten Weltkrieges. Darmstadt, 1976; E. Fom dran et al. (Hg.). Innen- und Außenpolitik unter nationalsozialistische: Bedrohung. Determinanten internationaler Beziehungen in historischen Fallstudien. Opladen, 1977; Schumann et al. Deutschland im Zweiten Weltkrieg; Deist et al. Das Deutsche Reich und der 2. Weltkrieg.

¹⁰⁹ См. прежде всего: Hudebrand. Kalkül, 134 ff.; Id. Hitlers Ort in der Geschichte des preußisch-deutschen Nationalstaates // HZ, 217, 1973, 584—632; A. Hulguber. Kontinuität oder Diskontinuität in der deutschen Außenpolitik von Bismarck bis Hitler. Dusseldorf, 1969.

совершенстве террористического аппарата. Это проявилось в преследовании меньшинств, не говоря уже об уничтожении евреев. Эти количественные различия в унификации и гораздо более эффективная в Германии система террора в конечном счете, как будет показано дальше, привели к тому, что немецкое Сопротивление не смогло добиться таких успехов, как итальянская *Resistenza*, – во всяком случае, в последней фазе истории итальянского фашизма.

Поражения и успехи Сопротивления

Те, кто с самого начала и наиболее решительно боролись с «третьим рейхом», были члены запрещенных и загнанных в подполье партий и организаций рабочего движения¹¹⁰. Они подвергались также самому строгому наблюдению и преследованию со стороны национал-социалистских террористических организаций. Но надо признать, что действительные успехи рабочего Сопротивления были очень невелики. С одной стороны, это объясняется уже описанной, едва ли не доведенной до совершенства системой наблюдения и террора, устроенной национал-социалистами; с другой же стороны – тем, что различные нелегальные партии и организации рабочего движения, если не считать некоторых региональных или даже местных исключений, даже в эпоху «третьего рейха» не хотели и не умели преодолеть свои внутренние конфликты и создать единую организацию Сопротивления. Различные группы рабочего движения действовали отдельно и были по отдельности разбиты.

КПП после ее запрещения вначале пыталась сохранить свою строго иерархическую систему с подчинением низших звеньев высшим, а также, вопреки фашистскому террору, пыталась проводить массовые акции. Тысячи коммунистов участвовали в изготовлении и распространении нелегальных листовок и в других пропагандистских мероприятиях. До 1935 года членам нелегальной КПП продавали даже марки для оплаты членских взносов. До этого времени руководство КПП и Коммунистического Интернационала исходило из того, что массовые акции этого рода могут в короткое время привести к распаду «третьего рейха», тогда как в действительности они лишь облегчали мероприятия гестапо. Лишь на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала в 1935 году эта стратегия, вряд ли совместимая с условиями фашистской Германии, была пересмотрена, а вместе с ней и политика борьбы с социал-демократией как с «крылом фашизма». Так как к этому времени, помимо партийного руководства, жертвами систематических полицейских операций стали тысячи членов нелегальной КПП, с 1936 года коммунисты ограничились поддержанием весьма непрочной информационной сети, связывавшей отдельные действовавшие в Германии коммунистические группы Сопротивления между собой и с заграничным руководством. Коммунистическое Сопротивление в значительной степени угасло под действием пакта Гитлера – Сталина и снова усилилось лишь после немецкого нападения на Советский Союз. Возникли различные организации Сопротивления; некоторые из них

¹¹⁰ Общие обзоры Сопротивления в «третьем рейхе»: Н. Rothfels. *Die deutsche Opposition gegen Hitler*. Frankfurt, 1964; G. Weisenborn (Hg.). *Der lautlose Aufstand. Bericht über die Widerstandsbewegung des deutschen Volkes 1933—1945*. Frankfurt, 1974; W. Schmitthenner, H. Buchheim (Hg.). *Der deutsche Widerstand gegen Hitler*. Köln, 1966; G. Plum. *Widerstandsbewegungen // Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft*. Bd. 6. Freiburg, 1972, 961-83; G. von Roon. *Widerstand im Dritten Reich*. München, 1979; P. Hoffmann. *Widerstand gegen Hitler. Probleme des Umsturzes*. München, 1977; Ch. Kleemann, F. Pingel (Hg.). *Gegner des Nationalsozialismus. Wissenschaftler und Widerstandskämpfer auf der Suche nach historischer Wirklichkeit*. Frankfurt, 1980; R. Lowenthal, P. von zu Mühlen. *Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945*. Berlin, 1982; K. Mammach. *Die KPD und die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung 1933—1939*. Frankfurt, 1974. О сопротивлении в рабочем движении в целом: Я. J. Reichhardt. *Möglichkeiten und Grenzen des Widerstandes der Arbeiterbewegung // Schmitthenner, Buchheim (Hg.). Widerstand*, 169—213; W. Abendroth. *Der Widerstand der Arbeiterbewegung // E. Weich (Hg.). Deutscher Widerstand 1933—1945. Aspekte der Forschung und der Darstellung im Schulbuch*. Heidelberg, 1967, 76-96; D. Peukert. *Der deutsche Arbeiterwiderstand gegen das Dritte Reich*. Berlin, 1983; *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. Bd. 5: *Vom Januar 1933 bis Mai 1945*. Berlin, 1966.

поддерживали контакты также с социал-демократами и даже с буржуазными и военными кругами. Но, в отличие от Коммунистической партии Италии, КПП не удалось применить на практике принятую в 1935 году концепцию Народного фронта. Исключением был вскоре распавшийся парижский Комитет Народного фронта; что же касается групп «Национального комитета „Свободная Германия“, действовавших не столько в Германии, но главным образом за границей, и в особенности в Советском Союзе, то ими большей частью руководили коммунисты, которым приходилось принимать во внимание интересы Советского Союза, часто мотивируемые отнюдь не „антифашистскими“ целями¹¹¹.

Лидеры СДПГ и руководимого ею Всеобщего союза германских профсоюзов в 1933 году долго, слишком долго питали иллюзию, что политика осторожной сдержанности по отношению к национал-социалистскому режиму может сохранить их организации. Этот фатальный курс приспособления, выразившийся, например, в одобрении так называемой «мирной речи» Гитлера 17 мая 1933 года фракцией СДПГ в рейхстаге – уже обескровленной арестами и эмиграцией, – фактически привел к расколу партии. Эмигрировавшие социал-демократы образовали в пражском изгнании новую организацию, «Sorade» [Сокращение. «Социал-демократическая партия Германии». Имеется в виду заграничное руководство СДПГ, находившееся до 1938 года в Праге, а затем в Лондоне. Прим перев.], которая уже 18 июня 1933 года, то есть еще до запрещения СДПГ 22 июня, обратилась к немецким рабочим с программной статьей и призвала их «разорвать свои цепи» и бороться за «перестройку капиталистической экономики в социалистическую».

Уже до этого отдельные социал-демократы и профсоюзные деятели ушли в подполье. Но, в отличие от коммунистов, они очень скоро поняли, что нелегальные массовые организации с отдельными ячейками, партийными органами и сбором членских взносов прямо провоцируют действия гестапо. Напротив, эти социал-демократы исходили из трезвой оценки возможностей сопротивления в террористическом «третьем рейхе» и, по существу, ограничивались сохранением традиционных связей в форме дискуссионных кружков, спортивных союзов и т. п., чтобы в момент ожидаемого и желанного распада «третьего рейха» располагать людьми для восстановления партии. Кроме этой системы неформальных, но хорошо законспирированных групп социал-демократов и членов профсоюзов, отказывавшихся от демонстративных акций сопротивления, но – как видно из отчетов «Sorade» – имевших хорошо разработанные контакты с партийным руководством в Праге, было также несколько очень активных групп Сопротивления на региональном и более высоком уровне, к которым, наряду с социал-демократами, примкнули также бывшие члены КПП и отколовшихся коммунистических и социалистических групп. Прежде всего следует упомянуть здесь «Красную ударную группу» («Roter Stoßtrupp») в Берлине, «Социалистический фронт» («Sozialistische Front») в районе Ганновера и межрегиональную группу «Новое начало» («Neubeginnen»)¹¹².

¹¹¹ О сопротивлении КПП: Bahne. KPD; Я Duhnke. Die KPD von 1933 bis 1945. Köln, 1972; A. Sywottek. Deutsche Volksdemokratie. Studien zur politischen Konzeption der KPD 1935—1949. Dusseldorf, 1971; D. Peukert. Die KPD im Widerstand. Verfolgung und Untergrundarbeit an Rhein und Ruhr 1933—1945. Wuppertal, 1980; G. Nitzsche. Die Saefkow-Jakob-Bastlein-Gruppe. Berlin, 1957; G. Glondajewski, H. Schumann. Die Neubauer-Poser-Gruppe. Berlin, 1957; /. Krause. Die Schubert-Engert-Kresse-Gruppe. Berlin, 1960; K. H. Biemat, L. Kraushaar. Die Schulze-Boysen/Harnack-Organisation im antifaschistischen Kampf. Berlin, 1970.

¹¹² О сопротивлении СДПГ и ВОГП: L. J. Edinger. Sozialdemokratie und Nationalsozialismus. Hannover, 1960; P. Grasmann. Sozialdemokraten gegen Hitler 1933—1945. München, 1968; R. Kustermeier. Der Rote Stoßtrupp. Berlin, 1970; F. Moraw. Die Parole der «Einheit» und die Sozialdemokratie. Zur parteiorganisatorischen und gesellschaftspolitischen Orientierung der SPD in der Periode der Illegalität und in der ersten Phase der Nachkriegszeit 1933—1948. Bonn, 1973; K. Kliem. Der sozialistische Widerstand gegen das Dritte Reich, dargestellt an der Gruppe «Neu Beginnen». Phil. Diss. Marburg, 1957; Я. J. Reichardt. Neu Beginnen. Ein Beitrag zur Geschichte des Widerstandes gegen den Nationalsozialismus // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands, 12, 1963, 150-88; R. Lowenthal. Die Widerstandsgruppe «Neu Beginnen». Berlin, 1982; J. von Freyberg. Sozialdemokraten und Kommunisten. Die Revolutionären Sozialisten Deutschlands vor dem Problem der Aktionseinheit 1934—1937. Köln, 1973; Я. Esters, H. Feiger. Gewerkschafter im Widerstand. Hannover, 1967; L. Reichold. Arbeiterbewegung jenseits des totalen Staates. Die Gewerkschaften und der 20. Juli 1944. Wien, 1965.

Подобно группам Сопротивления КПГО (Коммунистическая партия Германии – оппозиция, *Kommunistische Partei Deutschlands – Opposition*), СРП (Социалистическая рабочая партия, *Sozialistische Arbeiterpartei*) и ИССБ (Интернациональный социалистический союз борьбы, *Internationaler Sozialistischer Kampfbund*), они особенно важны не только тем, что до их разгрома органами гестапо они вели очень интенсивную борьбу, но еще и тем, что в этих группах произошло объединение социалистов и коммунистов из разных партийных организаций¹¹³. То же можно сказать об антифашистских организациях, возникших в конце «третьего рейха» и вскоре после его распада и ставивших себе целью создать новое рабочее движение, вне рамок КПГ и СДПГ. Ввиду отрицательного отношения к ним всех оккупационных властей это не удалось, как и предыдущие попытки создать антифашистский Народный фронт¹¹⁴. Контакты представителей рабочего Сопротивления с церковными, буржуазными и военными оппозиционными организациями также не достигли таких масштабов и интенсивности, как в Италии. Если отвлечься от контактов, непосредственно предшествовавших 20 июля 1944 года [День покушения на Гитлера и неудавшегося военного путча против национал-социалистской власти. – Прим. перев.], им не удалось преодолеть взаимное недоверие.

Примечательно, однако, что почти не было контактов также между оппозиционными кругами и отдельными лицами разных церквей – евангелической и католической. Подлинное сотрудничество между оппозиционными христианами евангелического и католического вероисповедания было, по существу, лишь в кружке Крейзау» [«*Kreisauer Kreis*», от названия имения Крейзау близ Швейдница в Силезии, где в конце Второй мировой войны возникла антифашистская группа, преимущественно правого направления. – Прим. перев.], поддерживавшем сверх того, как уже было сказано, контакты с другими буржуазными и военными группами, а также с социалистическим и коммунистическим движениями Сопротивления. Причина, по которой сотрудничество католических и евангелических участников Сопротивления было лишь спорадическим и возникло очень поздно, состоит в уже описанном различном положении этих церквей в «третьем рейхе».

Хотя «Церковь исповедания» уже на Барменском Синоде в мае 1934 года решительно отвергла, исходя из более или менее теологических аргументов, притязание национал-социалистского государства быть «единственным и тотальным порядком человеческой жизни», членам этой оппозиционной группы трудно было отказаться от тесного сотрудничества церкви и государства, выросшего из церковной истории и обоснованного целыми поколениями теологов. В этом отношении очень важную роль сыграла «диалектическая теология» Карла Барта, принявшего активное участие в выработке Барменского заявления. Но если подумать, насколько очевидным с самого начала был характер «третьего рейха», то кажется удивительным, почему многие теологи так долго не могли постигнуть, что «третий рейх» не мог и не должен был быть установленным от Бога начальством. И все же в конце концов дело дошло до актов сопротивления отдельных духовных лиц, с политической и теологической мотивировкой, а также до нескольких открытых протестов. Так обстояло дело, например, с принятым 28 мая 1936 года воззванием временного руководства «Общегерманского союза братьев» (*Reichsbruderrat*) против так называемого «позитивного христианства» и против мероприятий национал-социалистов по устранению вероисповеданий из воспитания юношества с литургией о сохранении мира, отслуженной 30 сентября 1938 года частью священников «Церкви исповедания» перед лицом угрожавшего конфликта по судетскому вопросу, и, наконец, с открыто высказанной 12-м Прусским синодом верующих критикой массового уничтожения психически больных и

¹¹³ О сопротивлении социалистических и коммунистических оппозиционных групп: К. – Н.Тjaden. *Struktur und Funktion der «KPD-Opposition» (KPO)*. Meisenheim, 1964; Th. Bergmann. *50 Jahre KPD (Opposition) 30.12.1928-30.12.1978*. Hannover, 1978; H.Drechsler. *Die Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands (SAPD)*. Meisenheim, 1965; J. Bremer. *Die Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands (SAP)*. *Untergrund und Exil 1933—1945*. Frankfurt, 1978; W. Link. *Die Geschichte des UB und des ISK*. Meisenheim, 1964.

¹¹⁴ L. Niethammeretal. (Hg.). *Arbeiterinitiative 1945*. Wuppertal, 1976.

людей «чужой расы». Впрочем, это был единственный случай, когда евангелическая церковь протестовала против преследования евреев, хотя, с другой стороны, были люди, считавшие своим христианским долгом совести помогать преследуемым евреям¹¹⁵.

В целом можно сказать, что представители католической церкви тоже не решались заклеить преступления «третьего рейха». Это связано было с соображениями церковной политики, поскольку католические епископы Германии и папа опасались, что слишком явные протесты могут побудить национал-социалистское руководство расторгнуть конкордат. Лишь тогда, когда нарушения национал-социалистами положений конкордата стали слишком очевидны, папа Пий XI решился критиковать эти нарушения. Однако в энциклике «С неустанной заботой» нет ни слова протеста против преследования евреев, а тем более борцов Сопротивления из рядов запрещенного рабочего движения. Энергичны и – по крайней мере, временно – успешны были протесты епископа Мюнстерского графа Галена против умерщвления национал-социалистами душевнобольных. В 1943 году католические епископы в пастырском послании о десяти заповедях атаковали религиозную и расовую политику национал-социалистов с резкостью, сравнимой с заявлением евангелической церкви на 12-м Прусском синоде верующих. Но это единственный документ, в котором католическая церковь как учреждение хотя бы косвенно призвала к борьбе. Однако нельзя забывать о католических священниках и простых верующих, оказавших решительное сопротивление национал-социализму¹¹⁶.

В целом, высшей точкой немецкого движения Сопротивления, несомненно, было покушение на Гитлера 20 июля 1944 года, которое должно было стать сигналом для общего восстания; но после некоторых первоначальных успехов движение было быстро сломлено. Многие говорят в пользу предположения, что если бы круги, участвовавшие в подготовке покушения, имели связь с группами Сопротивления – церковными, социалистическими и коммунистическими, – то в случае успеха задуманных заговорщиками действий могло бы возникнуть, как в случае путча Бадольо, широкое и успешное движение Сопротивления.

Надо, однако, заметить, что эти люди из буржуазных и военных кругов преследовали цели, далекие от представлений парламентской демократии. Это относится прежде всего к крайне консервативной группе вокруг Карла Герделера; что же касается членов кружка, собиравшегося в имении графа Мольтке в силезском Крейзау, то они строили утопические, нежизнеспособные планы, ориентируясь на устаревшие модели общества. В критике этих антидемократических социальных и конституционных планов, изложенных в многочисленных воспоминаниях, не следует упускать из виду два важных, может быть, решающих факта. Во-первых, это уже упомянутая по крайней мере наметившаяся попытка объединить все группы Сопротивления, от коммунистов до консерваторов; во-вторых – успешная попытка привлечь к задуманному путчу также высших офицеров. Эти борцы Сопротивления исходили из трезвого, вполне реалистического понимания, что успешная попытка свергнуть господство национал-социалистов может исходить только от одной из военных групп. К несчастью, лишь очень немногих офицеров можно было убедить, что вопреки присяге, принесенной Гитлеру, они не обязаны были терпеть массовые убийства и другие злодеяния «третьего рейха». Но если даже попытка восстания полностью провалилась – из-за случайностей и ошибок планирования, к которым надо прежде всего отнести не достигнутую, едва наметившуюся мобилизацию общественности, – то все же историческое и моральное значение этой попытки не исчерпывается его неудачей¹¹⁷.

¹¹⁵ Zipfel. Kirchenkampf; Conway. Kirchenpolitik; E. Bethge. Dietrich Bonhoeffer. Theologe – Christ – Zeitgenosse. Munchen, 1978; K. Meier. Der evangelische Kirchenkampf. 2 Bde. Göttingen, 1976; G. von Norden. Der deutsche Protestantismus im Jahr der nationalsozialistischen Machtergreifung. Gütersloh, 1979; H. Probingneuer. Der Fall K. Barth 1934–1935. Neunkirchen, 1977; J. Schmidt. M. Niemöller im Kirchenkampf. Hamburg, 1971.

¹¹⁶ Lewy. Katholische Kirche; H. Müller. Katholische Kirche und Nationalsozialismus. Munchen, 1965; K. Gotto, K. Reppen (Hg.). Kirchen, Katholiken und Nationalsozialismus. Mainz, 1980.

¹¹⁷ G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1956; G. Buchheit. L. Beck. Munchen, 1964; P. Hoffmann. Widerstand – Staatsstreich – Attentat. Munchen, 1969; G. von Roon. Neuordnung im Widerstand. Der Kreisauer Kreis innerhalb der deutschen Widerstandsbewegung. Munchen, 1967; Müller. Heer und

То же относится ко всему немецкому движению Сопротивления. Хотя оно в основном терпело лишь поражения, в конечном счете успех его состоял в том, что многочисленные акты и явления неорганизованного сопротивления и непокорности в повседневной жизни показали победоносным державам и самим немцам, что национал-социализм в конечном счете вовсе не был столь успешным, как это всегда изображала его пропаганда. Конечно, большинство немецкого «народного сообщества», уменьшавшееся с течением времени, почти до самого конца восхваляло своего фюрера, но были и другие люди, не ликовавшие и не приспособившиеся, оказавшиеся способными сопротивляться и в той или иной форме оказывавшие сопротивление¹¹⁸. Однако, несмотря на это, оценки и традиции немецкого движения Сопротивления в целом остаются предметом спора между двумя немецкими государствами и между партиями. В отличие от Италии, в Германии наследие и заповедь Сопротивления не ощущаются как объединяющий элемент. Этот факт до наших дней оказывает большое воздействие на демократический консенсус, способность к компромиссам и немецкое национальное чувство¹¹⁹.

Глава 4. Фашистские движения с массовой базой.

Фашизм и национал-социализм в Австрии

Австрия не только географически расположена между Италией и Германией, но демонстрирует также оба главных варианта фашизма – свою собственную ветвь национал-социализма и хеймверовский фашизм, более или менее отчетливо ориентировавшийся на образец итальянского фашизма. Многие современники считали режимы Дольфуса и Шушнига «фашистскими», а многие исследователи и сейчас рассматривают их таким образом. Если, наконец, вспомнить, что австрийская Немецкая рабочая партия (НРП, «Deutsche Arbeiterpartei»), называвшая себя с мая 1918 года Немецкой национал-социалистской рабочей партией (ННСРП, «Deutsche National-sozialistische Arbeiterpartei»), была старше партии Гитлера, то становится ясно, что в этой стране в самом деле наблюдается широкий диапазон разновидностей фашизма. Он простирается от «раннего фашизма» НРП через «нормальный фашизм» хеймвера до «радикального фашизма» австрийской ННСРП; между тем режим Дольфуса следовало бы назвать по типологии Нольте «филофашистским». Италия породила «классический» фашизм, тогда как Австрия была страной различных фашизмов, история и структура которых могут быть изложены и поняты лишь с помощью сравнительного исследования фашизма. Но сначала мы должны заняться экономическими, социальными и политическими условиями, в которых проявился каждый из этих видов фашизма¹²⁰.

Hitler; B. Scheurig. H. von Treschow. Oldenburg, 1973; Ch. Sykes. A. von Trott. Köln, 1969; A. Krebs. F. – D. Graf von der Schulenburg. Zwischen Staatsraison und Hochverrat. Hamburg, 1964; K. Finker. Graf Moltke und der Kreisauer Kreis. Berlin, 1978; F. von Moltke et al. H. J. von Moltke 1907—1945. Stuttgart, 1975; K. Finker. Stauffenberg. Berlin, 1967; Chr. Müller. Oberst i. G. Stauffenberg. Düsseldorf, 1971.

¹¹⁸ Примеры несогласия и сопротивления на местном уровне и в повседневной жизни: K. Klotzbach. Gegen den Nationalsozialismus. Widerstand und Verfolgung in Dortmund. Hannover, 1969; H. – J. Steinberg. Widerstand und Verfolgung in Essen 1933—1945. Bonn, 1974; M. Broszat, E. Frohlich (Hg.). Bayern in der NS-Zeit. Bde 2-4. München, 1979—1981; D. Peukert, J. Reulecke (Hg.). Die Reihen fest geschlossen. Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus. Wuppertal, 1981; D. Peukert. Volksgenossen und Gemeinschaftsfremde. Anpassung, Ausmerzung und Aufbegehren unter dem Nationalsozialismus. Köln, 1982.

¹¹⁹ Plum. Widerstandsbewegungen; P. Huttenberger. Vorüberlegungen zum «Widerstandsbegriff» // J. Kocka (Hg.). Theorien in der Praxis des Historikers. Göttingen, 1977, 117-39; T. – D. Schramm. Der deutsche Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Seine Bedeutung für die Bundesrepublik Deutschland in der Wirkung auf Institutionen und Schulbücher. Berlin, 1980; W. Wippermann. Antifaschismus in der DDR: Wirklichkeit und Ideologie. Berlin, 1980.

¹²⁰ К истории австрийских фашистских движений: A. G. Whiteside. Austria // Rogger, Weber (Eds.). European Right, 308-63; L. Jedlicka. The Austrian Heimwehr // JCH, 1, 1966, 127-44; Nolle. Krise, 252-56; G. Jagschuz. Faschismus und Nationalsozialismus in Österreich bis 1945 // Fascism and Europe. II, 76 ff.; F. Fellner. The

В то время как многие другие европейские страны попали после Первой мировой войны в кризисные условия, угрожавшие самому их существованию, первая австрийская республика была попросту обречена на существование победоносными державами¹²¹. По национальным и экономическим причинам представители всех партий – от консервативной христианско-социальной до социал-демократической – высказывались за присоединение к Германии. Но это пожелание, поддерживаемое также подавляющей частью населения, было решительно отвергнуто союзниками, включившими в Сен-Жерменский мирный договор отчетливое запрещение аншлюса. Если принять в расчет, что Германия, в конце концов начавшая и проигравшая войну, при таком присоединении Австрии стала бы больше и сильнее, чем была в 1914 году, то это решение с политической стороны понятно, хотя вряд ли может быть оправдано с точки зрения провозглашенного американским президентом Вильсоном принципа самоопределения, которым здесь явно пренебрегли.

Австрийская республика, возникшая вследствие диктата победоносных держав, столкнулась с рядом почти неразрешимых экономических, социальных и политических проблем. Границы Австрии, проведенные по этническим разделительным линиям, но также с учетом военно-политических интересов соседей Австрии – Чехословакии, Югославии и Италии, – произвольно рассекали исторически возникшие связи между хозяйственными зонами австро-венгерской монархии. Промышленные отрасли немецко-австрийского ядра страны были отрезаны от их традиционных рынков сбыта и источников сырья. Поскольку многие предприятия должны были остановиться из-за недостатка угля, возникла массовая безработица, обостренная демобилизацией армии и увольнением многочисленных служащих, не нашедших себе места в учреждениях малого государства, в которое превратилась послевоенная Австрия. Более того, экономический и социальный кризис еще усугубили внешнеполитические угрозы. Одна из этих угроз исходила от Югославии, стремившейся насильственно присоединить к себе большую часть Каринтии, где проживало славянское меньшинство. Крайне угрожающими представлялись также советские республики, возникшие в Венгрии и в Баварии.

Несмотря на эти огромные экономические, социальные и политические трудности, удалось создать парламентским путем относительно прочное правительство¹²². На парламентских выборах, проведенных уже 16 февраля 1919 года, сильнейшей партией оказались социал-демократы, получившие 72 места и образовавшие вместе с Христианско-социальной партией, имевшей 69 мест, коалиционное правительство под руководством Карла Реннера. Тем самым австрийские социал-демократы продемонстрировали, что они точно так же, как немецкие, с которыми они чувствовали себя связанными, хотели проводить вовсе не революционную, а реформистскую политику. Впрочем, они были более

Background of Austrian Fascism // Sugar (Ed.). Fascism, 15-23; J. Rath. Authoritarian Austria // Ibid.; G. Klingenstein. Bemerkungen zum Problem des Faschismus in Osterreich // Osterreich in Geschichte und Literatur, 14, 1970, 1-13; B. F. Pauley. Hahnenschwanz und Hakenkreuz. Der Steirische Heimatschutz und der osterreichische Nationalsozialismus 1918—1934. Wien, 1972; F. L. Garsten. Faschismus in Osterreich. Von Schonerer zu Hitler. Munchen, 1977; W. Holzer. Faschismus in Osterreich 1918—1938 // *Austriaca*, 1, 1978, 79-170; G. Hofz. The Changing Patterns of Social Support for Austrian National Socialism (1918—1945) // Larsen et al (Eds.) Who Were the Fascists, 202-25; B. F. Pauley. Nazis and Heimwehr Fascists: The Struggle for Supremacy in Austria, 1918—1938 // Ibid., 226-38.

¹²¹ По поводу дальнейшего см. общие труды об истории первой австрийской республики: Н. Бенедикт (Hg.). Geschichte der Republik Osterreich. Wien, 1954/Munchen, 1977; W. Goldinger. Geschichte der Republik Osterreich. Wien, 1962; E. HOOT. Osterreich 1918—1938. Staat ohne Republikaner. Wien, 1966; S. Kreissler. Von der Revolution zur Annexion. Osterreich 1918—1938. Wien, 1970; G. Hofz. Gewalt in der Politik. Attentate, Zusammenstoße, Putschversuche, Unruhen in Osterreich 1918—1934. Munchen, 1976; A. Wandruszka. Osterreich von der Begrundung der ersten Republik bis zur sozialistischen Alleinregierung 1918—1970 // Th. Schieder (Hg.). Handbuch. Bd. 7, 823-82. Библиографический обзор: U. Kluge. Das Dilemma einer Demokratie. Zwischenbilanz der osterreichischen Forschung zur Geschichte der ersten Republik 1918—1938 // NPL, 23, 1978, 219-7.

¹²² О партийной системе см. также: A. Wandruszka. Osterreichs politische Struktur // Бенедикт (Hg.). Geschichte, 289—485; A. Schunck, H. – J. Steinberg. Mit Wahlen und Waffen. Der Weg der osterreichischen Sozialdemokratie in die Niederlage // Huber, Schwerdtfeger (Hg.). Frieden, Gewalt, Sozialismus, 261—495; A. Pelinka. Stand oder Klasse. Die christliche Arbeiterbewegung Osterreichs 1933 bis 1938. Wien, 1972.

последовательными, а вначале и более успешными реформаторами. Сюда относятся социальные меры, введенные социал-демократическим статс-секретарем по социальным вопросам Фердинандом Ганушем, например, восьмичасовой рабочий день, отпуска для рабочих, страхование от безработицы и закон о советах предприятий. Сюда также относилась военизированная организация «Народное ополчение» («Volkswehr»), которой руководил организовавший ее социал-демократ Юлиус Дейч. Правда, последовательно реформистская политика вызвала в рядах австрийских социал-демократов некоторые разногласия, но не привела, как в Германии, к расколу партии. Между тем как СДПА шаг за шагом унифицировала и распускала рабочие и солдатские советы, Коммунистическая партия Австрии (КПА, *Kommunistische Partei Osterreichs*) оставалась более или менее незначительной партией. Однако социал-демократы не могли преодолеть недоверие Христианско-социальной партии, поскольку они не могли и не хотели отказаться от определенных марксистских требований своей программы – например, от замаскированного тезиса о «диктатуре пролетариата».

Уже в 1920 году социал-демократы были изгнаны из правительства, после чего на выборах 17 октября 1920 года Христианско-социальная партия получила большинство в 79 мест, тогда как социал-демократы – лишь 62. Социал-демократы перешли в оппозицию, в которой и оставались затем в течение всего времени первой австрийской республики. Чтобы справиться с катастрофическим экономическим положением, приведшим еще зимой 1920/21 года к тягчайшей ситуации с продовольствием, союзный канцлер Игнац Зейпель (из Христианско-социальной партии) обратился в октябре 1923 года к правительствам Англии, Франции, Италии и Чехословакии с просьбой о займе. За этот заем Австрии пришлось, однако, уплатить очень высокую цену. По Женевскому договору она обязывалась в течение 20 лет не отказываться от своей независимости, поддерживать внутреннее спокойствие и порядок и в течение двух лет стабилизировать свой бюджет. Последнее требование было невыполнимо без массового увольнения служащих. Из общего числа 270 000 государственных служащих было уволено 100 000. Женевское соглашение произвело волну возмущения, в которой социальные мотивы смешались с национальными, поскольку именно международный контроль и повторное запрещение аншлюса вызвали враждебное отношение многих австрийцев. В неофициальном опросе общественного мнения, проведенном в Тироле и Зальцбурге в 1921 году, почти 100% населения высказалось за присоединение к Германии. Возбуждение населения по поводу Женевского соглашения и его последствий, носившее и национальный, и социальный характер, было использовано австрийскими национал-социалистами, партия которых уже не была теперь незначительной группой.

Как уже было сказано, Немецкая национал-социалистская рабочая партия (ННСРП) возникла из основанной в 1903 году Немецкой рабочей партии (НРП)¹²³. На выборах в рейхстаг 1911 года она получила свыше 26 000 голосов и три места. Центр влияния этой партии, где и в самом деле преобладали немецкие рабочие, находился в Судетской области. Наряду с социальными целями она преследовала также и национальные, прежде всего античешские и антисемитские цели. Хотя депутаты этой партии присоединились в рейхстаге к социал-демократической фракции, ввиду связи НРП с социальными и национальными требованиями она была гораздо ближе к группе «раннефашистских» движений, чем к исключительно националистически и антисемитски направленному «Общенемецкому» движению Шенерера («Alldeutsche»). Это движение, в свою очередь, можно сравнить с антипарламентскими массовыми движениями Германской империи (Общенемецкое движение, «Движение Остмарк», «Морской союз» и т. д.) и с Итальянской националистической ассоциацией («Assoziatione Nazionalista Italiana»).

«Общенемецкое движение» Шенерера растворилось в «Велико-немецкой народной партии» (*Großdeutsche Volkspartei*), составленной из различных группировок и получившей на выборах 16 февраля 1919 года 26 мест, а на выборах 24 октября 1923 года лишь 10 мест.

¹²³ По поводу дальнейшего: А. G. Whiteside. *Austrian National Socialism before 1918*. The Hague, 1962. Обзор: Garsten. *Faschismus in Osterreich*, 30-38, 67-80; Botz. *Patterns*, 202 ff.

Между тем Немецкая рабочая партия, называвшая себя с мая 1918 года Немецкой национал-социалистской рабочей партией, сохранила свою самостоятельность. Однако после отделения Судетской области, где она, главным образом, имела сторонников, она получила на выборах 16 февраля 1919 года лишь 1% поданных голосов. Впрочем, в некоторых городских округах Вены, где выставил свою кандидатуру ее лидер, адвокат Вальтер Риль, ее доля составила 4%. Хотя среди избирателей ННСРП, как и прежде, было некоторое число рабочих, она развилась скорее в партию буржуазного склада. С 1919 года ННСРП поддерживала тесные связи с немецкими национал-социалистами, которые завершились полным присоединением этой партии к НСДАП. Такой ход событий привел к тому, что уже в 1923 году ее прежний лидер Риль вышел из партии, основав собственную незначительную группу под названием «Великонемецкий социальный союз» («Großdeutscher Soziale Verein»). Его последователь Карл Шульц также потерпел неудачу, пытаясь сохранить в какой-то мере независимое положение по отношению к НСДАП и примыкая к псевдосоциалистическому курсу старой НРП, которая, вместе с ее этнически ориентированными профсоюзами, находила некоторую поддержку у немецких рабочих Австро-венгерской монархии. Наконец подчинение воле мюнхенского партийного руководства зашло так далеко, что австрийская НСДАП не имела уже собственного краевого лидера (Landesleiter) и управлялась различными германскими гауляйлерами. Вследствие этого возникла ожесточенная конкурентная борьба внутри этой партии, отчасти утихшая с 1931 года, когда Гитлер назначил Тео Габихта ее краевым инспектором.

Несмотря на эти внутривнутрипартийные противоречия, после возникновения мирового экономического кризиса австрийская НСДАП смогла все же добиться некоторых избирательных успехов. Если на парламентских выборах 1930 года она получила лишь 3% голосов, то на выборах в ландтаги и муниципальные органы в 1932 году, в которых приняло участие две трети австрийцев, она получила уже в среднем 16% поданных голосов. В Вене, Зальцбурге и других городах ее доля голосов превысила 30%. Но эти относительные успехи были достигнуты исключительно за счет «Великогерманской народной партии» и столь же «великогермански» настроенного «Краевого союза» («Landbund»), которые в дальнейшем в значительной степени были поглощены НСДАП; между тем избирательные результаты СДПА и Христианско-социальной партии остались почти без изменений. На последних выборах перед разгромом австрийской парламентской системы – муниципальных выборах в апреле 1933 года – национал-социалисты сумели получить до 40% голосов, но им не удалось пробить брешь в рядах рабочих и консервативно настроенного сельского населения. НСДАП осталась в основном в границах своего влияния в городах и промышленных районах Австрии, где ей удалось привлечь на свою сторону, наряду с буржуазией, значительную часть рабочих. Участие рабочих было особенно велико в вооруженных организациях НСДАП. Социальный состав австрийских СА и – в меньшей степени – также СС не очень отличался от состава социал-демократического «Республиканского союза стрелков» («Republikanischer Schutzbund»).

В целом рост австрийской НСДАП, насчитывавшей в январе 1933 года 40 000, в конце 1934 года 87 000 и в феврале 1938 года 150 000 членов, был намного медленнее, чем в Германии, а успехи были не столь велики. Это объясняется, с одной стороны, довольно энергичными и, по крайней мере на первых порах, успешными защитными мерами австрийских социал-демократов, а с другой стороны – конкуренцией хеймверовского фашизма, тесно связанного с Христианско-социальной партией.

Отряды хеймвера (Heimwehr) образовались после окончания войны из бывших офицеров, солдат, студентов, представителей академических профессий и крестьян и ставили себе целью защиту границ и целостности Австрии от действительной или мнимой угрозы со стороны Югославии, а также венгерской и баварской советских республик¹²⁴. В этом они весьма напоминали германский «Добровольческий корпус» (Freikorps), с которым они

¹²⁴ По истории хеймвера см. в особенности: Garsten. Faschismus in Osterreich, 98 ff.; Pauley, Hahnenschwanz; Id. Nazis, 226 ff.

вначале поддерживали тесные связи, так же как с организацией Эшериха. В отличие от германского «Добровольческого корпуса», хеймвер не был распущен и тогда, когда с ослаблением внешнеполитического напряжения исчезли мотивы его существования. Отряды хеймвера сохранились в отдельных землях Австрийского союза в виде обмундированных, отчасти вооруженных формирований, и христианско-социальные правительства более или менее открыто поддерживали и развивали их как незаконное орудие власти во внутривнутриполитической борьбе с социал-демократами.

Ввиду существования и деятельности хеймвера социал-демократы, также не желавшие распустить созданные и управляемые ими рабочие отряды, основывают вместо них в 1923 году «Республиканский союз стрелков» (Republikanischer Schutzbund], По планам Юлиуса Дейча и Отто Бауэра этот союз, организованный на военный лад и сохранивший не сданное в 1918—1919 годах оружие, должен был быть приведен в действие, если бы буржуазные силы не стали придерживаться демократических правил игры и попытались отнять у СДПА политическую власть, которую она уже однажды получила парламентским путем и хотела получить в будущем¹²⁵. Таким образом, после распада большой коалиции социал-демократическая партия и Христианско-социальная партия не только враждебно противостояли друг другу в области политики, но обе, сверх того, располагали вооруженными организациями на случай гражданской войны.

Это положение, в высшей степени опасное для существования парламентско-демократического государства, каким, несомненно, была Австрия, еще более обострилось вследствие одного события, которого не хотели обе стороны, но которое надолго воспрепятствовало созданию демократического консенсуса между буржуазным и социалистическим лагерем. 30 января 1927 года в бургенландской местности Шаттендорф в результате стычки между социалистами и «фронтовиками» были застрелены восьмилетний мальчик и инвалид войны. 14 июля в Вене состоялся процесс, завершившийся оправданием убийц. Стихийно возникшая массовая демонстрация, которую не организовывали и не сумели взять под контроль социал-демократы, привела к поджогу Дворца правосудия и кровавым уличным боям, в которых погибло 89 человек, главным образом демонстрантов. После этого события правящая Христианско-социальная партия, получившая на выборах 27 апреля 1927 года лишь 73 места против 71 места СДПА, впала в панический страх перед «красной опасностью», представляемой, по их мнению, «австромарксистской» социал-демократией.

Правительство реагировало форсированным развитием хеймвера. Он превратился в массовое политическое движение, все более подчеркивавшее свою самостоятельность и стремившееся стать независимым от Христианско-социальной партии. Будущий политический курс хеймвера был предметом препирательств между его лидерами, хотя и согласными в своей ненависти к социал-демократам, но весьма различавшимися своей политической и идеологической ориентацией. В то время как консервативно-католическое крыло выступало за дальнейшую поддержку Христианско-социальной партии, лидер хеймвера в Штирии, Пфример, призывал заключить союз с австрийскими национал-социалистами с целью насильственного захвата власти. Но устроенный им 13 сентября 1931 года путч полностью провалился, так как остальные лидеры хеймвера за ним не последовали¹²⁶. После этого процесс сближения между штирийским хеймвером и НСДАП продолжался и привел в конце концов к далеко идущему слиянию обеих организаций.

Представителем третьего направления был князь Рюдигер фон Штаремберг, избранный в сентябре 1930 года союзным лидером хеймвера; но ему не удалось навязать свое руководство всем хеймверовцам. Он самым решительным образом выступал за превращение

¹²⁵ Об антифашистской концепции СПА: Schunck, Steinberg. Mit Wahlen und Waffen, 461 ff.; G. ?otz. Austro-Marxist Interpretations of Fascism // JCH, 11, 1976, 129-56; R. Saage. Das Dilemma der Sozialdemokratie in Deutschland und Osterreich 1918 bis 1934 // Jahrbuch des Instituts fur Deutsche Geschichte der Universitat Tel-Aviv, 9, 1980, 429-74; Mppermann. Zur Analyse, 9 ff.

¹²⁶ J. Hofmann. Der Pfrimer-Putsch. Der steirische Heimwehrproze? des Jahres 1931. Wien, 1965.

хеймвера из военного союза в политическую партию, которая в корнейбургской «присяге» 18 мая 1930 года приняла принципы итальянского фашизма. По настоянию фон Штаремберга, вошедшего в правительство Вогуэна (Vaugoin) в качестве министра внутренних дел, хеймвер участвовал в парламентских выборах в ноябре 1930 года как отдельная партия. Так как последователи Пфримера бойкотировали выборы, а хеймверовцы консервативно-католического направления явно голосовали за Христианско-социальную партию, фон Штаремберг получил лишь 6% поданных голосов. Таким образом, хотя партийно организованное крыло хеймвера и обогнало национал-социалистов, получивших на этих выборах лишь 3%, этот достигнутый парламентским путем успех оказался неожиданно слабым и лишь замаскировал значительную численную и политическую силу всего хеймвера.

Перед лицом усиления национал-социалистов хеймвер занимал все более оборонительную позицию. Бескомпромиссное требование присоединения Австрии к Германии давало национал-социалистам пропагандистский аргумент, сохранивший свою действенность и после начала экономического кризиса. Между тем хеймверовцы занимали в вопросе об аншлюсе более осторожную позицию, поскольку они не хотели потерять поддержку фашистской Италии и Христианско-социальной партии, энергично возражавших против присоединения к национал-социалистской Германии. Отвращение Христианско-социальной партии к расовой идеологии национал-социалистов, которую ее члены рассматривали как языческую, разделяла и часть хеймверовцев, выражавшая вместо этого умеренный, религиозно и социально мотивированный антисемитизм. Идеологические разногласия соответствовали различиям в социальном составе австрийской НСДАП и хеймвера. Члены и сторонники хеймвера принадлежали преимущественно к буржуазии и крестьянству. Лишь в Штирии хеймверу удалось получить некоторую поддержку рабочих, объясняемую тем, что их заставляли вступать в хеймвер работодатели. В целом доля рабочих в хеймвере оценивается лишь в 10%, 20% были представителями буржуазии, и 70% – впрочем, по очень грубой оценке – были крестьяне.

Хотя национал-социалистам удалось усилить свое влияние за счет хеймвера, разрушение австрийской парламентской системы, произведенное союзным канцлером Дольфусом, пошло скорее на пользу хеймверовцам, чем национал-социалистам¹²⁷. После того как в марте 1933 года парламент был в значительной степени лишен своих полномочий, Дольфус ввел дальнейшие антидемократические меры, опираясь на «закон об особых военно-хозяйственных полномочиях». Эти меры были направлены как против социал-демократов, так и против национал-социалистов. К ним относились весьма широкомасштабный запрет собраний от 8 марта 1933 года, введение цензуры печати, постановление от 30 марта о роспуске «Республиканского союза стрелков» («Шуцбунда»), а также опубликованное 19 мая запрещение членам НСДАП носить мундиры, за чем вскоре последовал полный роспуск этой партии в июле 1933 года вместе со связанным с ней штирийским хеймвером. 21 сентября 1933 года Дольфус приказал учредить так называемые «лагеря интернирования», из которых особенно печальную известность приобрел лагерь в Веллерсдорфе. Здесь содержались без судебного приговора политические противники – как национал-социалисты, так и социалисты.

После того как социал-демократы почти без сопротивления перенесли разрушение демократии Дольфусом, 13 февраля 1934 года вспыхнуло восстание «Шуцбунда» под руководством его лидера в Верхней Австрии Рихарда Бернашека, которое, впрочем, ограничилось Линцем и Веной. Правление СДПА решилось наконец – не без колебаний –

¹²⁷ О режиме Дольфуса: Rath. Austria; Garsten. Faschismus in Osterreich, 211 ff.; I. Bamthaler. Die Vaterlandische Front. Geschichte und Organisation. Wien, 1971; L. Kerekes. Abenddämmerung einer Demokratie. Mussolini, Gombos und die Heimwehr. Wien, 1966; L. Jedlicka. Das autoritäre System in Osterreich. Ein Beitrag zur Geschichte der europäischen Rechtsbewegungen // Aus Politik und Zeitgeschichte, Bd. 30, 1970, 8 ff.; J. Rath, C. W. Schum. The Dollfu? – Schuschnigg Regime: Fascist or Authoritarian? // Larsen et al. (Eds.). Who Were the Fascists, 249-56.

объявить всеобщую забастовку, которая, однако, провалилась. Несмотря на то, что подавляющее большинство железнодорожников было организовано в профсоюзы, властям удалось беспрепятственно перебросить в Линц и в Вену союзные войска. Восстание привело к гибели 180 солдат и почти 200 членов «Республиканского союза стрелков». Лидеры социал-демократии и «Шуцбунда», которым не удалось бежать, были арестованы.

Затем 25 июля вспыхнул путч национал-социалистов, в котором приняли участие только эсэсовцы, в то время как австрийские штурмовики, реагируя на «путч Рема», остались пассивными¹²⁸. Этот путч провалился после убийства союзного канцлера Дольфуса, так как Германия не оказала ожидаемой поддержки, опасаясь угрожающей позиции Муссолини. Преемник Дольфуса, Курт фон Шушниг, утвердился поэтому в мнении, что лишь фашистская Италия хочет и может гарантировать и защитить независимость Австрии. В области внутренней политики была продолжена начатая уже Дольфусом ориентация на итальянский образец. Все еще оставшиеся партии были распущены, и вместо них была создана единая партия под названием «Отечественный фронт» («Vaterlandische Front»). Влияние хеймвера шаг за шагом ограничивалось; его членов, а также многих служащих вынуждали вступать в «Отечественный фронт». И все же новая система, сменившая демократию, вовсе не была столь сильной и сплоченной, как она себя изображала. Новая единая партия и созданные при ней организации по немецкому образцу, такие, как «Сила через радость» («Kraft durch Freude»), «Зимняя помощь» («Winterhilfswerk»), «Штурмовой корпус» («Sturmkorps») и т. д., а также корпоративная система, устроенная по государственно-сословным идеям Отмара Шпанна¹²⁹ и под фашистским влиянием, представляли собой искусственно созданные сверху конструкции, неспособные скрыть внутреннюю слабость новой системы.

Впрочем, Шушнигу удалось в значительной мере преодолеть экономический кризис и заключить в июне 1936 года договор с Германией, которая обязалась прекратить экономическую войну против Австрии и признала австрийскую независимость. Но эти экономические успехи и обещания Гитлера уже ничего не стоили, поскольку Италия все больше сближалась с «третьим рейхом». Теперь Гитлер не просто поддерживал деятельность австрийских национал-социалистов, но 12 февраля 1938 года открыто пригрозил фон Шушнигу интервенцией¹³⁰. 11 марта 1938 года фон Шушниг вынужден был под давлением национал-социалистской Германии прервать подготовку намеченного референдума и уйти в отставку. В утренние часы 12 марта немецкие войска вступили в Австрию, где их повсюду восторженно приветствовали. Даже противники аншлюса, к которым принадлежали и ушедшие в подполье социал-демократы, не проявляли особой склонности защищать вместе с независимостью Австрии также и режим, устроенный в ней Дольфусом и фон Шушнигом. Этот режим, прозванный «аустро» («austro»), нередко считали «клерикально-фашистским» ввиду сильной поддержки, оказанной ему – по крайней мере до аншлюса – католической церковью.

Такой термин, пишущийся через дефис, весьма проблематичен. Несомненно, режим Дольфуса – фон Шушнига был диктатурой. Но, в отличие от Германии и Италии, он не мог опираться на первоначальное массовое фашистское движение. «Отечественный фронт»

¹²⁸ О путче национал-социалистов: G. Jagschitz. Der Putsch. Die Nationalsozialisten 1934 in Osterreich. Graz, 1976.

¹²⁹ К. – J. Siegfried. Universalismus und Faschismus. Das Gesellschaftsbild Oth-mar Spanns. Wien, 1974.

¹³⁰ О так называемом «аншлюсе» и об истории Австрии под властью национал-социалистов: J. Gehl. Germany and the Anshlu?. London, 1963; W. Rosar. Deutsche Gemeinschaft. Sey? – Inquart und der Anshlu?. Wien, 1971; G. Bote. Die Eingliederung Osterreichs in das Deutsche Reich. Planung und Verwirklichung des politisch-administrativen Anschlusses

1938-1940. Wien, 1972; N. Schausberger. Der Griff nach Osterreich. Der Anshlu?. Wien, 1978; D. Riesenberger. Osterreich. Von der innenpolitischen Deformation zur au?enpolitischen Handlungsunfahigkeit // Forn-dran et al. (Hg.). Innen- und Au?enpolitik, 239-56; K. R. Stadler. Osterreich

1939-1945 im Spiegel der NS-Akten. Wien, 1966; E. Weinzierl. Zu wenig Gerechte. Osterreich und Judenverfolgung 1938—1945. Graz, 1969.

представлял собой, несмотря на свою многочисленность, искусственно созданную и потому слабую организацию, возникшую вследствие предписанного свыше слияния некоторых частей государственного аппарата со значительно ослабленным хеймверовским фашизмом. Подражание организациям и символам фашистской Италии (а отчасти и национал-социалистской Германии) осталось более или менее внешним. Ни Дольфус, ни фон Шушник никак не соответствовали «идеалу» харизматического фашистского фюрера и не были в состоянии развить привлекательную идеологию, чтобы добиться плебисцитарной поддержки большей части народа. Они полностью отказывались от какой-либо антикапиталистической или псевдосоциалистической идеологии, между тем как идеология национализма оказалась, в некотором смысле, «добычей» великонемецкой пропаганды национал-социалистов. Поддержка католической церкви, в последнее время оказавшаяся очень ненадежной, также не могла помочь Дольфусу и фон Шушнику приобрести прочную опору в австрийском населении. С другой стороны, временная поддержка этого авторитарного режима католической церковью сама по себе не мешает называть этот режим «фашистским». В конце концов, фашистские режимы в Италии и Германии тоже долго получали сильную поддержку соответствующих церквей.

Режим Дольфуса – фон Шушника был несомненно антидемократическим и авторитарным, но не представлял собой фашистской или «клерикально-фашистской» диктатуры. В заключение надо отчетливо отметить, что высказанное утверждение, разумеется, никоим образом не «повышает» оценку этого режима в политическом или моральном смысле. Различение авторитарного и фашистского режимов необходимо не только по научным мотивам, но и ввиду неотделимо связанных с этим политических вопросов. В противном случае возникает опасность преуменьшения террористического и тенденциозно тотального характера фашистских диктатур и демонизации антидемократических черт авторитарных диктатур. Возможности и границы демократической обороны и антифашистской стратегии в значительной степени зависят от решения этой, на первый взгляд, «чисто научной» проблемы, в аналогичной форме возникающей – как мы увидим в дальнейшем – также при оценке других диктатур.

Режим Хорти и венгерские «Скрещенные стрелы»

Точно так же, как немецкая Австрия (Deutschosterreich), получившая самостоятельность венгерская часть Австро-Венгерской монархии должна была подписать 4 июня 1920 года в замке Трианон близ Парижа крайне тяжелый мирный договор¹³¹. Венгрия потеряла 71% своей территории и 63% своего населения. Впрочем, речь идет при этом о территориях с преимущественно невенгерским населением. Однако все венгерские правительства стремились освободить и присоединить к венгерскому государству венгерские меньшинства в Румынии, Югославии и Чехословакии.

При этом венгерские политики слишком легко упускали из виду, что и в «остаточной Венгрии» были меньшинства. Это были немцы и евреи, которые в условиях преимущественно аграрной Венгрии в ходе медленной индустриализации и модернизации этой страны превратились в некий суррогат буржуазии. Но хотя и немцы, и в особенности евреи в значительной мере ассимилировались и мадьяризировались, они с самого начала оказались в неполноправном положении. Уже первое послевоенное венгерское правительство полностью изгнало евреев из органов государственного управления и ввело для еврейских студентов *numerus clausus* (процентную норму), по которой доля евреев среди студентов не должна была превышать их долю в общем населении (6%). В дальнейшем

¹³¹ К истории Венгрии между войнами: Th, von Bogyay. Grundzuge der Geschichte Ungarns. Darmstadt, 1967; C. A. Macartney. Hungary. A Short History. Edinburgh, 1962; Id. October Fifteenth. A History of Modern Hungary (1929—1945). 2 Vol. Edinburgh, 1956-57; D. Silagi. Ungarn seit 1918: Vom Ende des I. Weltkrieges bis zur Ara Kadar // Schieder (Hg.). Handbuch. Bd. 7, 883—919.

антисемитское законодательство еще более ужесточилось. Этим способом венгерские правительства реагировали на требования еще очень слабой венгерской буржуазии, стремившейся ограничить экономическое преобладание евреев: евреями были 80% адвокатов, 50% врачей и 37% промышленников, между тем как в офицерском корпусе они составляли лишь 1,6%, а среди промышленных рабочих – 0,4%. Антисемитизм, проявившийся в венгерском обществе еще до 1914 года, тем более усилился и ожесточился оттого, что многие лидеры венгерской советской республики были еврейского происхождения.

Крайне жестокая реакция на эту советскую республику определила также построение и структуру возникшей авторитарной системы правления, ставившей себе в том числе реваншистские внешнеполитические цели. При этом советская республика, провозглашенная 21 марта 1919 года объединенной социал-демократической и коммунистической партией Венгрии, вначале встретила мало сопротивления в населении, так как наступательная революционная война против соседних государств, возглавленная Бела Куном, воспринималась и поддерживалась преимущественно как национально-освободительная война. Лишь когда Красная Армия не пришла на помощь и революционные венгерские войска начали терпеть поражения, образовалось контрреволюционное правительство, которому удалось подавить советскую республику с помощью чехословацких, югославских и главным образом румынских войск, дошедших до самого Будапешта. За этим последовал период беспримерно жестокого «белого террора», жертвами которого пали многие коммунисты и социал-демократы.

В январе 1920 года были проведены парламентские выборы, в которых сильнейшую фракцию выдвинула Партия мелких сельских хозяев, между тем как вновь организованная социал-демократическая партия, в знак протеста против «белого террора» и продолжавшегося запрета всех коммунистических организаций, не приняла в них участия. Но из этих выборов не возникла парламентско-демократическая система. 1 марта 1920 года в окруженном войсками будапештском парламенте адмирал Миклош Хорти был избран «местоблюстителем престола», поскольку перед этим был принят закон, устанавливавший продолжение монархии. Но после неудавшейся попытки путча претендента на трон Карла ему и всей австрийской династии 16 ноября 1921 года было отказано в праве на королевский титул. По настоянию Хорти, занимавшего согласно конституции очень прочную позицию в качестве «местоблюстителя», консервативные и либеральные группировки объединились в правящую партию, выигрывавшую все выборы и назначавшую всех премьер-министров. Партия мелких сельских хозяев вместе с очень слабой социал-демократической партией, небольшой Христианской партией и другими мелкими группами была вытеснена в оппозицию. По новому избирательному закону, введенному в 1922 году премьер-министром Бетленом, в выборах могла принимать участие только половина взрослого населения, причем эти выборы были тайными лишь в Будапеште и других крупных городах, тогда как в деревнях подача голосов производилась открыто, что давало возможность манипулировать этой процедурой. При таких псевдовыборах правящей партии нетрудно было каждый раз получать большинство. Сверх того Бетлен отменил свободу печати и в значительной степени ограничил гражданские права.

Крайне жесткий курс по отношению к рабочему движению и евреям был продолжен антисемитски настроенным премьер-министром Гембешем и его преемником Вела Имреди. Изданные в декабре 1938 года антиеврейские постановления следовали образцу нюрнбергских законов. Всем евреям, в том числе участникам войны, и даже обращенным в христианство, с этих пор было запрещено исполнение определенных профессий. Кроме того, была начата «аризация» еврейской собственности. Подражание немецким законам о евреях соответствовало все более тесному внешнеполитическому сближению с «третьим рейхом», после того как венгерское правительство еще в 20-е годы вступило в тесный контакт с фашистской Италией для достижения своих реваншистских целей. Если еще принять во внимание, что венгерская экономическая политика вполне определялась интересами

промышленников и крупных аграриев – так что настоятельно необходимая аграрная реформа даже не имелась в виду, – то все это в некоторой степени поддерживает тезис ряда марксистских теоретиков того времени, считавших режим Хорти фашистской диктатурой. Но, несмотря на свои бесспорно националистические, антидемократические, антисоциалистические и антисемитские тенденции и цели, авторитарный режим Хорти все же не был фашистским, поскольку парламентская система не была полностью устранена и поскольку этот режим не мог и не хотел опираться на фашистскую партию. Венгерские фашистские партии не допускались к участию в правительстве, которое, как правило, с ними ожесточенно боролось.

Еще в 20-е годы Венгрия стала сборным пунктом и убежищем правых радикалов и фашистов из различных европейских стран, получавших здесь некоторую поддержку неофициальных и официальных инстанций¹³². Это, несомненно, относится к австрийским хеймверовцам, получавшим материальные средства не только от фашистского правительства Италии, но также из Венгрии. Однако к собственным фашистским партиям венгерское правительство с самого начала относилось далеко не столь позитивно. Некоторым исключением была основанная в 1932 году Национал-социалистская венгерская рабочая партия, поскольку ее лидер Золтан Бесерменьи (Zoltan Boszormeny) открыто поддерживал тесные контакты с Гембешем, чья организация «Движение зрелой Венгрии» находилась под сильным влиянием фашистского и национал-социалистского образца. Партия Бесерменьи ставила себе цели подчеркнута социалистической окраски. Многие из ее членов, число которых одно время достигало 20 000, происходили из рабочих и сельского пролетариата. После попытки путча эта партия была запрещена, а Бесерменьи осужден на длительное тюремное заключение. Он пережил войну и после 1945 года играл еще некоторую роль в Коммунистической партии Венгрии.

Остальные фашистские группировки, которые также более или менее открыто следовали немецкому образцу и выражали подчеркнута националистические, антилиберальные, антисоциалистические и – как правило, мотивированные расовой идеологией – антисемитские цели, тоже оставались незначительными. На парламентских выборах 1935 года они получили лишь два места.

Напротив, большее влияние приобрела «Партия национальной воли», основанная в 1935 году Ференцем Салаша, которая после нескольких переименований в конце концов стала называть себя, по ее символу, «Партией скрещенных стрел». (Этот символ венгерские фашисты и национал-социалисты начали применять вместо первоначальной свастики, когда венгерское правительство запретило ношение свастики, как эмблемы иностранного государства.) Салаша, офицер действительной службы, вначале симпатизировавший Гембешу, сумел объединить различные небольшие фашистские и национал-социалистские партии. К ним относились Национал-социалистская партия сельскохозяйственных и промышленных рабочих Золтана Мешкоша, Венгерская национал-социалистская народная партия графа Александра Фештетича и Национал-социалистская партия графа Фиделя Палфи. В отличие от этих группировок, называвших себя народными или рабочими партиями, но состоявших главным образом из представителей венгерского мелкого дворянства, чиновников, офицерского корпуса и интеллигенции, «Скрещенные стрелы» Салаша сумели получить также весьма заметную поддержку части рабочих и мелких крестьян.

По данным самой партии, в 1937 году 17% ее членов были офицеры, 13% – крестьяне и

¹³² К истории фашистских движений в Венгрии: Nolle. *Krise*, 204-11; E. Deak. *Hungary* // Rogger, Weber (Eds.). *European Right*, 364—407; G. Ranki. *The Problem of Fascism in Hungary* // Sugar (Ed.). *Fascism*, 65-72; G. Barony. *The Roots of Hungarian Fascism* // *Ibid.*, 73-82; M. Lacko. *Arrow-Cross Men, National Socialists 1935—1944*. Budapest, 1969; Id. *Ostmitteleuropaischer Faschismus*, 39 ff.; Id. *The Social Roots of Hungarian Fascism: The Arrow Cross* // Larsen et al. (Eds.). *Who Were the Fascists*, 395—400; G. Rankl *The Fascist Vote in Budapest in 1939* // *Ibid.*, 401-17; N. M. Nagy-Talavera. *The Green Shirts and the Others. A History of Fascism in Hungary and Romania*. Stanford, 1970; Thamer, Wippermann, 99-108.

не менее 41% – рабочие. И в самом деле, как видно из новых исследований, на парламентских выборах 28 мая 1939 года «Скрещенные стрелы» достигли особенно больших успехов в предместьях Будапешта, населенных преимущественно рабочими, и в других промышленных и горнодобывающих центрах страны – за счет социал-демократов и Партии мелких сельских хозяев. После этих выборов «Скрещенные стрелы», получив 18% поданных голосов и 49 мест, стали второй политической силой после правящей партии, получившей, впрочем, 70% голосов и 183 места. В предместьях Будапешта «Скрещенные стрелы» получили 41,7% голосов, тогда как правящая партия только 27,5%, социал-демократы – 17,1% (лишь 5 мест во всей Венгрии) и Христианская партия – 6,9%. Таким образом, партия «Скрещенные стрелы», насчитывавшая в 1939 году 250 000 членов, имела массовую базу, поскольку ее сторонники и избиратели происходили из всех слоев населения, и в особенности из промышленных и сельскохозяйственных рабочих¹³³.

Несмотря на заметные успехи на выборах, «Скрещенные стрелы» были не только не допущены в правительство, но подвергнуты строгим преследованиям. Сам Салаши был приговорен к длительному тюремному заключению за то, что он открыто заподозрил жену Хорти в еврейском происхождении, что, по-видимому, считалось в Венгрии оскорблением. Конечно, это было лишь предлогом, чтобы не допустить к власти его партию. Лишь в 1940 году под давлением Германии Салаши был освобожден из заключения.

Между тем Венгрия еще теснее сблизилась с «третьим рейхом»¹³⁴. Эта политика, отнюдь не вызывавшая в Венгрии общего одобрения, на первых порах, казалось, окупалась. В 1939 году Венгрия получила часть Чехословакии; в 1940 году ей удалось, при недвусмысленном одобрении Германии, стремившейся еще теснее привязать к себе Венгрию, вернуть себе области, отошедшие в 1920 году к Румынии. Эти успехи, завершившиеся аннексией югославских территорий после немецкого нападения на эту страну весной 1941 года, побудили венгерское правительство вступить в войну с Советским Союзом на стороне Германии. После свержения Муссолини Хорти пытался начать мирные переговоры с союзниками. Но немцы его опередили и оккупировали страну; вслед за тем гестапо и СС под руководством Эйхмана приступили к депортации венгерских евреев в Освенцим.

После свержения Хорти, заключившего в октябре 1944 года перемирие с Советским Союзом, немцы посадили Салаши на его место в качестве главы правительства. Члены его партии приняли участие в уничтожении венгерских евреев и в обороне страны против наступавшей Красной Армии. Хотя власть Салаши – кратковременная и кровавая – имела скорее характер простого коллаборационистского режима, нет сомнения, что «Скрещенные стрелы» были самостоятельной фашистской партией с массовой базой, имевшей весьма значительную поддержку именно в кругах промышленных и сельскохозяйственных рабочих – тех самых, которым авторитарный режим Хорти, разумеется, всеми средствами не давал прийти к власти.

«Железная гвардия» в Румынии

Румыния не просто принадлежала к победителям в Первой мировой войне, но к странам, много выигравшим в этой войне; в самом деле, это королевство, возникшее в 1858 году в результате объединения княжеств Молдавии и Валахии и получившее независимость от Турции лишь в 1878 году, увеличило после войны свою территорию со 139 000 кв. км до 295 000 кв. км¹³⁵. В качестве члена Малой Антанты и союзника Франции и Польши Румыния

¹³³ См. в особенности: Lacko. *Roots*, 395 ff.; Ranki. *Fascist Vote*, 401 ff.

¹³⁴ О внешней политике: M. D. Fenyo. *Hitler, Horthy, and Hungary. German-Hungarian Relations 1941—1944*. New Haven, 1972; J. K. Hoensch. *Der ungarische Revisionismus und die Zerschlagung der Tschechoslowakei*. Tübingen, 1967.

¹³⁵ К румынской истории: M. Huber. *Grundzuge der Geschichte Rumaniens*. Darmstadt, 1973; H. L. Roberts.

представляла собой в 20-е годы и еще в начале 30-х важный политический фактор в Юго-Восточной Европе.

Но эта видимая сила ставила ее в весьма опасное внешнеполитическое положение. Румыния была окружена государствами, которые, за исключением Польши, не были согласны с ее новыми границами и предъявляли к ней определенные территориальные претензии. Это касалось прежде всего Советского Союза и Венгрии. Венгрия, обосновывая свою реваншистскую политику, указывала на присутствие значительного венгерского меньшинства в Трансильвании, составлявшего, по румынским (вероятно, преуменьшенным) оценкам, 1,42 миллиона и 7,9% общего населения. Немецкое меньшинство, также населявшее преимущественно Трансильванию, насчитывало 750 000 человек, то есть 4,1% румынских граждан. По отношению к этим меньшинствам румынское государство с его централизованным управлением проводило подчеркнуто националистическую политику. Наиболее враждебной была установка правительств, и особенно значительной части румынского народа, по отношению к еврейскому меньшинству.

Румынские евреи, составлявшие, по оценкам, 5% общего населения, занимали, однако, нечто вроде монопольного положения в слабо развитых видах деятельности – торговле и промышленности, и притом в коренной румынской части страны. В то время как еврейские торговцы и ремесленники в деревнях и маленьких городах, преимущественно не ассимилированные, вызывали к себе ненависть и презрение крестьянского населения, считавшего их эксплуататорами, румынские преподаватели и студенты боялись конкуренции своих еврейских коллег, составлявших почти половину румынского студенчества. Антисемитизм, который уже в 19-м столетии приводил к погромам, неоднократно вызывавшим протесты и вмешательство великих держав, был широко распространен среди румынского населения. Наряду с религиозным и социальным компонентами он содержал также национальный, поскольку румынские националисты видели в еврейском меньшинстве, в значительной мере не ассимилированном и поддерживаемом из-за границы, инородное тело, нарушавшее национальную и социальную целостность румынского народа. Эту ситуацию могли использовать движения, основанные уже в 19-м веке Константином Стере и А. К. Кузой, выдвигавшие отчетливо выраженные националистические, антисемитские и социально-революционные популистские цели; эти движения оказывали все большее влияние на студентов и крестьян. В политико-идеологическом и даже в персональном отношении эти популистско-антисемитские организации были прямыми предшественниками румынского фашизма.

Впрочем, румынские фашисты могли использовать в своих целях не только вопрос о меньшинствах и еврейский вопрос, но также экономические, социальные, политические проблемы и кризисные явления. Междувоенная Румыния была во многих отношениях слаборазвитой страной, вдобавок сильно зависевшей от иностранного капитала. В 1930 году 80% общего населения все еще проживало в деревнях. Лишь 7,2% было занято в промышленности, часто принадлежавшей иностранным предпринимателям. Это прежде всего относилось к нефтепромыслам, более чем на 90% находившимся в иностранных руках. Несмотря на усилия румынских правительств, им не удалось сколько-нибудь справиться с отсталостью промышленности и устранить зависимость экономики от иностранного (особенно английского, французского и немецкого) капитала. Земельная реформа, проведенная в 1921 году, тоже не принесла желательных результатов. Она коснулась прежде всего крупных землевладельцев нерумынской национальности, тогда как румынские бояре, владевшие 60% земли в коренных румынских местностях, хотя и составлявшие всего 5% всех землевладельцев, были мало затронуты этой мерой. Все же в конечном счете почти 6 миллионов гектаров земли были разделены между 1,4 миллиона крестьян. Однако вновь возникшие крестьянские дворы часто оказывались слишком малыми и недостаточно

сильными в денежном отношении, чтобы увеличить урожайность за счет использования машин и искусственных удобрений. Большой частью их производительность покрывала лишь их собственные потребности. Ввиду высокой рождаемости и недостатка рабочих мест в промышленности не удавалось также решить проблему перенаселения деревни. В такой аграрной стране, как Румыния, где особенно ощущалось влияние мирового экономического кризиса, в тридцатые годы произошло дополнительно обострение структурных экономических и социальных проблем, что привело к кризису и, в конце концов, к разрушению системы правления, и без того представлявшей лишь видимость парламентаризма.

По конституции 1923 года Румыния была парламентской монархией. При этом король мог не только использовать, но и расширять предоставленные ему конституцией права. Поскольку он мог в любое время распустить парламент, формирование правительства находилось фактически в его руках. Сверх того, не выборы определяли правительство, а, напротив, исход выборов зависел от того, каким было правительство. Это объяснялось, с одной стороны, незаконными фальсификациями, а с другой – конституционным законом, по которому партии, получившей свыше 40% поданных голосов, доставалось более 50% мест в парламенте, причем этот парламент, состоявший из 380 членов, выбирался непрямым путем. Такой порядок, единственный в Европе того времени, приводил к тому, что победившая партия, как правило, располагала 70% мест, что превращало всю эту парламентскую систему в фарс. Получалось так, что однажды пришедшая к власти партия предсказуемым образом выигрывала выборы, а затем, когда король распускал парламент и назначал новое правительство, столь же предсказуемо их проигрывала. Вследствие этого у власти сменялись партии, почти не отличавшиеся друг от друга ни социальным составом, ни даже программами. Исключение составляли в этом отношении партии национальных меньшинств и социалисты – коммунистическая партия была в 1924 году запрещена и на 20 лет загнана в подполье. Но эти партии оставались крайне слабыми и не могли повлиять на мнимопарламентскую процедуру. Таким образом, Либеральная партия Иона Брэтиану сменялась в правительстве Национальной крестьянской партией, возникшей из слияния Национальной партии Юлиу Маниу и Крестьянской партии Михалаке, а эта, в свою очередь, сменялась Национальной народной партией Йорги и Авереску. После 1931 года либеральная и Национальная крестьянская партии неоднократно раскалывались, что делало румынскую парламентскую систему еще более необозримой. В то же время и без того небольшое влияние парламента еще более ограничил король Кароль II, вернувшийся в июне 1930 года из изгнания, вызванного его вторым браком с женщиной ненадлежащего сословного положения. Начиная с выборов 20 декабря 1937 года, он назначал только таких премьер-министров, которые имели слабую поддержку населения и поэтому полностью зависели от него. Затем в феврале 1938 года он отменил действовавшую до этого конституцию, еще более усилив позицию короля. Избирательный возраст был повышен до 30 лет, а гражданские права еще больше ограничены. После «референдума», завершившегося предсказуемым почти стопроцентным результатом, 30 марта 1938 года были распущены все политические партии. Введение этой абсолютной монархии, получившей у современников название «королевской диктатуры», не было реакцией на действия либеральных или левых сил. Деятельность нелегальной коммунистической партии ограничивалась организацией отдельных забастовок и демонстраций местного характера. Королевская диктатура была вполне однозначно направлена против подъема фашистской «Железной гвардии» Кодряну¹³⁶.

Кодряну родился в 1899 году. Он был сыном происходившего из Буковины румынского

¹³⁶ К истории фашизма в Румынии: E. Weber. Varieties of Fascism. Doctrines of Revolution in the 20th Century. London, 1964; Id. Romania // Rogger, Weber (Eds.). Right, 501-74; Id. Die Manner des Erzengels // Loqueur, Mosse (Hg.). Internationaler Faschismus, 143-76; Nolle. Krise, 212-26; E. Turczynski. The Background of Romanian Fascism // Sugar (Ed.). Fascism, 99-111; St. Fischer-Galati. Fascism in Romania // Ibid., 112-21; Nagy-Talavera. The Green Shirts, 12 ff.; Thamer, Wippermann, 109-19.

националиста, переделавшего свою настоящую фамилию Зелинский на румынский лад в Зеля и прибавившего к ней прозвище «Кодряну». Молодой Кодряну вначале примкнул, как и его отец, к уже упомянутой антисемитско-националистической организации Кузы, которую он, впрочем, покинул в 1926 году, так как она казалась ему недостаточно воинственной и дисциплинированной. В 1927 году он основал вместе с другими студентами «Легион архангела Михаила», позже названный «Железной гвардией».

Необычное для политического движения религиозное наименование, связанное с архангелом Михаилом, не было случайным. В самом деле, крайне националистические, антикоммунистические и прежде всего антисемитские цели этой партии сопровождались элементами туманной мистики, впрочем, никоим образом не стеснявшей ее агрессивность. Именно это подражание определенным религиозным символам и образцам доставило легионерам, часто называвшим себя также «крестоносцами», притягательную силу в глазах сельского населения. Активное ядро «Железной гвардии», состоявшее из студентов, преподавателей и небольшого числа рабочих, проводило интенсивную пропаганду среди крестьян, сближавшую эту партию с русскими народниками. Но в методах борьбы они скорее напоминали анархистов. И в самом деле, жертвами террора «Железной гвардии» стали многие, решавшиеся преградить дорогу легионерам. Эти насильственные действия, почти не преследуемые правосудием, по-видимому, вызывали у многих румын скорее сочувствие, чем отталкивание. Во всяком случае, число сторонников «Железной гвардии» резко возросло, и легионеры проводили повсюду в стране свои пропагандистские мероприятия и совершали политические убийства.

После присоединения к «Железной гвардии» некоторых мелких праворадикальных и фашистских группировок она получила на выборах 1932 года 5 мест в парламенте, а в декабре 1937 года 16% голосов и 66 мест из общего числа 390. Этот успех был, во всяком случае, одной из причин диктаторского курса, принятого с этих пор королем Каролом II. Сюда относилось повышение избирательного возраста до 30 лет, поскольку легионеры – как и члены всех фашистских партий в их начальной стадии – были очень молоды, и в особенности запрет «Железной гвардии», еще до общего роспуска всех партий. 19 апреля 1938 года Кодряну вместе с другими лидерами «Железной гвардии» был арестован и осужден на десять лет принудительных работ. 30 ноября он был застрелен «при попытке к бегству». Но это политическое убийство не могло задержать дальнейший подъем «Железной гвардии», которую теперь возглавил Хория Сима. При этом она получила поддержку фашистских режимов Германии и Италии, с которыми и раньше Кодряну поддерживал тесную связь. В первое время запрещенная, но вовсе не разбитая «Железная гвардия» могла извлекать пользу из своей приверженности фашистским образцам, неоднократно подчеркиваемую в выступлениях Кодряну. Это объяснялось внешнеполитической ситуацией, складывавшейся для Румынии все более неблагоприятно, поскольку она была связана союзными отношениями с Польшей, Чехословакией, Югославией и Францией.

Румыния должна была не только примириться с аннексией Судетской области, но и не пришла на помощь Польше, когда на нее напали Германия и Советский Союз, хотя по договору была обязана это сделать¹³⁷. 27 мая 1940 года был подписан так называемый «нефтяной пакт» с Германией, по которому Румыния обязывалась поставлять Германии всю добываемую нефть. Однако это сближение с Германией не помешало Советскому Союзу по соглашению с немцами оккупировать Бессарабию и Северную Буковину. Но когда король Кароль II согласно Второму Венскому арбитражу 30 августа 1940 года подчинился решению Гитлера, по которому Венгрии была возвращена значительная часть Трансильвании, приобретенной Румынией по Парижскому мирному договору, это вызвало в народе такую бурю негодования, что Кароль II вынужден был отречься от престола в пользу своего сына и удалиться в изгнание.

Этим и завершился период королевской диктатуры, поскольку с этого времени страной

¹³⁷ О внешней политике: A. Hillgntber. Hitler, Konig Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumanischen Beziehungen 1938—1944. Wiesbaden, 1954.

управлял не новый король Михай, а генерал Ион Антонеску, установивший в союзе с «Железной гвардией» террористический режим, жертвами которого были многие коммунисты, и прежде всего евреи. В середине января 1941 года возникла прямая борьба за власть между Антонеску и легионерами под руководством Хориа Сима, восстание которых было жестоко подавлено. Хориа Сима и другие лидеры «Железной гвардии» напрасно надеялись на поддержку Гитлера, который из политических соображений принял сторону Антонеску, считая его более надежным союзником, чем радикальных легионеров. Хориа Сима вместе с другими лидерами «Железной гвардии» удалось с помощью СД бежать в Германию, где они были интернированы. Так решилась судьба «Железной гвардии». Оставшиеся в стране ее члены подвергались преследованиям и арестам. После кровопролитной войны с Советским Союзом, в которой Румыния участвовала на стороне Германии, 26 августа 1944 года Антонеску был свергнут. Лишь после этого Хориа Сима был освобожден из концентрационного лагеря Бухенвальд и назначен Гитлером главой румынского эмигрантского правительства. Но это решение уже не имело политического значения, так как Румыния вскоре была оккупирована Красной Армией.

Хотя «Железная гвардия» возникла в слаборазвитой аграрной стране, где было немного промышленных рабочих и где левое движение почти не имело значения, эта партия относится к группе фашистских движений. В самом деле, она ориентировалась в политическом и организационном отношении на фашистские образцы и ставила себе националистические, крайне антисемитские, антикоммунистические и социально-революционные цели и в то же время отличалась радикальным стремлением к уничтожению. После того как она приобрела массовую базу, она подверглась преследованию и запрещению со стороны королевской диктатуры Кароля II, затем была введена в правительство Антонеску и, наконец, разгромлена его диктаторской властью. Но в отличие от большинства других фашистских движений «Железная гвардия» возникла не в ситуации кризиса парламентской системы, поскольку в Румынии такая система еще не успела образоваться. Значительной отсталостью страны объясняется и тот факт, что члены «Железной гвардии», за исключением студентов, преподавателей, офицеров и немногих рабочих, были главным образом из низших слоев сельского населения. Это обстоятельство, а также ее утопически-реакционная программа, производящая определенное социально-революционное впечатление, придают ей специфический характер. Но если в этих моментах «Железная гвардия» существенно отличается от итальянского фашизма и немецкого национал-социализма, то она обнаруживает, с другой стороны, большое сходство с партией хорватских усташей.

Хорватские усташе

После распада Австро-Венгерской монархии Хорватия была освобождена от иностранного господства, но против воли большинства населения включена в образованное в 1918 году Королевство сербов, хорватов и словенцев¹³⁸. Впрочем, хорваты, исповедовавшие, как и словенцы, католическую религию, были не единственной нацией, ощущавшей угнетение со стороны православных сербов. Сербы составляли почти половину этого двенадцатимиллионного объединенного государства, раздираемого национальными и религиозными противоречиями. 1,3 миллиона мусульман в Боснии, Герцеговине, Черногории и Македонии тоже не ощущали своей принадлежности к «югославскому» народу. Национальные меньшинства в собственном смысле – 500 000 немцев, 470 000 венгров, 440 000 албанцев, 230 000 румын – были еще менее склонны считать Югославию «своим» государством. Однако югославское правительство с помощью договоров о границах

¹³⁸ К истории Югославии в межвоенное время: F. W. Hondius. The Yugoslav Community of Nations. The Hague, 1968; St. K. Pavlowitch. Yugoslavia. London, 1971; Rhode. Die sudosteuropaischen Staaten, 1183—226; K. – D. Grothusen (Hg.). Sudosteuropa-Handbuch. Bd. 1: Jugoslawien. Göttingen, 1975.

сумело в значительной мере устранить ирредентистские требования [Здесь – непримиримые требования возврата ранее утраченных национальных территорий (от лозунга «Italia irredenta» («неискупленная Италия») борцов за возвращение захваченных иностранцами земель Италии). Прим. перев.] венгерского и румынского меньшинств. Немцы, вплоть до оккупации страны немецким вермахтом, вели себя большей частью лояльно.

Главная проблема состояла в том, чтобы примирить словенцев, и прежде всего хорватов, с объединенным государством, которое многие рассматривали как «Великую Сербию» и по этой причине с ним боролись. В самом деле, сербские партии, получившие большинство на выборах 28 ноября 1920 года, приняли годом позже конституцию, устанавливавшую по французскому образцу крайне централизованную систему правления, без всякой автономии для отдельных национальностей и без признания каких-либо религиозных особенностей. За исключением коммунистической партии, получившей в 1920 году 58 мест в парламенте и ставшей третьей партией страны, но затем запрещенной, все другие партии выражали не социальные интересы и не общие вопросы мировоззрения, а только национальные и религиозные различия. Поэтому в Королевстве сербов, хорватов и словенцев по существу не было никакой политической силы, способной и готовой противостоять сепаратистским тенденциям.

Хотя парламентская система Югославии, устраненная в 1929 году сменившей ее диктатурой короля Александра, потерпела полную неудачу в национальном вопросе, она добилась некоторых успехов в решении серьезных экономических и социальных проблем. Сюда относилось развитие промышленности, стимулируемое государственной помощью и инвестициями иностранного капитала, что, впрочем, не могло сгладить различия между значительным индустриальным развитием Словении и преимущественно аграрным хозяйством южных регионов Югославии. Ограниченные результаты принесла и аграрная реформа, введенная после длительных приготовлений 20 мая 1922 года. Эта реформа предусматривала отчуждение, с вознаграждением собственников, всех земельных владений сверх определенной величины, от 100 до 500 гектаров в зависимости от местных условий. Всего было отчуждено 2,5 миллиона гектаров, которые были разделены на участки около 5 гектаров каждый, розданные крестьянам и новым поселенцам. Но даже в 1928 году, когда земельная реформа была в основном завершена, около трети крестьянских хозяйств все еще не имели и 2 гектаров земли, а другая треть дворов имела не больше 5 гектаров. Эти мелкие и карликовые хозяйства не в состоянии были обеспечить устойчивое повышение продуктивности сельского хозяйства. Более эффективны в экономическом отношении были некоторые кооперативы, устроенные на добровольной основе. Но в общем земельная реформа не разрешила проблему перенаселения деревень, тем более что развивавшаяся промышленность не требовала большого притока рабочей силы.

Тяжелый кризис парламентской системы Югославии возник после того, как 20 июня 1928 года лидер Хорватской крестьянской партии Степан Радич вместе с тремя другими депутатами своей партии был застрелен в белградском парламенте. Крестьянская партия получила голоса подавляющего большинства хорватов и была второй фракцией в парламенте после «сербских демократов». После того как Радич летом 1923 года безуспешно пытался получить поддержку Англии и Австрии для своего плана независимой Хорватии, в июне 1924 года Хорватская крестьянская партия под его руководством вступила в направляемый коммунистами Крестьянский Интернационал. После убийства своего вождя эта партия была еще менее склонна отказаться от своих сепаратистских стремлений, хотя король Александр пытался после разгрома парламентской системы придать Королевству сербов, хорватов и словенцев некоторую федеральную структуру; лишь 3 октября 1929 года оно было официально переименовано в Югославию. При этом исторически возникшее членение страны, обусловленное национальными и религиозными особенностями, должны были заменить новые административные единицы, так называемые «банаты». С той же целью примирения и объединения в 1929 году были запрещены все партии национального и конфессионального направления; этот запрет был еще усилен в 1931 году.

Такая политика сглаживания национальных противоречий натолкнулась не только на критику загнанных в подполье прежних партий, но более всего на ожесточенное сопротивление новой партии «Усташаг, основанной 7 января 1929 года загребским адвокатом Анте Павеличем (название партии буквально означает „повстанец“, „мятежник“)¹³⁹. Усташи, вначале называвшиеся «Домобран» (что равносильно «хеймверу»), провозгласили бескомпромиссную борьбу за независимость Хорватии, прибегая главным образом к насильственно-путчистским методам и к индивидуальному террору. Они получали финансовую и политическую поддержку из Венгрии и из фашистской Италии. В обеих этих странах усташи имели тренировочные лагеря, где их сторонников готовили к насильственным и террористическим действиям. Хотя в августе 1932 года восстание усташей было подавлено армией и полицией, террористам этой партии удалось 9 октября 1934 года, после нескольких безуспешных покушений, убить в Марселе короля Александра. Этот акт не привел, как ожидал Павелич, к восстанию в Хорватии, но привел к политическому ослаблению югославской королевской диктатуры, поскольку ввиду несовершеннолетия наследника страной управлял теперь раздираемый противоречиями регентский совет. Все же новому государственному руководству удалось ослабить политическое влияние усташей. Между тем усташи все более ориентировались в идеологическом и организационном отношении на образец фашистской Италии, не прекращая при этом свою насильственную и террористическую борьбу за хорватскую независимость. Казалось, эти две тенденции находились в непреодолимом противоречии, поскольку Италия твердо поддерживала свои притязания на принадлежащее Хорватии далматское побережье. Против этого резко возражала также Хорватская крестьянская партия. Центральное правительство Югославии использовало эти разногласия между националистической Хорватской крестьянской партией и националистической и фашистски ориентированной партией усташей; оно пыталось, не без успеха, побудить Крестьянскую партию отказаться от своего обструкционистского курса, обещая значительную автономию для Хорватии.

После того как 26 сентября 1936 года был издан закон о снятии задолженности с крестьянских хозяйств, удалось преодолеть также последствия мирового экономического кризиса: экономика Югославии была на 75% аграрной. В этом важную роль сыграла Германия, как раз во время кризиса закупавшая сельскохозяйственные продукты Югославии, причем по ценам, отчасти превышавшим существующие на мировом рынке. После заключения некоторых торговых договоров в 1935 году доля Германии в югославском импорте составила уже 16,2%, а в экспорте – 18,7%. Между тем участие Италии в югославской внешней торговле оценивалось примерно в 10%, а объем англо-югославских экономических отношений все более снижался. После аншлюса Австрии и частичной (1938), а затем и полной аннексии Чехословакии свыше 50% югославской внешней торговли приходилось на долю Германии. За экономическим сотрудничеством между Германией и Югославией следовало все более тесное политическое сотрудничество, в то время как Англия и Франция, по-видимому, не могли или не хотели поддержать Югославию, подвергавшуюся все более сильному внешнеполитическому давлению со стороны Италии. Таким образом, экономическая и политическая консолидация Югославии была однозначно связана с ее тесным экономическим и политическим сотрудничеством с «третьим рейхом». Хотя Югославия как член Малой Антанты фактически была в союзе с Францией, в начале Второй мировой войны она осталась нейтральной. В марте 1941 года югославское правительство решило даже вступить в Тройственный пакт (Германии, Италии и Японии). Но это решение вызвало резкую критику в государственном аппарате и в армии, устроившей 27 марта 1941 года военный путч, свергнувший правительство. Это дало повод национал-социалистической Германии вторгнуться в Югославию (6 апреля). Война окончилась полной оккупацией страны, в которой, наряду с Болгарией, участвовала также Италия,

¹³⁹ К истории фашизма в Югославии: / . Avakumovic. Yugoslavia's Fascist Movements // Sugar (Ed.). Fascism, 135-44; D. Djordjevic. Fascism in Yugoslavia 1918—1941 // Ibid., 125-34; L. Hory, M. Broszat. Der kroatische Ustascha-Staat 1941—1945. Stuttgart, 1964; Thamer, Wippermann, 91-99.

аннексировавшая Далматинское побережье Хорватии, давно уже составлявшее предмет ее требований. Поскольку лидер Хорватской крестьянской партии Мачек не согласен был сотрудничать с немцами и итальянцами, Анте Павелич, выполняя задание обоих фашистских государств, захватил власть во вновь основанной мнимой независимой «Хорватии»¹⁴⁰.

Усташи установили с помощью своих вооруженных формирований почти тоталитарный террористический режим, преследовавший в Хорватии с жестокой и фанатической последовательностью не только евреев и – впрочем, немногих – коммунистов, но главным образом сербское меньшинство, составлявшее в Хорватии два миллиона. Превратившись в единственную правящую партию, усташи рекрутировали своих членов из интеллигенции, буржуазии и в меньшей степени из рабочих. Они получали большую и стойкую поддержку римско-католической церкви, нисколько не препятствовавшей массовым убийствам и насильственному массовому крещению, в духе средневековых крестовых походов, православных сербов и евреев.

Цель усташей состояла в создании чисто хорватской национальности, никогда в этой форме не существовавшей. Их лидеры притязали восстановить некое состояние, предшествовавшее господству всех иноземцев – турок, австрийцев и сербов.

В своих реакционно-утопических намерениях и в своей радикальной, бескомпромиссной воле к уничтожению усташи проявляли некоторое сходство с немецким «радикальным фашизмом», но во многих отношениях они от него заметно отличались. Прежде всего, у них в значительной степени отсутствовал антикапиталистический компонент, а антикоммунистический компонент программы был лишь слабо выражен. Возникновение, социальный состав и функционирование усташей определялись не классовой борьбой, а преимущественно борьбой национальностей. Этим усташи существенно отличались от «нормально-фашистских» движений в Италии, Австрии и Венгрии, а их национально-религиозные установки весьма напоминали румынскую «Железную гвардию».

Возникновение и структура хорватского усташского государства опирались, с одной стороны, на поддержку фашистских держав, Германии и Италии, а с другой – на применение неограниченного террора. Конец его был предопределен крахом фашистских держав, и при подавлении усташей также были применены террористические средства. Хотя после выхода Италии из войны Хорватии вернули далматское побережье, она должна была вести на стороне немецких оккупационных войск кровопролитную борьбу с партизанами Тито. Хорватские войска отступили вместе с немецким вермахтом и наконец сдались в Каринтии англичанам. Павеличу удалось найти безопасное убежище в Аргентине, но 150 000 хорватских солдат, захваченных в плен англичанами, были выданы Тито, который сразу же приказал расстрелять 40 000 из них. Затем тысячи других усташей были приговорены к смертной казни или к многолетнему заключению в тюрьмах и специальных лагерях. Этими методами партия усташей была разбита и истреблена. Но некоторые из ее прежних членов и новых последователей продолжали свою борьбу против коммунистической Югославии. В самой Югославии, и в особенности за границей, это приводило вплоть до наших дней к различным террористическим актам, на которые югославская тайная полиция отвечала также не всегда законными террористическими методами.

Фаланга и франкизм в Испании

Испания, некогда бывшая мировой державой, к началу 20 века весьма напоминала отсталые страны Юго-Восточной Европы – в экономическом, социальном и даже

¹⁴⁰ О внешней политике: J. Wuescht. Jugoslawien und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-jugoslawischen Beziehungen von 1933 bis 1945. Stuttgart, 1969; J. Hoptner. Yugoslavia in Crisis 1934—1941. New York, 1962; B. J. Wendt. England und der deutsche «Drang nach Sudosten». Kapitalbeziehungen und Warenverkehr in Sudeuropa zwischen den Weltkriegen // Festschrift Fritz Fischer. Dusseldorf, 1973, 483—512.

политическом отношении. В течение 19 века Испания потеряла почти всю свою колониальную империю¹⁴¹. Индустриализация коснулась только Страны басков и Каталонии. Почти 70% населения было занято в сельском хозяйстве. В северных провинциях, в сельскохозяйственных регионах Бискайи, Астурии и Каталонии, а также в Наварре, Валенсии и Мурсии преобладало среднее и мелкое крестьянское землевладение; между тем в Старой и Новой Кастилии, Ламанче, Эстремадуре и Андалусии почти вся пригодная для обработки земля принадлежала церкви и немногим крупным собственникам дворянского или буржуазного происхождения, которые сами, однако, большей частью жили в городах, используя в своих имениях труд крайне бедных и почти бесправных сельскохозяйственных рабочих. В целом продуктивность испанского сельского хозяйства была очень низкой. Во многих регионах перенаселение сельских местностей представляло большую социальную проблему, поскольку потребность в рабочей силе на шахтах Астурии, железодельных предприятиях Бискайи и текстильных фабриках Каталонии была недостаточна, чтобы поглотить избыток населения (в 1900 году население Испании составляло 18 миллионов, а в 1940 – уже 25 миллионов)¹⁴².

В XIX веке государство мало сделало для преодоления экономической отсталости Испании. Развитие инфраструктуры (улиц, железных дорог, каналов и т. д.) значительно запаздывало. Вдобавок к этому мадридское правительство проводило политику свободной торговли в исключительных интересах крупных землевладельцев дворянского и буржуазного происхождения, между тем как бискайская железодельная и каталонская текстильная промышленность могли существовать в основном лишь под защитой таможенных тарифов. Экономические противоречия между ориентированными на экспорт аграрными регионами Испании и промышленными провинциями – Бискайей и Каталонией – обострялись вдобавок этническими различиями, вследствие чего баски и каталонцы стремились ко все большей самостоятельности. Поскольку, сверх того, политическая система Испании отличалась также тенденцией к поляризации, страна неспособна была разрешить свои социальные и национальные проблемы.

В XIX столетии внутривнутриполитические конфликты выразились в стремлении «прогрессистов» («progressistas») ввести либеральную конституцию; они провозгласили ее в Кадисе уже в 1812 году, но вскоре после этого ее отменила реставрированная монархия¹⁴³. При этом «прогрессисты» сталкивались, с одной стороны, с сопротивлением консервативных «умеренных» («moderados»), довольствовавшихся умеренно-конституционной монархией, а с другой – с принципиальным неприятием крайне реакционных карлистов, выступавших за восстановление средневековых сословных и областных прав и привилегий, так называемых «fueros» [Право, привилегия, преимущество (исп.). – Прим. перев.], а также за возвращение инквизиции. В трех весьма кровопролитных гражданских войнах (1834—1839, 1847—1849 и 1872—1876), внешним поводом которых были династические распри, политические притязания карлистов потерпели поражение. Но в 20 веке у них возникла собственная партия, «Сообщество традиционалистов» («Comunion Tradicionalista»), действовавшая, впрочем, лишь в провинции Наварра. В 20-е годы эта партия организовала милицию под названием «Requetes» [Прибл. «требующие» (исп.). – Прим. перев.], состоявшую из фашистских офицеров и устроенную по итальянскому образцу. Испанские карлисты ввиду их крайне реакционных целей были в европейской политической системе 19 века единственным в своем роде явлением.

Весьма необычны были также роль и функции испанской армии во

¹⁴¹ Общие работы по истории Испании: R. Carr. Spain 1808—1939. Oxford, 1966; R. Konetzke. Die iberischen Staaten von 1875 bis zum I. Weltkrieg // Schieder (Hg.). Handbuch. Bd. 6, 503-39; Id. Die iberischen Staaten vom Ende des 1. Weltkrieges bis zur Ara der autoritären Regime 1917—1960 // Ibid., Bd. 7, 651-98.

¹⁴² К социальной и экономической истории: E. E. Malefakis. Agrarian Reform and Peasant Revolution in Spain. Origins of the Civil War. New Haven, 1970.

¹⁴³ О развитии партийной системы: D. Nohlen. Spanischer Parlamentarismus im 19. Jahrhundert. Meisenheim, 1970.

внутриполитической жизни¹⁴⁴. Поскольку смена правительства парламентским путем была практически невозможна, так как выборы, как правило, фальсифицировались каждой правящей партией, то находящиеся в оппозиции политические силы – и консерваторы, и либералы – пытались прийти к власти с помощью армии. Но некоторые генералы не довольствовались ролью подручных консервативной или либеральной партии, а пытались воспользоваться военным путчем (по-испански *pronunciamiento*), чтобы самим захватить власть. Для избежания подобных «pronunciamientos», делавших практически невозможной никакую планомерную работу правительства, в 70-е годы лидер либералов Сагаста и лидер консерваторов Кановас дель Кастильо заключили соглашение, по которому их партии должны были через равные промежутки времени сменять друг друга у власти. Но даже эта удивительная мера, не имеющая себе равных в истории парламентаризма, не уменьшила внутриполитического влияния армии. В самом деле, армия применялась для подавления нередких, но обычно регионально ограниченных крестьянских мятежей и восстаний анархистов. Вооружение и организация испанской армии, насчитывавшей всего от 200 000 до 250 000 человек при 20 000 офицеров, были рассчитаны на эти внутриполитические функции.

Следующей особенностью испанской партийной системы была относительно сильная позиция анархистов и основанной в 1910 году анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда (НКТ, «Confederación Nacional del Trabajo»)¹⁴⁵. Анархисты и анархо-синдикалисты нашли много сторонников среди сельскохозяйственных рабочих Андалусии и промышленного пролетариата Каталонии, где они численно намного превосходили социалистов. Основанная социалистами в 1877 году «Партия демократического социализма» («Partido Democrático Socialista») и ее профсоюз – «Всеобщий союз трудящихся» (ВСТ, Union General de Trabajadores) долгое время имели своим предводителем Пабло Иглесиаса, прозванного «испанским Бебелем». Коммунистическая партия Испании (КПИ, «Partido Comunista de España»), основанная в марте 1922 года, возникла из слияния двух отколовшихся от социалистической партии группировок и до самой гражданской войны была значительно слабее этой партии. В знак протеста против просоветского курса коммунистической партии некоторые перешедшие к ней в оппозицию коммунисты основали в 1934 году «Объединенную марксистскую рабочую партию» (ОМРП, «Partido de Obrero de Unificación Marxista»). Эту партию, поддержанную во время гражданской войны, в частности, немецкими левыми партиями – Социалистической рабочей партией и Коммунистической партией (оппозиция), – жестоко преследовали испанские коммунисты и агенты советской тайной полиции, поскольку они рассматривали ее как троцкистскую.

Впрочем, в первое время политическое влияние левых не соответствовало их общей численности, так как они не умели действовать совместно и так как анархисты и анархо-синдикалисты не участвовали в выборах. И все же в Испании также возник миф о «красной» или даже «большевистской» опасности. Внешним поводом для этих страхов, которые привели к дальнейшей поляризации политической жизни Испании, были социальные беспорядки, вспыхнувшие летом 1917 в Мадриде и Барселоне. Поскольку стоимость жизни сильно возросла, а доходы предпринимателей благодаря военным заказам неизмеримо выросли, анархо-синдикалистский профсоюз НКТ призвал рабочих ко всеобщей забастовке, которая была подавлена кровавыми репрессиями. Летом 1919 года возникло широкое забастовочное движение сельскохозяйственных рабочих Андалусии, также организованное НКТ. Как и во многих предыдущих восстаниях анархистов, до тех пор более ограниченного масштаба, в этом случае нередко разрушали и поджигали помещичьи дома и церкви. Гражданской гвардии (Guardia Civil), специально подготовленной для таких целей, вскоре удалось подавить и это восстание. Но эти события показали, что обойденная войной Испания

¹⁴⁴ О роли армии: St. G. Payne. *Politics and the Military in Modern Spain*. Stanford, 1967.

¹⁴⁵ Об испанских левых: P. Вгоие, п. Terrdme. *Revolution und Krieg in Spanien*. Frankfurt, 1968; St. G. Payne. *The Spanish Revolution*. New York, 1970; E. E. Malefakis. *The Parties of the Left and the Second Republic* // R. Carr (Ed.). *The Republic and the Civil War in Spain*. London, 1971.

была охвачена такими же революционными беспорядками, какие потрясли другие европейские страны. Политический кризис обостряло еще то обстоятельство, что сепаратистские организации Бискайи и Каталонии все более упорно и энергично требовали особых автономных прав, в чем им отказывало центральное мадридское правительство.

В этом кризисном положении 13 сентября 1923 года произошел путч генерала Мигеля Примо де Ривера, в течение семи лет управлявшего затем страной с диктаторскими полномочиями, впрочем, не затронувшими монархию. В то время как коммунистическая партия и анархо-синдикалистский профсоюз НКТ были запрещены, социалистическая партия и ее профсоюз ВСТ сохранились. Примо де Ривера стремился поддержать процесс индустриализации государственными субсидиями и иностранными капиталовложениями. Меры по улучшению инфраструктуры – строительство дорог, возведение плотин и регулирование рек – также прямо и косвенно содействовали улучшению экономической ситуации. Но, разумеется, насущно необходимая аграрная реформа не была осуществлена, и не были исполнены пожелания каталонцев относительно автономии. В целом режим Примо де Ривера, который многие теоретики фашизма того времени ошибочно считали фашистским, был своеобразной «диктатурой развития». Когда вследствие сокращения армии с 250 000 человек до 200 000 и уменьшения офицерского корпуса на 10% Примо де Ривера подвергся резким нападкам по-прежнему весьма сильного генералитета, ему пришлось уйти в отставку (26 января 1930 года)¹⁴⁶.

Замешательство и раздоры в буржуазно-консервативном лагере использовали социалисты, республиканцы и левые каталонцы, заключившие в августе 1930 года так называемый Сан-Себастьянский пакт о совместных действиях. На общинных выборах в апреле 1931 года они одержали большую победу над правыми и монархическими силами, положительно принятую даже большинством офицерского корпуса. Вследствие этого 13 апреля 1931 года король Альфонс XIII решил отречься от престола и бежал за границу. Испания стала республикой. На выборах 28 июня 1931 года социалисты, получив 117 мест в парламенте, стали сильнейшей партией. Вместе с левореспубликанскими партиями, получившими 80 мест, и представителями региональных партий они образовали правительство во главе с социалистом Мануэлем Асанья. Это правительство сразу же начало проводить широкую программу реформ. Был введен гражданский брак и приняты другие антиклерикальные меры, а также социальные улучшения, главным образом в пользу промышленных рабочих. Но изданный в сентябре 1932 года аграрный закон, предусматривавший в значительной мере безвозмездное отчуждение больших латифундий, осуществлялся очень медленно и неполно. Это привело к недовольству безземельных сельскохозяйственных рабочих, которых анархо-синдикалистская НКТ стала призывать к забастовкам и восстаниям. Эти насильственные действия получили, однако, отпор со стороны правительства, так же как и военный путч генерала Санхурхо, подавленный 18 августа 1932 года за 24 часа. Таким образом, не могло быть и речи об анархии или о немедленной перспективе социалистической или коммунистической революции.

И все же испанские правые, резко критиковавшие социальные реформы и автономный статус Каталонии, введенный в сентябре 1932 года, чувствовали во всем происходящем крайнюю угрозу. Консервативный политик Хосе Мария Хиль Роблес сумел объединить различные правые партии в «Испанскую конфедерацию независимых правых» (ИКНП, «Confederación Española de Derechas Autónomas»). Это привело к дальнейшему обострению внутривнутриполитического антагонизма. В то время как правые под руководством Хиль Роблеса усиливали свою крайне националистическую и антисоциалистическую агитацию, не стесняясь восхвалять при этом фашистский режим Муссолини, левые и левые либералы с той же резкостью обрушивались на «фашистскую», по их мнению, партию Роблеса. Несомненно, эта характеристика была неоправданна и еще более обостряла и без того

¹⁴⁶ К истории Испанской республики: Вгоие, Temime; Carr (Ed.). Republic; G.Jackson. The Spanish and the Civil War 1931—1939. Princeton, 1965; R. A. H. Robinson. The Origins of Franco's Spain. The Right, the Republic and the Revolution. 1931—1936. Newton Abbot, 1970.

антагонистическую внутривнутриполитическую обстановку в Испании; этим смогли воспользоваться подлинно фашистские партии, возникшие в такой кризисной ситуации, обусловленной не столько экономическими, сколько политическими мотивами¹⁴⁷.

К ним относилась, например, фашистская партия, называвшая себя «Союзами национально-синдикалистского наступления» (СНСН, «Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista»), основанная в феврале 1931 года в Мадриде студентом философии Рамиро Ледесмой Ра-мосом. В нее входили, наряду со студентами, офицерами и служащими, также и некоторые рабочие, вышедшие из анархо-синдикалистского движения. Рамос в самом деле пытался соединить националистические идеи с синдикалистскими. Кроме того, у испанских анархистов был перенят метод борьбы, называемый «прямым действием», то есть индивидуальный террор. Эта форма политического конфликта вскоре привела к первым жертвам. Вторая фашистская партия, скорее католическо-традиционалистской окраски, была создана в Вальядолиде в июне 1931 года юристом Онесимо Редондо Ортегой и называлась «Кастильскими союзами испанского действия» («Juntas Castellanas de Actuación Hispanica»). В октябре 1931 года партия Ортеги объединилась с партией Ледесмы Рамоса. Объединенная таким образом партия продолжала борьбу против анархистов, социалистов и сепаратистов, вызывавшую жертвы с обеих сторон. Но ей не удалось изменить свое призрачное существование политически незначительной сектантской группы.

То же относилось и к третьей фашистской группировке, «Испанской фаланге» (Falange Española), основанной 29 октября Хосе Антонио Примо де Ривера, сыном диктатора. Она привлекла большее внимание общественности по той причине, что ее лидер приобрел некоторую известность как депутат парламента от одной из монархических партий, опубликовавший несколько политико-философских статей. 13 февраля 1934 года Хосе Антонио Примо де Ривера удалось объединить три сектантских фашистских группы в «Испанскую фалангу союзов национально-синдикалистского наступления» («Falange Española de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista»). Фаланга, как ее стали называть, организовала обмундированную и отчасти вооруженную партийную милицию; в идеологическом отношении она также ориентировалась на фашистскую Италию. Сюда относились ее националистические цели, касавшиеся главным образом внутренней политики – борьбы с сепаратистскими тенденциями басков и каталонцев; сюда же относились и «левые» пункты ее программы, куда входило ограничение экономического влияния иностранцев, учреждение «хозяйственных синдикатов» и отчуждение крупных предприятий, а также неиспользуемых или недостаточно используемых земель крупных помещиков. Последнее требование было, однако, недостаточно радикально для Рамоса, настаивавшего на отчуждении всей крупной земельной собственности; он вышел из партии. Первоначальные синдикалистские требования были ослаблены, а входившие в программу СНСН антиклерикальные пункты были почти полностью устранены; но, несмотря на это, в фалангу по-прежнему входили, наряду с интеллигенцией, студентами, офицерами и служащими, также и некоторые рабочие. В целом же фаланга сохраняла свой сектантский характер¹⁴⁸.

По этой причине она не была принята в избирательный союз правых, добившийся на выборах 19 ноября 1933 года большого успеха – 217 мест в парламенте, тогда как левые получили всего 93, а центр – 163 места. Фаланга не получила ни одного места, но она воспользовалась поляризацией политической жизни Испании. Снова и снова вспыхивали забастовки и восстания, такие, как восстание 1934 года в Астурии, которое гражданская гвардия и армия смогли подавить лишь после длительных и кровавых боев. После того как правое правительство распалось вследствие внутренних конфликтов, Народный фронт, объединивший левые партии и либералов, одержал на выборах 16 февраля 1936 года

¹⁴⁷ К истории фашистских движений в Испании: St. G. Payne. *Falange. A History of Spanish Fascism*. Stanford, 1962; В. Nellessen. *Die verbotene Revolution. Aufstieg und Niedergang der Falange*. Hamburg, 1963; Н. Thomas. *Der Held im leeren Raum* // Laqueur, Mosse (Hg.). 240-52; Thamer, Wippermann, 22-54.

¹⁴⁸ См. об этом: St. G. Payne. *Social Composition and Regional Strength of the Spanish Falange* // Larsen et al. (Eds.). *Who Were the Fascists*, 423-34.

решительную победу. Правые получили всего 132 места, центр – 32, а Народный фронт – 277 мест. Сильнейшей партией были социалисты – 90 депутатов, – к которым принадлежал также ставший премьер-министром Асанья. Коммунисты провели в парламент 16 депутатов.

Победе на выборах Народного фронта больше всего содействовало решение анархистов отказаться от прежнего бойкота выборов, чтобы поддержать Народный фронт в его борьбе против «фашизма». Но единственной группировкой, которую в самом деле можно было назвать «фашистской», была фаланга, не получившая в парламенте ни одного места. Столь же неоправданным был доходивший до паники страх правых перед будто бы приближавшейся большевистской революцией. В действительности и Асанья, избранный в конечном счете президентом Испанской республики, и премьер-министр Касарес Кирога, и министр по социальным вопросам Ларго Кабальеро – как его часто называли, «испанский Ленин» – были заинтересованы не в революции, а в общественных реформах. Это – взаимное недоверие все больше разжигало конфликт, имевший, как и прежде, главным образом внутривластный характер, поскольку влияние мирового экономического кризиса в Испании было относительно невелико. Кризисную ситуацию больше всего использовали фалангисты, которым всевозможные забастовки и насильственные действия сторонников Народного фронта давали повод бороться с правительством и его представителями методами индивидуального террора. После ряда покушений фашистов на республиканских политиков и служащих полиции 13 июля 1936 года полицейские убили лидера монархистов Кальво Сотело. Это дало повод нескольким генералам во главе с Франсиско Франко начать давно уже задуманный и тщательно подготовленный военный путч¹⁴⁹.

Этот военный путч, начавшийся 18 июля 1936 года, был не везде успешен. Республиканское правительство сумело сохранить или вернуть себе контроль над большей частью страны, причем его поддержали также некоторые верные республике офицеры, в особенности из военно-воздушных сил. Для восставших военных большая трудность состояла в том, что Франко был переведен правительством Народного фронта на Канарские острова. Правда, он сумел добраться оттуда до Испанского Марокко и подчинить своему командованию размещенные там марокканские войска и испанский Иностраннный легион. Но он не мог переправить эти войска на континент, потому что не имел достаточного количества самолетов и судов. В этой ситуации он обратился к правительствам фашистской Италии и национал-социалистской Германии с просьбой доставить ему самолеты и другое военное снаряжение. Гитлер и Муссолини готовы были ему помочь и послали вначале самолеты и оружие, а в дальнейшем, поскольку военное положение мятежников все еще оставалось тяжелым, также и войска. Таким образом, военный путч Франко превратился в гражданскую войну, которую враждующие стороны вели под знаком фашизма и, соответственно, антифашизма.

Антифашисты едва ли не из всех европейских стран и из Соединенных Штатов устремились в Испанию, чтобы защитить от фашизма законно избранное республиканское правительство. Конечно, энтузиазм этих антифашистов, самоотверженно, а вначале и успешно сражавшихся в своих интернациональных бригадах с войсками Франко, итальянскими дивизиями и немецким «Легионом Кондор», заслуживает всяческого признания. Но тезис, по которому испанская гражданская война была глобальным конфликтом между «фашизмом» и «антифашизмом», был и остается весьма проблематичным. Главная цель, с которой Гитлер и Муссолини послали в Испанию сухопутные и воздушные силы, состояла вовсе не в том, чтобы «фашизировать» эту страну извне. Гораздо важнее идеологических мотивов были военные – испытание новой «люфтваффе», то есть германской военной авиации, экономические – овладение испанскими источниками сырья и рынками сбыта и политические – ослабление демократических государств, Англии и Франции. Прежде всего это относится к политике «третьего рейха». Не

¹⁴⁹ О гражданской войне: Braue, Temime; Jackson. Republic; Carr (Ed.). Republic; H. Thomas. Der Spanische Bürgerkrieg. Frankfurt, 1964; W. Schieder, C. Dipper (Hg.). Der Spanische Bürgerkrieg in der internationalen Politik (1936—1939). München, 1976.

случайно немецкий посол Фаупель, пришедший из партийного аппарата НСДАП и пытавшийся, без особого успеха, усилить фалангу в политическом и организационном отношении, вызвал энергичное сопротивление Франко, возражавшего против такого вмешательства во внутреннюю политику и идеологию, после чего Фаупель был заменен «нормальным» профессиональным дипломатом. Конечно, утверждение, что немецкая политика в отношении Испании определялась преимущественно военными, экономическими и политическими целями и в меньшей степени партийно-идеологическими установками, никоим образом не оправдывает эту политику. То же касается способа ведения воздушной войны «Легионом Кондор». Достаточно вспомнить бомбардировку Герники, где пострадало исключительно гражданское население. Но сколь бы ни было преступно и несовместимо с международным правом это германское вмешательство в испанскую гражданскую войну, при «терпимости» западных держав, уже отчетливо выражавшей политику «умиротворения», все же нет оснований утверждать, будто Италия и Германия вмешались в испанскую гражданскую войну, чтобы экспортировать в Испанию фашизм¹⁵⁰.

Тезис, по которому испанская гражданская война была глобальным конфликтом между фашизмом и антифашизмом, вызывает сомнение еще и по другой причине. В начале военного путча фаланга все еще была относительно слабой сектантской партией. Все ее руководство, в том числе Хосе Антонио Primo de Rivera, было арестовано республиканскими властями и вскоре расстреляно. Но по сравнению со всеми другими правыми партиями фаланга имела одно преимущество: у нее была партийная милиция, сразу же присоединившаяся к восставшим войскам генерала Франко. Правда, она насчитывала только 4 000 человек, но это побудило Франко к дальнейшему призыву добровольцев, поскольку выяснилось, что восстание, задуманное как простой военный путч, превратилось в гражданскую войну, заставившую привлечь и военные, и политические средства. Фаланга использовала этот неожиданный шанс, чтобы увеличить число своих членов и сторонников. В несколько месяцев она превратилась в важную политическую и военную силу. Хотя мы не располагаем конкретными количественными данными, можно не сомневаться, что после начала гражданской войны фаланга сумела приобрести массовую базу. За исключением карлистов в Наварре, также доставивших Франко свою партийную милицию «Requetes», все остальные консервативные и монархические партии потеряли свое значение, между тем как фаланга стала политической силой, и перед лицом провозглашенной республиканским правительством народной войны Франко вынужден был сотрудничать с этой силой.

Поэтому 19 апреля 1937 года Франко объявил объединившуюся с «Requetes» фалангу единственной государственной партией. Полное название этой партии было теперь «Испанская фаланга традиционалистов и союзов национально-синдикалистского наступления» («Falange Espanola Tradicionalista y de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista»). Ее партийной эмблемой, избранной уже СНСН, был хомут со связанными свирелями, заимствованный из герба католических королей Испании, и эта эмблема стала теперь новым государственным гербом. Руководство новой государственной партией, в которую «добровольно» вошло также много чиновников и военных, принял на себя командующий восставшими войсками Франко. Это вызвало ожесточенную критику со стороны старых фалангистов, называвших себя «camisas viejas», что буквально означает «старые рубашки». Выразителем этого протеста «старых борцов» фаланги стал преемник Primo de Rivera – Эдилья. Франко распорядился сместить его и приговорить к смертной казни. Но вследствие вмешательства уже упомянутого германского посла Фаупеля приговор

¹⁵⁰ О политике и целях «третьего рейха»: M. Merkes. Die deutsche politik im spanischen Burgerkrieg 1936—1939. Bonn, 1962; M. Einhorn. Die okonomischen Hintergrunde der faschistischen deutschen Intervention in Spanien 1936—1939. Berlin, 1962; Я. – Я. Abendroth. Hitler in der spanischen Arena. Die deutsch-spanischen Beziehungen im Spannungsfeld der europaischen Interessenpolitik vom Ausbruch des Burgerkrieges bis zum Ausbruch des Weltkrieges 1936—1939. Paderborn, 1973; Schieder, Dipper (Hg.). Burgerkrieg. О дальнейшем развитии германско-испанских отношений: D. S. Detwiler. Hitler, Franco und Gibraltar. Die Frage des spanischen Eintritts in den Zweiten Weltkrieg. Wiesbaden, 1962; K. – J. Ruhl. Spanien im Zweiten Weltkrieg. Franco, die Falange und das Dritte Reich

не был приведен в исполнение. Отсюда можно видеть, что при поддержке армии и церкви, уже и раньше резко отвергавших антиклерикальные требования СНСН, Франко сумел в значительной степени подчинить себе фалангу¹⁵¹.

В этом отношении события в Испании развивались вовсе не так, как в Германии, где Гитлер и НСДАП, напротив, в значительной степени подчинили себе церковь и военных. Но антифашисты в Испании и других странах не заметили этих структурных различий. Беспощадный террор фаланги и армии Франко во время военных действий и после их окончания, направленный против коммунистической, социалистической и демократических партий, а также партий национальных меньшинств – басков и каталонцев, – по-видимому, укрепил их убеждение в том, что режим Франко был фашистской диктатурой. И в самом деле, в гражданской войне погибло 500 000 человек из общего населения Испании, составлявшего около 25 миллионов, и многие из них были жертвами контрреволюционного террора фалангистов. Но при этом нельзя упускать из виду, что и революционный террор вызвал немалые жертвы. Это касается не только членов буржуазных партий, но и многих анархистов и членов ОМРП, подвергшихся столь же беспощадному преследованию со стороны верных Москве коммунистов и советской тайной полиции. Впрочем, характеристика франкистской Испании как фашистского государства опирается не только на описание крайне жестокого и чрезмерного применения террора, но и на внутреннюю структуру этого режима.

Фаланга осталась официальной государственной партией, в то время как все другие партии были запрещены; ее руководителем был Франко, который назывался теперь «каудильо», что равносильно немецкому званию «фюрер». Сверх того, он остался в должности «генералиссимуса», то есть верховного главнокомандующего испанских вооруженных сил. В качестве главы государства он не только ввел по фашистскому образцу «корпоративную систему», но 17 июня 1942 года установил, что «депутаты» испанского парламента (кортесов) больше не будут выбираться, а будут назначаться им самим, а также отдельными синдикатами, общинами, торговыми палатами и научными учреждениями. Одновременно с полным устранением парламента были отменены гражданские права и введена цензура печати – в первое время очень строгая. Режим с непреклонной суровостью подавлял социалистические и демократические силы, а также сепаратистские стремления национальных меньшинств Бискайи и Каталонии. Первоначальные антикапиталистические пункты программы СНСН все более ограничивались, несмотря на критику старых фалангистов; но антисемитские установки отсутствовали. Впрочем, после изгнания евреев инквизицией лишь незначительное число их вновь поселилось в Испании. Франко не выполнил и без того достаточно сдержанных националистических и реваншистских требований фаланги, хотя после германской победы над Францией вполне мог это сделать. В апреле

1939 года Испания вступила в Антикоминтерновский пакт; но в 1940 году на встрече с Гитлером в Андэ Франко отверг его ультимативные требования вступить во Вторую мировую войну на стороне Германии. Отправка на фронт одной дивизии, названной по цвету мундиров «голубой», имела лишь символический характер. Для германской военной экономики очень важны были, впрочем, поставки разных видов сырья. Немецкое самолетостроение нуждалось в испанском вольфраме. Столь же важен был экспорт в Германию нефти, которую сама Испания импортировала из США.

Хотя франкистская Испания избежала военной оккупации союзников, после 1945 года

¹⁵¹ О дальнейшей истории франкистской правящей партии: J. J. Linz. *The Party System of Spain. Past and Future* // S. M. Lipset, St. Rokkan (Eds.). *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. London, 1967, 197—282; Id. *From Falange to Movimiento-Organizacion: The Spanish Single Party and the Franco Regime* // S. P. Huntington, C. H. Moore (Eds.). *Authoritarian Politics in Modern Society. The Dynamics of Established One-Party Systems*. New York, 1970, 128—203; K. von Beyme. *Vom Faschismus zur Entwicklungsdiktatur – Machtelite und Opposition in Spanien*. Munchen, 1971; M. Gallo. *Histoire de l'Espagne franquiste*. Paris, 1969; J. Georgel. *Le Franquisme. Histoire et bilan. 1939—1969*. Paris, 1970; W. Haubrich, C. R. Moser. *Francos Erben. Spanien auf dem Weg in die Gegenwart*. Koln, 1976.

она однозначно характеризовалась и Востоком, и Западом как фашистское государство и подвергалась систематическому бойкоту. 12 декабря 1946 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций потребовала от своих членов не признавать режим Франко и отозвать из Испании своих послов. Но в ходе «холодной войны» произошло сближение. В 1950 году был снят объявленный ООН бойкот. США заключили с Испанией военное соглашение. Были начаты переговоры с Ватиканом о заключении конкордата, успешно завершившиеся в 1953 году. В 1952 году Испания была принята в ЮНЕСКО, а в 1955 году – в Организацию Объединенных Наций. После этих военных и политических соглашений, имевших целью включение Испании в антикоммунистический фронт «свободного мира», в середине 50-х годов началось все более интенсивное экономическое сотрудничество с Западом. Оно весьма содействовало развитию Испании, которая была теперь в состоянии не только восполнить потери от гражданской войны, но и развить процесс индустриализации и модернизации, стимулируемой вмешательством государства.

Рука об руку с экономическим подъемом происходила некоторая либерализация внутривнутриполитической жизни. Границы были открыты и цензура печати смягчена. Эту ситуацию использовали действовавшая в подполье коммунистическая и социалистическая оппозиция, а также некоторые сепаратистские группировки. Хотя франкистский режим подавлял с чрезвычайной жестокостью террористические акты баскской организации ЭТА (ETA), он применял более гибкую тактику по отношению к вновь возникшим подпольным профсоюзам («comisiones obreras» [Рабочие комиссии (исп.). – Прим. перев.]), тем более что эти оппозиционные силы получали все большую поддержку некоторой части католической церкви. Это была, впрочем, лишь относительная уступчивость, поскольку члены и руководители нелегального рабочего движения в ряде случаев по-прежнему подвергались преследованию и осуждались на длительное тюремное заключение. Причиной такой уступчивости было, главным образом, понимание, что слишком жестокие и террористические меры нанесли бы вред экономическому росту, выгодному не только промышленникам, но и политической элите страны. По-видимому, церковь, поддержка которой была необходима режиму Франко, также высказывалась за определенное смягчение внутривнутриполитического курса, а руководящие военные круги не решались применять слишком решительные и жестокие меры против оппозиционных движений, поддерживаемых отдельными представителями духовенства.

Этот относительно сдержанный внутривнутриполитический курс резко критиковали старые фалангисты, видевшие, как их миллионная государственная партия, известная под названием «movimiento» («движение»), все больше теряет свое влияние, а власть военных и церкви, всегда вызывавшая у них зависть, остается неизменной. Вся слабость этой партии, хотя и многочисленной, но весьма разнородной и отнюдь не состоявшей из одних только подлинно фашистских элементов, обнаружилась после смерти Франко 20 ноября 1975 года. Принц Хуан Карлос, провозглашенный через два дня после этого королем и главнокомандующим вооруженными силами, смог опять разрешить партии и приступить к политике постепенной демократизации без помех со стороны бывшей государственной партии. В начале 1977 года Хуан Карлос распустил «movimiento» без серьезного сопротивления руководства и миллиона членов этой некогда столь сильной на вид государственной партии.

Хотя в это время политик Мануэль Фрага Ирибарне сумел снова объединить различные праворадикальные и фашистские силы, его партия «Народный альянс» («Alianza Popular») до сих пор не смогла преодолеть внутренние раздоры и образовать ядро новой фашистской партии с массовой базой. С другой стороны, неровное и непредсказуемое развитие испанской внутренней политики в последнее время показывает, как трудно, даже невозможно высказать в этом отношении какие-либо прогнозы. Ведь перед военным путчем 1936 года фаланга тоже была небольшой, относительно слабой фашистской сектантской партией.

Все еще вызывает вопросы поведение армии, которая, по всей видимости, не хочет отказаться от своей традиционной роли «фактора порядка», так что прочность вновь

установленной демократической системы в Испании представляется проблематичной. Но с другой стороны, поразительно быстрый и не вызвавший почти никаких трудностей распад франкистской системы указывает на то, что этот режим с самого начала занимал промежуточное положение между авторитаризмом и фашизмом. В ретроспективном плане многое говорит в пользу предположения, что в этом случае несомненно фашистские черты всего лишь прикрывали авторитарные по своему характеру структуры. Верно, что режим Франко в первых своих фазах проводил крайне антисоциалистическую и антидемократическую политику, а в отношении национальных меньшинств преследовал также националистические цели. Но с течением времени эти его черты ослабели, точно так же как встречавшиеся и в других фашистских диктатурах антикапиталистические части программы, между тем как антисемитские тенденции никогда не выдвигались. Франкистская государственная партия, возникшая из объединения политических сил, отчасти не фашистских по своему характеру, не только была подчинена воле Франко, но никогда не могла противостоять господству армии и церкви. Когда часть духовенства отказалась поддерживать авторитарный курс режима, а военные большей частью остались пассивными, эта правящая партия, казавшаяся столь мощной и нередко считавшаяся третьей опорой режима, оказалась неспособной обеспечить ему необходимое плебисцитарное одобрение. Эта столь сильная на вид многочисленная партия даже ни разу не пыталась защитить созданные Франко авторитарные структуры и связанную с его именем систему. По-видимому, все говорит в пользу, может быть, слишком смелого тезиса, что «полуфашистская» диктатура Франко снова превратилась путем обратного развития в авторитарный режим, который затем, шаг за шагом и без революционных переворотов, смог превратиться в демократический строй.

Случай Испании еще раз напоминает, насколько необходимо – по научным и политическим мотивам – проводить различие между фашизмом (в его различных формах) и авторитаризмом. При этом важное значение имеет фактор времени, то есть то обстоятельство, что и фашистские, и авторитарные режимы могут развиваться в обоих направлениях. Но если франкистский режим, вопреки некоторым его тенденциям, не развился в фашистскую диктатуру, а напротив, его фашистские и даже авторитарные черты все более ослабевали, это объясняется также и общей ситуацией в мировой политике, существенно изменившейся после 1945 года. Эта ситуация, как мы подробнее расскажем в главе о так называемом неофашизме, затрудняла образование и существование фашистских диктатур.

Французские фашистские движения

Со времени захвата власти Муссолини социалистические и коммунистические теоретики фашизма неоднократно пытались объяснить возникновение и структуру фашизма с помощью критериев, извлеченных Марксом и Энгельсом из анализа бонапартистского режима Наполеона III во Франции¹⁵². Они доказывали, что фашизм, подобно бонапартизму, пришел к власти в ситуации равновесия классовых сил, когда буржуазия была уже неспособна, а пролетариат оказался еще неспособным взять и удержать власть. В этой ситуации партии и круги, связанные с буржуазией, отказались от политического управления в пользу исполнительной власти, чтобы надежнее закрепить свою социальную власть – власть над средствами производства. Осуществляя это политическое управление, контролируемая фашистами исполнительная власть стала в значительной мере независимой и поднялась над всеми классами.

¹⁵² Об этом, с дальнейшей литературой, см.: Wippermann. Bonapartismustheorie, 201 ff и 41 ff.; K. Hammer, P. C. Hartmann (Hg.). Der Bonapartismus. Historisches Phänomen und politischer Mythos. München, 1977; A. Rouquie. L'hypothèse «bonapartiste» et l'émergence des systèmes semi-compétitifs // Revue française de science politique, 25, 1975, 1077—111.

Мы не можем входить здесь в подробности такой интерпретации фашизма, ориентирующейся на теорию бонапартизма. Мы решительно отклоняем даже во многом реалистическую попытку Августа Тальгеймера отождествить фашизм с бонапартизмом; но все же следует отметить некоторые прямо бросающиеся в глаза параллели и черты сходства между фашистским и бонапартистским режимом. Во всяком случае, первая французская империя, и в особенности вторая, были попытками сдержать и преодолеть революцию революционными средствами. Бонапартистской системе Наполеона I и Наполеона III удалось интегрировать большие, главным образом крестьянские, массы и противопоставить их революционному движению, а это движение, в свою очередь, умиротворить репрессиями и также методами интеграции. Например, Наполеон III умел добиваться плебисцитарного согласия, проводя социальные улучшения, а в первое время стремился отвлечь внимание от внутренних общественных проблем видимостью внешних успехов. В целом, таким образом был подготовлен и проведен переход от аграрного общества к массовому индустриальному обществу, проходивший во Франции медленно и с запозданием, но без значительных общественных беспорядков. Более поздний фашизм принял за образец эти амбивалентные репрессивно-интеграционные методы господства, выработанные бонапартизмом. Хотя контрреволюции, прошедшие под знаком бонапартизма, снова и снова устранялись революциями снизу (1830, 1848, 1870), бонапартистская традиция во Франции уцелела, дополнив и отчасти заменив собой революционную традицию.

Это проявилось в 1887—1888 годах, когда во время экономического и политического кризиса республики генерал Буланже, применивший антипарламентские и плебисцитарные методы, сумел выиграть выборы как раз во многих промышленно развитых местностях Франции¹⁵³. Хотя «кризис Буланже», в котором Фридрих Энгельс усматривал уже новый, «третий период бонапартизма», не привел к гибели республики, он показал правым и монархическим силам Франции, как можно успешно бороться с ненавистными им революционными традициями Франции с помощью идеологий, особенно действующих на массы как раз вследствие их революционного происхождения. Таковы были идеологии национализма, обращенного в прошлое реакционного антикапитализма и особенно антисемитизма, проявившего во время «дела Дрейфуса» в конце 19 века свою способность к мобилизации масс и вместе с тем свою поляризующую силу.

В 1899 году, на вершине «дела Дрейфуса», эти идеологические течения были восприняты и использованы организацией, ставившей себе, наряду с националистическими и антисемитскими, также некоторые антикапиталистические и даже синдикалистские цели. Это была «Аксьон Франсэз» («Французское действие», «Action Francaise»), имевшая в лице Шарля Моррасса выдающегося идеолога, а в качестве партийной силы – «Королевских молодчиков» («Camelots du Roi»), готовых добиваться политических целей также и насильственным путем. В организационном и идеологическом отношении «Аксьон Франсэз» была предшественницей многих черт будущего итальянского фашизма¹⁵⁴. Фашистские движения, возникавшие во Франции с 20-х годов, были не только родственны «Аксьон Франсэз» и составляли в идеологическом отношении ее прямое продолжение – они были связаны с ней также в конкретно-историческом смысле и даже персонально, так что «Аксьон Франсэз» была не просто предшественницей фашизма. Но хотя вследствие этого во Франции можно было ожидать быстрого и успешного развития фашизма, ничего подобного не произошло. Это объясняется экономическими, социальными и политическими условиями, сложившимися во Франции после 1918 года.

¹⁵³ О бонапартизме и буланжизме во Франции: Th. Zeldin. France 1848—1945. I. Oxford, 1973; A. Dansette. Le Boulangisme. Paris, 1946; J. Nere. Le Boulangisme et la Presse. Paris, 1964. Об оценке бонапартизма Марксом и Энгельсом: Wippermann. Bonapartismustheorie, 41-86.

¹⁵⁴ Об этих идеологических и политических предшественниках фашизма во Франции см.: R. Remand. La Droite en France de la Premiere Restauration a la V* Republique. Paris, 1963, 172 ff.; Z. Sternhell. Maurice Barres et le nationalisme francais. Paris, 1972; Nolle. Faschismus, 90-183; E. Weber. Action Francaise. Royalism and Reaction in Twentieth-Century France. Stanford, 1962; R. Soucy. Fascism in France. The Case of Maurice Barres. Berkeley, 1972.

Ввиду роста мировой экономики и благодаря немецким репарациям французская промышленность смогла быстро восполнить военные потери и преодолеть трудности перехода от военного хозяйства к мирному¹⁵⁵. Если в 1920 году промышленное производство достигало лишь 67% довоенного уровня, то в 1924 году этот показатель поднялся до 114%, а в 1930 году до 133%. В тот же период происходили модернизация методов производства и процесс концентрации в экономике. Впрочем, сельскохозяйственное производство росло значительно медленнее. В областях к югу от Луары трудно было не заметить признаков медленно нарастающего аграрного кризиса. Послевоенная инфляция, с которой удалось справиться лишь в 1926 году, также указывала на кризисную структуру французской экономической системы. Поскольку немецкие репарации пришлось использовать главным образом для оплаты французских военных долгов Англии и США, их нельзя было употребить на весьма необходимую фундаментальную модернизацию французской промышленности и сельского хозяйства.

Общественные отношения во Франции сначала проявляли лишь потенциальные кризисные тенденции. Это касалось еще не затронутой, а тем более не решенной проблемы перенаселенности деревни в южных и средних регионах. Но больше всего это относилось к социальному положению промышленных рабочих. Хотя еще в 1918 году они получили коллективные договоры и восьмичасовой рабочий день, закон о социальном страховании не соблюдался, не было также удовлетворено требование рабочих об оплате отпусков.

Относительное отставание французского социального законодательства по сравнению с германским объяснялось тем, что левые были здесь ослаблены внутренними конфликтами, тогда как правые партии, соединившиеся в «Национальный блок» («Bloc National»), получили на выборах в ноябре 1918 года 137 мест из 613.

Социалистическая партия, получившая на этих выборах лишь 68 мест в парламенте, на своем конгрессе в Туре в 1920 году раскололась¹⁵⁶. Ее левое крыло, имевшее на этом конгрессе большинство в 3 000 делегатов против 1 000, представлявших внутрипартийную оппозицию, образовало новую Коммунистическую партию Франции («Parti Communiste Français»), присоединившуюся к коммунистическому Третьему Интернационалу. Меньшинство создало под руководством Леона Блюма новую социалистическую партию, которой вскоре удалось вытеснить коммунистов из их ведущего положения. На парламентских выборах 1932 года социалисты получили 98 мест, тогда как коммунисты смогли послать в парламент лишь 10 депутатов. Вопреки всей революционной риторике, реформистски настроенная Всеобщая конфедерация труда (ВКТ, «Confederation Generale du Travail») тоже сумела сохранить свое ведущее положение по отношению к отколовшейся коммунистической «Унитарной всеобщей конфедерации труда» («Confederation Generale du Travail Unitaire»). Обе профсоюзные организации, которым противостояли еще христианские профсоюзы, снова соединились в 1936 году под знаком Народного фронта.

Правые партии, правившие с небольшими перерывами (кабинет Эррио, 1924—1925) до 1932 года, могли воспользоваться относительной слабостью левых во внутривластной области, а также тем, что «наследственный враг» – Германия – был не только побежден, но и надолго ослаблен. Поэтому агитация крайне правых не имела вначале больших шансов. «Аксьон Франсэз» в значительной мере утратила свое влияние, достигнутое в 1914 году. Здесь сыграло свою роль осуждение папой Пием XI галликанской идеологии «Аксьон Франсэз», то есть доктрины независимости французской церкви от Рима. Из-за этого запрета,

¹⁵⁵ К социальной и экономической истории: R. F. Kuisel. *The Social-economic Modernization of France in the 20th Century*. Berkeley, 1968; Maier. *Bourgeois Europe*; K. J. Muller. *French Fascism and Modernization* // JCH, 11, 1976, 75-107; A. Sauvy. *Histoire economique de la France entre les deux guerres*. 2 vol. Paris, 1967.

¹⁵⁶ К истории Третьей республики: J. – P. Azema, M. Winock. *La Troisieme Republique 1870—1940*. Paris, 1970; Ph. Bernard. *La fin d'un monde 1914—1929*. Paris, 1975; H. Dubief. *Le declin de la Troisieme Republique. 1929—1938*. Paris, 1976; Ch. Bloch. *Die Dritte Franzosische Republik. Entwicklung und Kampf einer parlamentarischen Demokratie*. Stuttgart, 1972; R. von Albertini. *Freiheit und Demokratie in Frankreich*. Freiburg, 1957; *Id Frankreich vom Frieden von Versailles bis zum Ende der Vierten Republik 1919—1958* // Schieder (Hg.). *Handbuch*. Bd. 7, 438-80. О Народном фронте: L. Bodin, J. Touchard. *Front Populaire 1936*. Paris, 1972.

последовавшего в 1926 году, «Аксьон Франсэз» потеряла не только поддержку французского клира, но и многих своих консервативно-католических членов. Еще важнее оказался тот факт, что некоторые лица и группы отвергли по-прежнему монархические установки «Аксьон Франсэз» и начали ориентироваться на более современный и действенный образец итальянского фашизма¹⁵⁷.

К ним принадлежал Жорж Валуа, член «Аксьон Франсэз» и националистическо-синдикалистского «Кружка Прудона» («Cercle Proudhon»). В 1925 году он вышел из «Аксьон Франсэз», чтобы основать свой собственный боевой союз «Фасции» («Faisceaux»), который не только по названию, но и по своей идеологии и политической практике полностью подражал итальянским «fasci». Валуа выступал за объединение фронтовиков и производителей под знаком национального социализма, что должно было привести к преодолению классовой борьбы и международного марксизма. Он упорно, но в конечном счете не особенно успешно пытался приобрести сторонников также среди рабочих. Его организация занимала промежуточное положение между боевым союзом и политической партией. Если в недолгий период левого правительства Эррио организация Валуа имела еще некоторый успех, то новая победа правых под руководством Пуанкаре прямо и косвенно привела к поражению «Фасций», вызывавших с самого начала яростную враждебность «Королевских молодчиков» из «Аксьон Франсэз». Валуа извлек отсюда урок: увидев, что его движение неспособно конкурировать с крайне правой политикой вроде политики Пуанкаре, он решил усилить «левые» черты своей программы. Он соединял это с усилившейся критикой фашизма, которому он теперь ставил в вину реакционность его принципов, и с отчетливым отказом от антисемитизма. Во время Второй мировой войны Валуа, превратившийся из фашиста почти в антифашиста, погиб в немецком концентрационном лагере¹⁵⁸.

Страх французской буржуазии перед социализмом, проявившийся уже при кратковременном успехе левых на выборах 1924 года, был использован также другим боевым союзом, стоявшим, однако, с самого начала на гораздо более правых позициях, чем «Фасции» Валуа. Это были «Молодые патриоты» («Jeunesses Patriotes»), группа, основанная в 1924 году промышленником и консервативным депутатом Пьером Тетенже. «Молодые патриоты» выделялись из других правых тем, что не ограничивались пропагандой и защитой правых кандидатов на выборах, но имели также собственную, хотя и нечетко сформулированную, программу, требовавшую создания сильного государства и социальной политики антисоциалистического направления. Но, наряду с другими лигами правых, «Молодые патриоты» относились скорее к старой бонапартистской традиции Франции, чем к новым, устроенным по современному итальянскому образцу фашистским партиям.

То же относится к «Огненным крестам» («Croix de Feu») полковника де ля Рока, организации, возникшей в 1927 году из союза фронтовиков, куда первоначально принимали только участников войны, награжденных за боевые заслуги. В 1931 году этот союз превратился в самостоятельную партию с консервативными и социально-реформистскими целями, насчитывавшую, по оценкам, 150 000 членов, то есть имевшую массовую базу. Но поскольку у этой партии почти не были выражены антисоциалистические и антикапиталистические цели и была слабо выражена воля к уничтожению своих политических противников, ее следует скорее отнести к консервативно-бонапартистским, чем к фашистским движениям. Впрочем, существование и массовые демонстрации

¹⁵⁷ Обзорные изложения истории фашизма во Франции: Remond. *La Droite*, 224 ff.; J. Plumyene, R. Lasierra. *Les fascismes Francaises 1923—1963*. Paris, 1963; E. Weber. *Varieties*, 139-43; Id. *Nationalism, Socialism and National-Socialism in France // French Historical Studies*, 2, 1962, 271—307; Nolte. *Faschismus*, 90-183; R. Soucy. *Das Wesen des Faschismus in Frankreich // Laqueur, Masse (Hg.)*, 46-85; Thamer, Wippermann, 120-55; Z. Sternhell *Strands of French Fascism // Larsen et al. (Eds.)*. *Who Were the Fascists*, 479—500.

¹⁵⁸ Подробнее о Валуа: Y. Guchet. *G. Valois ou l'illusion fasciste // Revue francaise de science politique*, 15, 1969, 1111-44; Z. Sternhell. *Anatomie d'un mouvement fasciste en France: Le Faisceau de G. Valois // Revue francaise de science politique*, 26, 1976, 5-40; J. Levey. *G. Valois and the Faisceau // French Historical Studies*, 8, 1973, 279—300.

«Огненных крестов» послужили целям левых как доказательство их тезиса, что только Народный фронт может справиться с нависшей угрозой фашизма. Сила этого антифашистского течения, в свою очередь, послужила предпосылкой нового роста правых лиг и возникновения других фашистских движений. То и другое – нарастание фашизма и антифашизма, характеризующие политическую жизнь Франции в течение 30-х годов, – было, в свою очередь, результатом глубокого экономического, социального и политического кризиса¹⁵⁹.

Экономический кризис проявился во Франции сравнительно поздно, но его последствия держались здесь значительно дольше, чем в соседних европейских странах¹⁶⁰. Даже в 1938 году французское промышленное производство все еще было на 25% ниже уровня 1929 года. Этот длительный экономический кризис, еще усиленный структурными кризисными явлениями в различных областях французской промышленности и сельского хозяйства, привел к обострению уже ранее заметного социального и политического кризиса Третьей республики. Ни правые партии, ни центр, ни левые не способны были создать устойчивое и эффективное правительство. С мая 1932 года до февраля 1934 года во Франции сменилось не менее шести кабинетов. Поскольку отдельные партии сильно зависели от тех или иных союзов, представлявших особые интересы – профсоюзов, союзов предпринимателей, крестьян, налогоплательщиков или ветеранов, – они были не в состоянии прийти к компромиссу, необходимому для образования устойчивого правительства. После массовых демонстраций «Огненных крестов» и других лиг, которые 6 февраля 1934 года пытались штурмовать парламент и лишь с трудом были сдержаны силами порядка, коммунисты и социалисты смогли договориться о создании Единого фронта, чтобы воспрепятствовать якобы угрожавшей немедленной победе фашизма. Либеральные радикал-социалисты тоже полагали, что извлекают единственно правильный урок из гибели демократии в Италии и Германии, и присоединились к антифашистскому союзу социалистов и коммунистов.

Парламентские выборы в мае 1936 года привели к решительному успеху Народного фронта. Социалисты получили 156 мест вместо прежних 97, коммунисты – 72 места вместо 12. Социалист Блюм сформировал вместе с радикал-социалистами правительство Народного фронта, пользовавшееся поддержкой коммунистов. Правительство Народного фронта попыталось повысить покупательную способность населения и преодолеть экономический кризис – мерами по трудоустройству, государственными гарантиями цен на хлебные продукты и иными методами государственного вмешательства. Но эта политика привела лишь к очень нестойким результатам. Число безработных почти не снизилось, а резко поднявшиеся цены свели на нет повышение заработной платы, достигнутое рабочими во время забастовочной кампании в мае и июне. Экономические неудачи правительства Народного фронта, которые привели к разочарованию его сторонников, сохранившемуся и после отставки Блюма, по крайней мере отчасти объясняются обструкцией предпринимателей, многие из которых более или менее открыто оказывали финансовую поддержку вновь возникавшим фашистским движениям.

К ним, несомненно, относился парфюмерный фабрикант Коти, не только оказывавший моральную поддержку ряду крайне правых групп, но в конце концов создавший свою собственную, хотя и незначительную, фашистскую партию под названием «Французская солидарность» («Solidarite Francaise»)¹⁶¹. Кроме того, приобрел влияние «Франсизм» («Francisme»), основанный в 1933 году одним из лидеров «Фасций» Марселем Бюкаром, хотя число его членов никогда не превышало 10 000. К этой организации принадлежали, наряду с ремесленниками, служащими и людьми свободных профессий, также некоторые рабочие. В

¹⁵⁹ О «Молодых патриотах» и «Огненных крестах»: Plumyene, Lasierra. *Fascismes francaises*, 28-81; Ph. Machefer. *Ligues et fascismes en France 1919—1939*. Paris 1974, 9-24.

¹⁶⁰ По поводу дальнейшего см. литературу, цитированную в прим. 36.

¹⁶¹ См. об этом: Plumyene, Lasierra. *Fascismes francaises*, 45-65; Sternhell. *Strands*, 490 f.; R. Soucy. *French Fascism as Class Conciliation and Moral Regeneration // Societas. Review of Social History*, 1, 1971, 291 ff.

то время как Бюкар до малейших подробностей подражал итальянским фашистам, основанная Жаком Дорио в 1936 году «Народная французская партия» (НФП, «Parti Populaire Français»), хотя и приняла с самого начала фашистские символы и идеологические формулы, занимала в своей программе и политике самостоятельную позицию, ставившую ее на самый левый фланг всей шкалы фашистских движений Франции и Европы¹⁶².

Фашистская «Народная партия» Дорио была по существу группой, отколовшейся от коммунистической партии, с установкой, производящей некоторое национал-большевистское впечатление. Сам Дорио был коммунистическим мэром Сен-Дени и принадлежал к числу лидеров Коммунистической партии Франции. Он был исключен из этой партии, когда несвоевременно, против воли Москвы и руководства Коминтерна, выступил за создание антифашистского Народного фронта. Хотя через несколько месяцев после исключения Дорио Коммунистическая партия Франции изменила свой ультралевый курс в пользу уже упомянутой политики Народного фронта, которой ранее требовал Дорио, между КП и «рenegатом» Дорио не произошло примирения; напротив, Дорио не только критиковал коммунизм, но все более резко, в бескомпромиссной форме его отвергал.

Вопреки тому, что основанная 28 июня 1936 года НФП получила признание и поддержку части промышленников, увидевших в ней орудие борьбы с коммунизмом и национальное движение единства, и несмотря на то, что облик и программа партии носили явно фашистский характер, Дорио сумел привлечь к ней многих бывших коммунистов и членов профсоюза. Если даже данные самой партии, по которым она на 65% состояла из рабочих, не заслуживают доверия, нет сомнения в том, что доля рабочих в ней была довольно высока. НФП вначале преследовала наряду с антикоммунистическими и националистическими также некоторые социал-реформистские цели, сводившиеся к модернизации и рационализации производства, но фанатическая ненависть Дорио и некоторых его сторонников к коммунизму привела их в конце концов к более или менее безоговорочному сотрудничеству с немецкими оккупационными властями. Это полностью дезавуировало его партию.

Той же судьбы не избежали и остальные фашистские группировки, а также представители некоторого литературного фашизма, представленного во Франции такими фигурами, как Бразиллак, Селин и особенно Дриу ля Рошель, в художественном отношении на голову превосходившими немецких национал-социалистских литераторов направления «крови и почвы» (*Blut und Boden*)¹⁶³. Все эти силы и личности потерпели крушение, столкнувшись с основной чертой фашизма, который, вопреки своим международным притязаниям, всегда был и должен был оставаться движением глубоко национального типа. Политика немецких оккупационных властей, исходившая прежде всего из национальных мотивов, неизбежно должна была вызвать критику и неприятие со стороны французского национализма. Это, в свою очередь, привело к изоляции тех французских фашистов, которые не могли и не хотели отказаться от восхищения фашистскими образцами, представленными Италией и больше всего Германией. Возникшая таким образом дилемма привела в конце концов к гибели всего французского фашизма. Впрочем, такой ход событий не был неизбежен.

После полного поражения французских войск маршал Петен в качестве главы французского государства (*Chef de l'Etat Francais*) в неоккупированной части Франции предпринял попытку вновь объединить страну, вступившую в войну экономически ослабленной и расколотой в социальном и политическом отношении¹⁶⁴. Эта попытка

¹⁶² О Дорио: D. Wolf. *Die Doriot-Bewegung. Ein Beitrag zur Geschichte des französischen Faschismus*. Stuttgart, 1967; G. D. Allardyce. *Die politische Wandlung des J. Doriot // Laqueur, Masse (Hg.). 86-110; Id. Jacques Doriot et l'esprit fasciste en France // Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale*, 1975, 31-44; J. – P. Brunei. *Reflexion sur la scission de Doriot // Mouvement Social*, 70, 1970, 43-64.

¹⁶³ A. Pfeil. *Die französische Kriegsgeneration und der Faschismus. P. Drieu la Rochelle als politischer Schriftsteller*. München, 1971; A. Hamilton. *The Appeal of Fascism. A Study of Intellectuals and Fascism. 1918 to 1945*. London, 1971; T. Kunnas. *Drieu la Rochelle, Celine, Brasillach et la tentation fasciste*. Paris, 1972.

¹⁶⁴ О режиме Петена: R. Paxton. *Vichy France. Old Guard and New Order 1940—1944*. London, 1972; H.

потерпела неудачу, с одной стороны, ввиду грубого силового давления Германии, а с другой – ввиду французского Соппротивления (Resistance), превратившегося в массовое движение, когда коммунисты после нападения немцев на Советский Союз отказались от своей сдержанной позиции. Руководитель малозаметного вначале Лондонского правительства в изгнании генерал де Голль сумел, наконец, объединить в мае 1943 года все организации Соппротивления, в том числе коммунистические, в «Национальный совет Соппротивления» («Conseil National de la Resistance»). Режим Виши, скорее консервативно-патриархальный, чем фашистский по своему характеру, все больше занимал оборонительную позицию, поскольку попытки представить Петена в виде вождя национальной и вместе с тем буржуазной Франции не имели успеха. Они не могли скрыть того факта, что этот режим – добровольно и вынужденно – сотрудничал с немцами на всей территории страны и даже активно помогал преследованию французского движения Соппротивления и депортации французских евреев. И даже буржуазно-национальная Франция все больше ощущала, что ее представляет правительство де Голля, опирающееся на национальное Соппротивление внутреннему и иностранному фашизму.

Хотя описание режима Виши как «фашистского» более чем сомнительно и хотя успехи Соппротивления были не так уж велики (впрочем, немцы расстреляли 20 000 его участников и депортировали 60 000), борьба Соппротивления, проникнутая и национальными, и антифашистскими мотивами, составила объединивший все партии фундамент демократического возрождения Франции. В этом проявилось сходство с положением Италии после крушения фашизма; но по сравнению с послевоенной Германией видно большое различие. С другой стороны, не следует упускать из виду, что хотя отдельные фашистские движения во Франции имели массовую базу, они не смогли ни объединиться, ни захватить власть. Что же касается коллаборационистского режима Петена, то он не входит в группу фашистских диктатур.

Глава 5. Малые фашистские движения, фашистские секты и пограничные случаи.

Проблема подразделения

Подразделение и дифференциация фашистских движений по их величине в высшей степени проблематичны, хотя – как это еще будет показано в заключении – не существует более разумных подходов к этой проблеме. Это видно уже в случае Испании, где в некоторой особой ситуации фаланге удалось в течение нескольких месяцев превратиться из сектантской фашистской партии в значительную политическую силу. Но количественные различия между фашистскими движениями в Австрии, Венгрии, Румынии, Югославии, Испании и Франции, рассмотренными в четвертой главе, и фашистскими движениями в Англии, Финляндии, Бельгии и Голландии, которыми нам еще предстоит заняться, указывают и на качественные различия.

Фашистские движения, перечисленные в конце, получали на выборах не более 10% поданных голосов и оказывали относительно слабое влияние на внутривнутриполитическую жизнь своих стран. Но, с другой стороны, самое существование фашистских партий в странах столь разной структуры лишней раз свидетельствует об универсальности европейского фашизма. Трудно представить себе большую разницу между странами, чем разница между индустриальной Англией с ее старой и прочной демократической традицией и преимущественно аграрной Финляндией, недавно возникшей из кровавой освободительной и

Michel. Petain, Laval, Darlan – trois poli-tiques? Paris, 1972; Remond. La Droite, 245-51; A. Siegfried. Le Vichy de Petain, le Vichy de Laval // Revue francaise de science politique, 6, 1956, 737-49; S. Hoffmann. Aspects du Regime de Vichy // Ibid., 6, 1956, 44-69; R. Bourderon. Le Regime de Vichy etait-il fasciste? // Revue d'histoire de la deuxieme guerre mondiale, 23, 1973, 23^5.

гражданской войны. И все же в обеих этих странах были фашистские движения, хотя и сильно отличавшиеся своей структурой, программой и практикой. То же можно сказать о соседних странах, Бельгии и Голландии, где тоже были очень непохожие фашистские партии.

При взгляде на эти малые фашистские движения можно уяснить себе не только универсальность фашизма, но и широту его разнообразия. Эта широта определялась, с одной стороны, экономическими, социальными и политическими условиями в отдельных странах, а с другой – программами и целями возникавших в этих странах фашистских партий.

Если мы, наконец, рассматриваем также фашистские партии в Дании, Швеции и Швейцарии, не вышедшие за пределы сектантского существования, то мы это делаем не с целью добиться энциклопедической полноты нашего обзора истории фашизма в Европе. В этих партиях нас интересует не столько то обстоятельство, что они более или менее отчетливо ориентировались на фашистские образцы, но гораздо больше вопрос, почему им не удалось добиться большего значения и приобрести массовую базу. При таком контрастном сравнении выясняются условия, необходимые для роста фашистских партий. Это относится и к тем условиям, которые встретили и могли использовать другие «классические» фашистские движения, и к тем, в которых оказались так называемые неофашистские движения, поскольку Дания, Швеция и Швейцария демонстрируют уже в междувоенное время социальные и политические отношения, весьма напоминающие состояние западных демократий в послевоенное время.

История фашизма в Норвегии представляет во многих отношениях особый случай. Поскольку партия Квислинга столкнулась с почти единодушным отпором демократических партий Норвегии – прочных и единых партий – то она никогда не могла получить на выборах больше 3%. В этом смысле «Национальное единение» («*Nasjonal Samling*») принадлежит к группе фашистских сект. Но все же после оккупации Норвегии немецкими войсками Квислингу удалось прийти к власти. Впрочем, этот режим Квислинга был более или менее зависим от немецких оккупационных властей. Поэтому его следует скорее рассматривать как несамостоятельный коллаборационистский режим, чем как самостоятельную фашистскую диктатуру, и следовательно, его надо отнести к «пограничным случаям», рассматриваемым в конце. То же относится к словацкому режиму сателлита Германии и к авторитарным диктатурам в Польше и Португалии, которые, наряду с другими подобными формами власти в междувоенной Европе, многие авторы ошибочно считали «фашистскими».

В этой главе, эскизной по своему характеру, еще раз описывается универсальность и широкий диапазон европейского фашизма в междувоенное время, причем фашистские движения дифференцируются и отделяются от других политических явлений.

Англия

Англия принадлежала к тем немногим странам Европы, экономические, социальные и политические структуры которых почти не были затронуты Первой мировой войной и ее последствиями¹⁶⁵. Война привела, конечно, к экономическим потерям – один только тоннаж морского флота убавился на 40%, – но Англия выиграла войну и смогла, опираясь на свою нетронутую мировую империю, быстро восполнить свои убытки. Точно так же быстро и успешно был выполнен переход от военной экономики к мирной. Сюда относилась отмена государственного контроля, введенного во время войны, а также реприватизация некоторых отраслей промышленности и железных дорог. Но при этом нельзя не заметить, что Англия уступила Соединенным Штатам свое некогда ведущее экономическое положение. Не были проведены насущно необходимые меры по модернизации угледобывающей

¹⁶⁵ К социальной и экономической истории Англии в межвоенное время: J. Hobsbawm. *Britische Wirtschaftsgeschichte*. Bd. 2. Frankfurt, 1969; D. H. Aldcroft. *The Interwar Economy of Britain 1919—1939*. London, 1970; B. W. E. Alford. *Depression and Recovery. British Economic Growth 1918-1939*. London, 1972.

промышленности, производства стали и судостроения. Относительно высокий процент безработных в этих областях, в текстильной промышленности, а затем и в горной указывал на то, что английская экономическая система испытывала структурный кризис. Впрочем, эти еще скрытые кризисные явления вначале не вызвали серьезных социальных напряжений, хотя систему социального страхования, расширенную в 1918 году, вряд ли можно было в то время сравнивать с немецкой.

Парламентские выборы 14 декабря 1918 года, в которых впервые приняли участие все мужчины старше 21 года и все женщины старше 30 лет – эта дискриминация была отменена лишь в 1928 году, – завершились решительной победой консерваторов и либералов¹⁶⁶. Однако лейбористской партии, образовавшейся лишь в конце 19 века из активистов различных профсоюзов, удалось создать дисциплинированную организацию, опередившую либералов уже на выборах 1922 года. В то время как основанная в 1920 году коммунистическая партия оставалась довольно незначительной, лейбористская партия выдвигала подчеркнуто социалистические цели: она требовала национализации железных дорог, угольных шахт, электростанций и т. п. Консервативные правительства могли разрешить ирландский вопрос, предоставив независимость Ирландской Республике (пока еще не было других проблем с меньшинствами), но притязания на власть лейбористской партии и связанных с ней профсоюзов консерваторы воспринимали как прямой вызов. После ряда успешных забастовок, проведенных профсоюзами, 21 января 1924 года социалистический политик Рамсей Макдональд сформировал правительство меньшинства при пассивной поддержке либералов. Впрочем, первый кабинет Макдональда вынужден был уйти в отставку уже в октябре 1924 года, после того как консервативная оппозиция опубликовала письмо, якобы исходившее от Зиновьева и содержавшее планы переворота. Не случайно, что первая фашистская партия Англии возникла как раз в этой напряженной внутривнутриполитической ситуации.

Эта партия, уже в 1924 году насчитывавшая, по-видимому, 100 000 членов, во всех подробностях подражала успешному итальянскому образцу¹⁶⁷. На это указывало уже ее название, хотя и грамматически корректное, но более чем странное для неитальянской партии: «Британские фашиста» («British Fascist!»). Партия эта видела свою задачу в том, чтобы быть вспомогательным отрядом консерваторов в их борьбе против «красной опасности». В 1926 году английские фашисты предложили свою помощь для насильственного подавления всеобщей забастовки; но консерваторы, вновь пришедшие к власти после уверенной победы над лейбористами, отклонили это предложение. После этого «Британские фашисты», как и другая фашистская группировка под названием «Имперская фашистская лига» («Imperial Fascist League»), канула в небытие. Оставшиеся члены обеих этих фашистских групп примкнули затем к «Британскому союзу фашистов» (БСФ, «British Union of Fascists»), основанному сэром Освальдом Мосли осенью 1932 года. Возникновение и временные успехи этой третьей и самой значительной английской фашистской партии были прямо и косвенно связаны с началом мирового экономического кризиса и его последствиями.

Мировой экономический кризис еще более обострил и без того развившиеся явления структурного кризиса в английской экономике. Возникла массовая безработица, против которой английское правительство не приняло никаких мер, потому что оно – как и Брюнинг в Германии – пыталось преодолеть последствия мирового экономического кризиса политикой строгой экономии. За эту политику нес ответственность социалист Макдональд,

¹⁶⁶ Общие работы об истории Англии в межвоенное время: A. H. P. Taylor. English History 1914—1945. London, 1966; Ch. L. Mowat. Britain between the Wars 1918—1940. London, 1968.

¹⁶⁷ К истории фашистских движений в Англии: C. Cross. The Fascists in Britain. London, 1961; Nolte. Krise, 297—387; A. Benewick. The Fascist Movement in Britain. London, 1972; W. F. Mandle. Anti-Semitism and the British Union of Fascists. London, 1968; N. Nugent, R. King (Eds.). The British Right. Conservative and Right Wing Politics in Britain. London, 1977; J. D. Brewer. The British Union of Fascists: Some Tentative Conclusions on Its Membership // Larsen et al. (Eds.). Who Were the Fascists, 542-56.

сформировавший после победы лейбористов в 1929 году правительство, куда в 1931 году вошли также консерваторы и либералы. Макдональд остался председателем этого «национального правительства» и после того, как выборы в октябре 1931 года привели к сокрушительному поражению лейбористской партии, потерявшей 200 мест из 287, полученных в 1929 году. Несмотря на это голосование и на все более резкую внутривнутрипартийную критику, Макдональд оставался до 1935 года председателем этого коалиционного правительства, по существу управляемого консерваторами. Поэтому в публицистике Коммунистического Интернационала он обличался как особенно презренный пример «социал-фашизма». Но фашистом стал другой очень известный член лейбористской партии.

Это был сэр Освальд Мосли, родившийся в 1890 году в аристократической семье, весьма уважаемой среди английской знати. Мосли, принявший участие в войне в качестве офицера, вступил затем в консервативную партию, но в 1920 году перешел в качестве депутата в лейбористскую партию. В январе 1930 года он предложил кабинету Макдональда план преодоления кризиса и массовой безработицы с помощью повышения покупательной способности, усиления государственного контроля над экономикой и политики автаркии. Но план Мосли был решительно отвергнут Макдональдом и отраслевыми министрами-консерваторами, вошедшими в кабинет в 1931 году. После этого Мосли основал осенью 1932 года собственную партию, чтобы все же осуществить свои экономические предложения, в правильности и практичности которых он был фанатически убежден.

Но ориентация на фашистский образец, проявившаяся не только в названии «Британский союз фашистов», но и во внешнем облике этой партии, располагавшей одетыми в черные мундиры и отчасти вооруженными подразделениями, с самого начала была не просто средством для достижения этих предложений. Экономические планы Мосли, направленные на преодоление безработицы, все больше вытеснялись его агрессивными идеями, носившими националистический, антисоциалистический и антисемитский характер. Когда Мосли призывал усилить Британскую империю, восстановить ее по существу уже утраченное величие, то это столь же мало оправдывалось экономическими соображениями, как и его все более резкие и враждебные выпады против небольшого еврейского меньшинства в Англии, увеличившегося за счет притока беженцев из Германии. Мосли был обязан своими временными успехами не только рациональному действию своих экономических идей, но также и своим все более агрессивным и иррациональным националистическим, антисоциалистическим и антисемитским целям.

Если представителей буржуазии, составлявших 58% членов «Британского союза фашистов», привлекали его планы преодоления безработицы, то на примкнувших к БСФ рабочих, по-видимому, действовали главным образом антисемитские цели и демонстрации. Об этом свидетельствует тот факт, что на местных выборах 1937 года в лондонском Ист-Энде, населенном рабочими и значительным числом евреев, БСФ получил 19% поданных голосов и приобрел, таким образом, региональный опорный пункт. Именно в этой части Лондона были предприняты многие из массовых митингов и демонстраций этой партии под защитой «Фашистских оборонительных сил» («Fascist Defence Force»), представлявших английский аналог СА. Но эта пропагандистская деятельность в чисто фашистском стиле натолкнулась не только на возрастающее сопротивление антифашистов, в частности, членов лейбористской партии, видевших в Мосли аристократического предателя рабочего класса, но и на неприязнь буржуазно-консервативных кругов.

В Германии национал-социалисты успешно применяли тактику провоцирования беспорядков, создававших атмосферу страха и неуверенности, которую мог затем использовать Гитлер – как «сильный человек», единственно способный восстановить «спокойствие и порядок». Но в Англии эта тактика провалилась: здесь демократическое правительство, руководимое социалистом и в то «се время поддерживаемое консерваторами, могло претендовать на полную ответственность за спокойствие и порядок в стране. Сверх того, политика экономии скоро принесла свои результаты. Уже в конце 1933 года показатели

промышленного производства достигли уровня 1929 года. Число безработных упало ниже миллионной черты, но к 1938 году снова возросло до 2 миллионов. Впрочем, экономическая консолидация страны была не единственной причиной, по которой „Британский союз фашистов“ постепенно ослабевал и, наконец, после начала войны был запрещен и распущен. Несомненно, долгая и непрерывная парламентская и демократическая традиция Англии воспрепятствовала росту БСФ. Впрочем, этот трудно поддающийся описанию демократический потенциал Англии избежал тягчайшего испытания, поскольку БСФ возник сравнительно поздно, а главным образом потому, что кризис удалось довольно быстро остановить благодаря огромным запасам сырья и рынкам сбыта империи. Хотя история „Британского союза фашистов“ еще недостаточно изучена, так как соответствующие архивные данные еще в течение десятилетий будут закрыты, все говорит за то, что движение Мосли не было простым эпизодом в развитии английской парламентской системы.

Финляндия

До 1808 года Финляндия принадлежала Швеции, а затем отошла к России в качестве автономного великого княжества¹⁶⁸. Финское национальное движение возникло лишь в конце 19 столетия; оно было направлено, с одной стороны, против господствовавшего до тех пор культурного и общественного влияния шведского меньшинства в Финляндии, а с другой стороны – против царского правления, все более выражавшего национальные русские мотивы. Во время Первой мировой войны движение за независимость Финляндии пользовалось поддержкой Германии; 2 000 финских добровольцев участвовало в войне на стороне немцев в составе 27-го прусского егерского батальона. Из этих «егерей» в дальнейшем выросла финская армия, опять-таки при поддержке немцев.

Однако начиная с лета 1917 года в борьбе за независимость возникли также внутривластные и социальные мотивы. Как и в России, в Финляндии вспыхивали стихийные забастовки и происходила радикализация политической жизни. Когда социалисты создали «Красную гвардию», буржуазные силы противопоставили ей «Белую гвардию». Единство между буржуазными партиями, имевшими 108 мест в парламенте, и социалистами, имевшими 92 места, стало невозможно. После Октябрьской революции в России в Финляндии в ноябре 1917 года произошла всеобщая забастовка, которая привела к насильственным столкновениям и человеческим жертвам. Буржуазный стрелковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Густава Маннергейма был расширен и объявлен официальной финской армией. Когда она принялась разоружать еще оставшиеся в стране русские войска, финская «Красная гвардия» провозгласила в январе 1918 года революционное правительство. Таким образом, национально-освободительная борьба финнов превратилась в гражданскую войну, которую в конце концов после кровавых боев выиграли белые. Столь же страшной была месть буржуазных сил под командованием Маннергейма. Из 70 000 красногвардейцев, взятых в плен после взятия их опорного пункта Тампере, 8 000 были сразу же казнены и еще 12 000 умерли в лагерях военнопленных от голода и болезней.

Гражданская война и ее последствия оказались тяжким бременем для вновь учрежденной финской республики. 60% финских трудящихся были заняты в сельском хозяйстве, так что экономические и социальные проблемы этой преимущественно аграрной страны могли быть решены земельной реформой. Многочисленные арендаторы, примкнувшие во время гражданской войны главным образом к белым, по этой реформе могли приобрести обрабатываемую ими землю путем покупки. Но при этом арендаторы и многие другие малоземельные крестьяне могли оборудовать свои хозяйства лишь ценой

¹⁶⁸ К истории Финляндии: E. Jutikkala, K. Pirinen. Geschichte Finnlands. Stuttgart, 19762, 341 ff.; J. H. Wuorinen. A History of Finland. London, 1965, 202 ff.; E. Jutikkala. Finland von der Erringung der Selbständigkeit bis zur Neuorientierung nach dem II. Weltkrieg 1918—1966 // Schieder (Hg.). Handbuch. Bd. 7, 1018—106.

тяжелой задолженности. Их положение стало особенно критическим после начала мирового экономического кризиса.

Вопрос о границах был улажен радикальными, но никоим образом не удовлетворявшими обе стороны соглашениями. В 1920 году Финляндия заключила с Советским Союзом мирный договор, предусматривавший, что область Петсамо отойдет к Финляндии, тогда как Восточная Карелия, населенная главным образом финнами, останется в составе СССР. Этот договор не создал подлинного и прочного мира между Финляндией и его великим восточным соседом. Напротив, спор со Швецией по поводу Аландских островов был разрешен полюбовно: в 1921 году Лига Наций отдала этот архипелаг Финляндии, которая обязалась гарантировать автономию его шведского населения. Швеция согласилась с этим решением Лиги Наций, отказавшись поддерживать какие-либо ирредентистские стремления шведского меньшинства в Финляндии.

Однако шведскоязычные финны, составлявшие 11% всего населения, подверглись серьезной угрозе финнизации, исходившей от правых сил и от крупнейшей финской студенческой организации, называвшей себя «Академическим обществом Карелии» (АОК)¹⁶⁹. Вопрос о языках, улаженный в конце концов некоторым компромиссом (хотя и не к полному удовлетворению обеих сторон), был столь сложным и спорным потому, что шведы не только жили компактными поселениями на западе страны, но кроме того были сильно представлены в шведской или шведизированной буржуазии и вообще в высшем слое населения. Это вызывало у многих финнов критическое отношение, в котором смешивались национальные и социальные мотивы. В университетах страны происходили резкие столкновения. В то время как в Турку были учреждены два отдельных университета, шведский и финский, в Хельсинкском университете систематически продолжалась финнизация, хотя здесь 25% студентов и 50% профессоров были шведского происхождения. И все же языковой вопрос удалось наконец разрешить, и он не стал тяжким внутривнутриполитическим испытанием для молодого финского государства. Напротив, поляризация буржуазных и социалистических сил не исчезла и после окончания гражданской войны.

Социал-демократическая партия под руководством Вяйно Таннера проводила реформистскую политику и уже в 1926 году могла сформировать правительство меньшинства, в первое время при пассивной поддержке Шведской народной партии. Между тем некоторые социал-демократы, не удовлетворенные курсом Таннера, основали самостоятельную партию – Социал-демократическую рабочую партию Финляндии, объединившуюся с Коммунистической партией Финляндии (КПФ), руководимой в советской эмиграции Отто Куусиненом. На выборах 1920 года левые социалисты получили 10% поданных голосов. Финская общественность рассматривала их как управляемую из Москвы «пятую колонну». Как только начинали бастовать лесорубы в Северной Финляндии или докеры в Хельсинки, выдвигалось предположение, что это рабочее движение возбуждается Советским Союзом, чтобы нарушить социальный мир в Финляндии и подорвать ее экспорт леса. Все несоциалистические партии Финляндии были настроены крайне антикоммунистически. Это относится и к «Национальной прогрессивной партии», и к еще более правой «Партии национального сплочения», и к «Союзу крестьянства», возникшему в 1919 году из объединения различных крестьянских партий и превратившемуся в сильнейшую несоциалистическую партию.

Ввиду антикоммунистического настроения, господствовавшего в буржуазных партиях и в значительной части общества, неудивительно, что событие, случившееся в ноябре 1929 года в восточно-ботнической деревне Лапуа, вызвало большое внимание и в значительной мере одобрение¹⁷⁰. Крестьяне напали здесь на собрание молодых коммунистов и побоями

¹⁶⁹ Об этом см.: E. Alapuro. Students and National Politics: A Comparative Study of the Finnish Student Movement in the Interwar Period // Scandinavian Political Studies, 8, 1973, 128 ff.

¹⁷⁰ О «Движении Лапуа» и «Отечественном фронте» (IKL): Nolte. Krise, 237-41; M. Rintala. Three Generations: The Extreme Right Wing in Finnish Politics. Bloomington, 1962; Id. An Image of European Politics. The

изгнали их из деревни. Небольшая и ранее неизвестная организация, называвшая себя «Дверной замок Финляндии», приняла в виде программного лозунга имя этой финской деревни. Это руководимое Виитури Косола (Vihturi Kosola) Движение Лапуа (именуемое также по шведскому названию деревни «Движение Лаппо») преследовало с самого начала крайне антикоммунистические установки с националистической и религиозной окраской. Члены этого нового массового движения считали коммунизм не только внутривнутриполитической угрозой, но также опасностью для национальной и религиозной целостности финского народа. Именно вследствие своих религиозных, националистических и особенно антикоммунистических целей Движение Лапуа поддерживалось финской (лютеранской) церковью, а также консервативными и крестьянскими партиями.

Под нажимом Движения Лапуа правительство решило предложить парламенту проект закона, предусматривавшего роспуск и запрещение всех коммунистических группировок в стране. После новых выборов, на которых правые добились больших успехов, этот антикоммунистический закон получил требуемые конституцией две трети голосов. Только социал-демократы голосовали против. Но Движение Лапуа не удовлетворилось этим успехом. Оно продолжало террористические акции против коммунистов, часто выгоняя их за советскую границу. Члены Движения Лапуа похитили даже бывшего президента Финляндии Штальберга. Но правительство вмешалось лишь тогда, когда в феврале 1932 года тысячи сторонников Движения Лапуа собрались в деревне Мянсяла (Mantsala) близ Хельсинки с намерением начать оттуда поход на столицу. Встретившись с решительной позицией консервативного президента Свинхувуда, пригрозившего пустить в ход войска, эта попытка путча Движения Лапуа потерпела неудачу. Движение Лапуа было распущено и превратилось в основанное в июне 1932 года «Отечественное народное движение» (ОНД).

По существу ОНД было простым продолжением Движения Лапуа. Многие члены его входили раньше в Движение Лапуа, в том числе его лидеры Виитури Косола и Вильхо Аннала (Vilho Annala). Однако с самого начала существования ОНД как партии обнаружились и некоторые отличия от Движения Лапуа. Это относилось прежде всего к идеологическим целям ОНД, выдвинувшего, наряду с прежним националистически и религиозно мотивированным антикоммунизмом, также и антикапиталистически направленную программу, отчетливо ориентированную на фашистские образцы. Оно пыталось привлечь к себе не только крестьян, затронутых последствиями мирового экономического кризиса, но и рабочих. С этой целью ОНД предложило программу борьбы с безработицей, предусматривавшую, например, меры по переселению в деревни и введение сокращенного рабочего дня. Но все же ОНД, по-видимому, не смогло привлечь значительное число рабочих. С другой стороны, антикапиталистически направленные требования «Отечественного народного движения» вызвали подозрительное отношение консерваторов, ставивших ОНД в вину его «левые» тенденции и ориентацию на иностранные фашистские образцы. Однако ОНД нашло поддержку не только среди крестьян, но и в кругах городской буржуазии, а также среди преподавателей и студентов. Вследствие этого региональное влияние партии переместилось в Хельсинки и его окрестности, между тем как Движение Лапуа, почти исключительно крестьянское по своему составу, было сильнее всего представлено в сельских местностях. В отличие от Движения Лапуа, занимавшего в языковом вопросе нейтральную позицию, ОНД поддерживало финнизирующие тенденции «Академического общества Карелии». Кроме этой финской студенческой организации, с которой ОНД тесно сотрудничало, эту партию, как и Движение Лапуа, поддерживала церковь. Напротив, сильный «Союз крестьянства» все более отмежевывался от ОНД. Председатель консервативной партии и президент республики Паасикиви также предостерегал от сотрудничества с ОНД.

Впрочем, это произошло уже после того, как «Отечественное народное движение»,

насчитывавшее уже, по-видимому, свыше 100 000 членов, получило на выборах 1936 года 14 из 200 парламентских мест. С этого времени буржуазные и консервативные партии начали принимать ОНД всерьез как политического конкурента и стали с ним бороться. В этой связи повторялось утверждение, что «Отечественное народное движение» зависит от иностранной державы. Под этой державой имелась в виду национал-социалистская Германия, политика которой, несмотря на традиционно дружественную установку к этой стране, вызывала критику также и в Финляндии. Лютеранская церковь Финляндии с ее пиетистической ориентацией открыто и очень энергично выступала против антихристианских установок «Немецких христиан». Хотя ОНД разделяло эту критику, оно не могло воспрепятствовать все более отрицательному отношению к ней не только консервативных сил, но и церкви, осуждавших его за усиливавшуюся ориентацию на фашистские или национал-социалистские образцы. Поскольку, сверх того, последствия мирового экономического кризиса удалось в значительной мере преодолеть, число членов и политическое значение ОНД снизилось. Более того, 22 ноября 1938 года министр внутренних дел Урхо Кекконен его запретил. Впрочем, этот запрет, связанный с внешнеполитическими соображениями, касавшимися, с одной стороны, западных держав, а с другой – Советского Союза, был вскоре после этого отменен судебным решением. ОНД смогло принять участие в парламентских выборах 1939 года, получив лишь 8 мест из 200. В период с 1941 по 1943 год, когда Финляндия воевала на стороне Германии с Советским Союзом, ведущий деятель ОНД Вильо Аннала входил даже в правительство в качестве министра путей сообщения. После подписания перемирия с Советским Союзом в 1944 году эта партия была окончательно распущена, хотя она, очевидно, никогда не получала поддержки со стороны национал-социалистского государства или НСДАП. В целом ОНД и в особенности предшествовавшее ему Движение Лапуа во многих отношениях носили специфически финский характер, хотя ОНД проявляло в идеологическом и организационном смысле несомненную ориентацию на фашистские, в частности, национал-социалистские образцы. Несмотря на самостоятельные корни Движения Лапуа, возникшего как антикоммунистическое крестьянское движение протеста, оно относится, как и последовавшее за ним «Отечественное народное движение», к группе фашистских движений, которым не удалось построить себе массовую базу. Их антикоммунистические, националистические и в меньшей степени антикапиталистические установки, особенно сближающие ОНД с другими фашистскими движениями, в конечном счете оказались мало влиятельными, поскольку политическая атмосфера Финляндии, хотя и проникнутая резким антикоммунизмом, в то же время определялась стремлением сохранить, наряду с национальной независимостью, также и парламентско-демократические структуры страны. Этот демократический и национальный консенсус финнов, не подорванный языковым спором и подлинной или мнимой коммунистической угрозой, оказался способным противостоять притягательной силе международного фашизма.

Бельгия

Бельгия также была тяжело поражена последствиями мирового экономического кризиса, после того как ей удалось восстановить в 20-е годы сильно пострадавшую от Первой мировой войны экономику¹⁷¹. Но тяжелый кризис бельгийской политической системы в 30-е годы объяснялся не только и даже не столько экономическими причинами. Гораздо важнее экономических и социальных проблем был здесь языковой вопрос, который привел к образованию двух противостоявших друг другу национализмов. С одной стороны, это был национализм франкоязычных валлонов, с другой – национализм фламандцев.

¹⁷¹ Общие труды по истории Бельгии в межвоенное время: Н. Pirenne. His-toire de Belgique. Т. 4. Bruxelles, 1952; J. Wulequet. La Politique Interieure de 1926 a 1965 // Histoire de la Belgique contemporaine 1914—1970. Bruxelles, 1975; F. PetrL. Belgien, Niederlande, Luxemburg vom Ende des I. Weltkrieges bis zur Politik der europaischen Integration 1918—1970 // Schieder (Hg.). Handbuch. Bd. 8, 699—728, особенно 705-07.

Фламандские националисты энергично выступали против господствующего влияния французского языка в бельгийской культуре, администрации и армии. Некоторые из них во время Первой мировой войны сотрудничали с немцами, обещавшими им создать независимую Фландрию. Поскольку после войны они подверглись преследованиям и наказаниям со стороны властей, эти люди не были склонны поддерживать бельгийскую правительственную систему. Но и другая, гораздо большая часть фламандцев, сражавшихся против немцев в бельгийской армии, должна была с разочарованием констатировать, что их лояльная позиция не была вознаграждена уступками в языковом вопросе. Напротив, притязания фламандцев на большее признание их языка в администрации и в общественной жизни Бельгии столкнулись с резкой критикой валлонских националистов. Лишь в период с 1932 по 1938 год языковой вопрос удалось урегулировать к некоторому удовлетворению фламандцев. Столь позднее и всего лишь предварительное решение языковой проблемы объяснялось главным образом расколами и поляризацией бельгийской партийной системы.

До Первой мировой войны эта страна, населенная исключительно католиками, управлялась крупной и могущественной Крестьянской партией. Но после введения в 1919 году всеобщего избирательного права для мужчин эта партия утратила свое господствующее положение. Если в 1912 году она еще получила 51,5% голосов, то на выборах 1919 года ей пришлось довольствоваться 38,8% голосов и 73 местами в парламенте. Между тем социалистическая партия удвоила число поданных за нее голосов и имела теперь 70 мест в парламенте вместо 37. На выборах 1925 года она получила еще 8 мест. Либералы, получившие на этих выборах лишь 16,6% голосов, были тем самым окончательно вытеснены на третье место. Коммунистическая партия, впервые сумевшая провести в парламент двух депутатов, оставалась относительно слабой, поскольку она никогда не получала больше 6% поданных голосов.

Возникла необходимость в образовании коалиционных правительств, но коалиции между католической и либеральной партиями, как и между католической и социалистической, всегда складывались очень трудно. Коалиционные правительства часто сменяли друг друга: в период между войнами в Бельгии было не менее 18 правительств.

Эти раздоры и неустойчивость политической системы больше всего использовало фламандское националистическое движение¹⁷². Его «Фламандский фронт» («Vlaamsche Front»), или «Фронтальная партия» («Frontpartij»), получал на выборах от 5 до 10 мест и достиг своего высшего результата – 17 мест – в 1939 году. «Фронтальная партия» была демократической партией, члены которой происходили из городской и сельской буржуазии Фландрии. Но в 1931 году один из ее руководителей Йорис ван Северен вышел из «Фронтальной партии» и основал «Союз фламандских национал-солидаристов» («Verband van Dietsch National-Solidaristen», «Verdinaso»). «Verdinaso» объединилась с другими мелкими фламандскими группировками во «Фламандский национальный союз» (ФНС, «Vlaamsch Nationaal Verband»).

Характерные черты этой «Verdinaso» трудно поддаются описанию и вызывают споры среди исследователей. В то время как часть ее членов была по-прежнему настроена в пользу парламентской демократии и даже против милитаризма, другая часть, возглавляемая Йорисом ван Севереном, все более подпадала под влияние фашизма. Прежде всего это относилось к партийной милиции ФНС, называвшейся «Фламандской национальной милицией» («Vlaamsche Nationaal Militie»), а впоследствии «Фламандским воинским орденом» («Dietsche Militanten Orde») и насчитывавшей 800 членов. Сначала ван Северен пропагандировал независимость Фландрии, но с 1937 года выдвигал концепцию «великой

¹⁷² О фламандском и валлонском национализме и фашизме: J. Stengers. Belgium // Rogger, Weber (Eds.). European Right, 128-66; Nolte. Krise, 272-75; R. Baes. Joris van Severen. Une ame. Bruxelles, 1965; J. Willequet. Les fascismes belgiques et la Seconde Guerre mondiale // Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale, 17, 1967, 85-109; J. – M. Etienne. Le mouvement Rexistes jusqu'en 1940. Paris, 1968; L. Schepens. Fascists and Nationalists in Belgium 1919—1940 // Larsen et al (Eds.). Who Were the Fascists, 501-16; D. Wallef. The Composition of Christus Rex // Ibid., 517-23.

Бельгии». Бельгия должна была стать ядром великой державы, устроенной наподобие средневековой Бургундии и включающей, кроме Бельгии, также Нидерланды, Люксембург, Французскую Фландрию и Бургундию. Впрочем, многие из фламандских националистов были не согласны с этими империалистическими и фантастическими планами ван Северена. Они ушли из партии, не имевшей никаких успехов на выборах. После того как ван Северен в мае 1940 года был убит французскими солдатами, некоторые сторонники ВНС и фламандской «Фронтальной партии», вопреки горькому опыту Первой мировой войны и ее последствий, опять готовы были сотрудничать с немецкими оккупационными властями, рассчитывая таким образом приблизиться к своей цели – независимой Фландрии. Этим они в значительной степени, если и не окончательно, дискредитировали фламандский фашизм и национализм.

В валлонском националистическом движении пример фашизма также привлек большое внимание. Прежде всего это относится к группировке, называвшей себя с 1924 года «Национальным действием» («Action Nationale») и ставившей себе отчетливо выраженные антидемократические, антибольшевистские, антисоциалистические и антифламандские цели. Сверх того, она проповедовала создание сильного государства и введение корпоративной системы по итальянскому образцу. Это националистическое движение с примыкавшей к нему юношеской организацией «Национальное юношество» («Jeunesses Nationales»), насчитывавшей около 3 000 учеников старших классов, также с трудом поддается классификации. Однозначно фашистским был «Национальный легион» («Legion Nationale»), в который вошла большая часть «Национального действия», тогда как меньшинство влилось в католическую партию. «Национальный легион» был основан бельгийскими ветеранами войны и все более следовал в идеологическом и организационном отношении фашистскому образцу. Это особенно касалось его обмундированной и отчасти вооруженной партийной милиции под названием «Молодая гвардия» («Jeunes Gardes»). После оккупации Бельгии немецкими войсками большинство членов фашистского «Национального легиона» примкнуло к движению Сопротивления. Его лидер Хунарт (Hoonart) умер в 1944 году в немецком концентрационном лагере.

Третья и самая значительная фашистская партия Бельгии (после ФНС с его ядром «Verdinaso» и валлонского «Национального легиона») развивалась другим путем. Ее основал в 1935 году под именем «Народный фронт» («Front Populaire») студент Леон Дегрель, но обычно ее называют «Движением рексистов», по имени Издательства католического действия «Rex».

Подобно лидеру ФНС (или «Verdinaso») ван Северену, Дегрель происходил из состоятельной семьи. После того как он приобрел некоторую известность в качестве редактора студенческой газеты, он стал в 1930 году руководителем уже упомянутого католического издательства, названного так по имени культа Христа-Царя (Christus Rex). Этот культ насаждался в Бельгии в 20-е годы католической церковью, националистическая и резко антикоммунистическая позиция которой отражала влияние итальянского фашизма. Это особенно касалось отчасти военизированных юношеских организаций бельгийской католической церкви. Дегрель, которому Католическая партия поручила в 1932 году организацию предстоявшей избирательной борьбы, по-видимому, хотел усилить националистический и антикоммунистический курс внутри Католической партии и католического светского движения. Когда этот его курс встретил сопротивление, он открыто и резко атаковал Католическую партию; после того как он уличил руководящих политиков этой партии в коррупции, партия с ним порвала. Но Дегрель, не побоявшись этого, основал вместе с другими бывшими членами Католической партии и католической светской организации свою собственную партию «рексистов».

Она рассматривала парламентскую систему как коррумпированную и слабую, требуя ее радикального пересмотра и ограничения всеобщего избирательного права, несовместимого с элитарными и иерархическими представлениями Дегреля. Хотя движение рексистов предлагало также программу борьбы с безработицей, требовавшую сокращения иностранной

рабочей силы в Бельгии, цели рексистов были скорее консервативного и католического, чем открыто фашистского типа. Поскольку Дегреля поддерживали некоторые бельгийские финансовые круги, он мог вести интенсивную и дорогостоящую избирательную борьбу. Это привело к успеху: на парламентских выборах 1936 года рексисты сразу же получили 11,5% голосов и 21 место. Этим они почти сдвинули с третьего места либеральную партию. Хотя Дегрель не придерживался в языковом вопросе решительно антифламандской позиции, его партия получила особенно активную поддержку в сельских местностях Валлонии, где за нее голосовало свыше 25% избирателей. В Брюсселе и его окрестностях, где жили и фламандцы, и валлоны, ее доля голосов составляла от 15% до 20%. Но в большинстве областей Фландрии рексисты получили лишь 5%. Их избиратели, как и члены этого движения, происходили преимущественно из буржуазии и чиновников. Большая часть их раньше поддерживала Католическую партию.

После этого избирательного успеха Дегрель постоянно пытался возбуждать политическое беспокойство, вынуждая проводить дополнительные выборы, поскольку депутаты-рексисты слагали с себя полномочия. Дегрель, положение которого в движении рексистов было неоспоримо, хотел превратить эти дополнительные выборы в плебисциты. Но другие партии увидели опасность и приняли вызов. На вынужденных дополнительных выборах в Брюсселе против Дегреля выступил молодой и энергичный премьер-министр Пауль ван Зеланд. Поскольку ван Зеланда поддержала не только его собственная Католическая партия, но также социалисты, либералы и даже коммунисты, он получил 75% поданных голосов, тогда как Дегрель набрал едва 19%. Дополнительные выборы в апреле 1937 года рассматривались как решительное поражение Дегреля. С того времени влияние рексистов стало явно убывать. Из их партии ушли многие члены и даже некоторые лидеры.

Но для ослабления рексистов особенно показателен был тот факт, что католическая церковь, в поддержке которой Дегрель был уверен, от него решительно отмежевалась. Архиепископ Малина публично указал на рексистов как на опасность для страны и для католической церкви. По-видимому, бельгийский епископат, видя начавшийся в Германии церковный конфликт, понял, что слишком тесное сотрудничество с фашизмом не столь выгодно, как это казалось в первое время после заключения конкордата с фашистской Италией (1929) и с национал-социалистской Германией (1933).

Ответ Дегреля на защитные меры Католической партии состоял в том, что он все более отчетливо следовал образцу фашистской Италии. Теперь рексисты искали и находили поводы для насильственных столкновений со своими политическими противниками. Но эти акции не могли остановить падения политического влияния рексистов, наметившегося уже на коммунальных выборах 1938 года. На парламентских выборах 1939 года рексисты получили всего лишь 4,4% голосов и 4 места. Тем самым они превратились в политически бессильную сектантскую группу. Продолжался выход из партии, поскольку Дегрель занимал теперь вдобавок открытую антисемитскую позицию, не находившую в Бельгии особой поддержки (партии «Verdinaso» и «Национальный легион» тоже не придерживались антисемитской ориентации). Между тем Дегрель продолжал открыто прославлять Гитлера, на партию которого он все больше ориентировался вместо восхваляемого прежде итальянского образца. После того как Дегрель вдобавок одобрил немецкое нападение на Польшу, Данию и Норвегию, его движение подверглось в Бельгии полной изоляции и бойкоту. Но это не помешало Дегрелю и немногим оставшимся членам его партии после немецкой оккупации страны превратиться в коллаборационистов. Вместе с некоторыми другими рексистами, в том числе и с молодыми людьми, вступившими в движение лишь после 1940 года, Дегрель участвовал в рядах войск СС в войне против Советского Союза.

Ни одно из трех фашистских движений Бельгии не было основано как фашистская партия. «Verdinaso» и ФНС возникли из нефашистского фламандского национального движения. Лишь позднее эти движения, вначале исключительно националистического типа, подверглись под руководством Йориса ван Северена все более заметной «фашизации». Аналогично развивались и валлонские националисты из «Национального действия»,

поскольку после вступления этой организации в союз ветеранов «Национальный легион» она все более подражала фашистским образцам.

Движение рексистов с самого начала выступило как крайне консервативная, воинствующая католическая партия, в которой, однако, все более проявлялись ее националистические, антидемократические и, наконец, антисемитские цели. Также и в организационном отношении эта партия равнялась на фашистские и, наконец, на национал-социалистские образцы. Но именно это, по существу, и привело к упадку движения рексистов, потому что все партии, не исключая и Католической партии, рассматривали его и боролись с ним как с союзником иностранных фашистских держав. Как показывает судьба «Национального легиона», члены которого боролись в бельгийском движении Сопротивления против немцев, фашистская ориентация не обязательно должна была вести к коллаборационизму.

Члены и избиратели всех трех фашистских группировок Бельгии, насколько это известно при нынешнем состоянии источников и литературы, состояли почти исключительно из представителей фламандской или валлонской буржуазии. Хотя, во всяком случае, рексисты получали поддержку бельгийских деловых кругов, в программах всех фашистских группировок главное место занимал не социальный, а национальный вопрос.

Голландия

Индустриализация и урбанизация Голландии, вообще не пострадавшей в Первую мировую войну, значительно развилась в междувоенные годы¹⁷³. В 1930 году в сельском хозяйстве страны было занято лишь 26% трудоспособного населения. Мировой экономический кризис проявился здесь сравнительно поздно, но был тяжелым и длительным. Особенно затронуто было сельское хозяйство, уже и до того испытывавшее структурный кризис.

Партийная система была сложной, но устойчивой. Большой правящей римско-католической партии противостояли в то время две протестантские партии, одна из которых была более консервативного, а другая более либерального направления. Две либеральных партии с течением времени все больше теряли свое влияние. Если в 1918 году они получали еще 20% поданных голосов, то в 1939 году эта доля снизилась до 10%. Социал-демократическая рабочая партия (СДРП) после введения всеобщего избирательного права стала второй по значению партией страны, но лишь в 1939 году начала участвовать в одном из коалиционных правительств. Если не считать коммунистической партии, оставшейся незначительной, были еще и другие малые группы либерального и регионального характера.

Как и в Германии, социал-демократы и католики были не только организованы в партии, но имели также свои собственные профсоюзы, объединения, общественные организации и даже собственные радиостанции и школы. Эта сегментация (по-голландски «*verzuiling*») политической и общественной системы Голландии охватывала, в отличие от Германии, также протестантский лагерь, тоже имевший свои партии, союзы и другие организации. Только обе либеральных партии не сумели создать соответствующую «среду». Эта «*verzuiling*», естественно, затрудняла формирование коалиционных правительств, необходимых вследствие многочисленности партий. Кроме того, вновь возникавшим партиям было крайне трудно пробиться через барьер прочно сложившейся сегментации и привлечь к себе избирателей, уже входивших в социал-демократический, католический или протестантский лагерь. Это почувствовала на себе, в частности, единственная сколько-нибудь значительная фашистская партия Голландии.

Речь идет о партии «Национал-социалистское движение» (НСД, «*Nationaal*

¹⁷³ Общие работы по истории Голландии: Petri. *Belgien, Niederlande*, 708-11; G. Geismann. *Politische Struktur und Regierungssystem in den Niederlanden*. Frankfurt, 1964; A. Lijphart. *The Politics of Accommodation, Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkeley, 1969.

Socialistische Beweging»), основанной А. Мюссертом и К. ван Гелькеркеном в Утрехте 14 сентября 1931 года¹⁷⁴. Оба они были выходцы из либеральных партий, но имели и раньше уже контакты с небольшими фашистскими и праворадикальными группировками Голландии, впоследствии примкнувшими к НСД. В организационном и идеологическом отношении НСД полностью зависело от немецкого образца. Эта партия выдвигала националистические, антисоциалистические и антипарламентские цели и требовала учреждения корпоративной экономической системы. Но при этом почти отсутствовали антисемитские тенденции. Первых последователей партия приобрела в больших городах страны. Это были преимущественно представители верхнего слоя буржуазии – чиновники, торговцы, офицеры, преподаватели, рантье и т. д. Партия имела отчетливо выраженный буржуазный характер. Высокий процент молодых людей, заметный почти во всех других фашистских партиях, в НСД не наблюдался.

Вначале партия не принимала участия в парламентских выборах и сосредоточила внимание на устройстве партийного аппарата. В январе 1934 года НСД насчитывала уже 21 000 членов, а в январе 1936 года – даже 47 000. Если принять во внимание, что столь крупные партии, как католическая и социал-демократическая, едва ли когда-нибудь имели больше 100 000 членов, то можно видеть, что НСД сумела в короткий срок добиться сравнительно прочного положения. Это проявилось уже на провинциальных выборах 1934 года, и в особенности на парламентских выборах 1935 года. НСД сразу же получила 8% поданных голосов. На фоне прочно сложившейся нидерландской партийной системы это выглядело как примечательный успех, вызвавший удивление голландской общественности.

Но, как показывает более внимательный анализ выборов, НСД не смогла пробиться в сегменты социал-демократов, католиков и протестантов. Избирательные успехи национал-социалистической партии были достигнуты почти исключительно за счет либералов и некоторых небольших «протестующих» партий. Региональные центры влияния этой партии, все еще почти исключительно буржуазной по своему составу, находились по-прежнему в больших городах. Кроме того, НСД добилась заметных избирательных успехов также в провинциях сельскохозяйственного характера, примыкавших к германской границе. Это относилось даже к населенной католиками провинции Лимбург, где, впрочем, НСД унаследовала сторонников некоторых недолговечных движений протеста. Католическая «verzuiling» здесь была не столь сильно выражена. В других регионах НСД очевидным образом использовала все еще продолжавшийся экономический кризис. Здесь сыграло роль и то обстоятельство, что в соседней Германии национал-социалисты сумели справиться с этим кризисом.

Однако в дальнейшем немецкий пример отрицательно повлиял на развитие НСД. Борьба с церковью и преследование евреев вызвали в нидерландском обществе преимущественно отрицательный отклик. Вдобавок к этому, автаркическая политика национал-социалистов ограничила голландский экспорт в Германию. Но решающее значение для упадка НСД, начавшегося сразу же после ее успеха на выборах 1935 года, имели оборонительные усилия католической, протестантских и социал-демократической партий, члены которых не только проявили стойкость по отношению к приманкам национал-социализма, но и создали различные защитные организации против угрозы фашизма. Церковь и государственные органы тоже заняли решительно отрицательную позицию. Еще в 1934 году правительство строго запретило государственным служащим вступать в НСД (и в другие радикальные группировки), причем запрещение последовательно соблюдалось. После этого многие из членов НСД вышли из партии, а Мюссерт и ван Гелькеркен, оба служившие в министерствах, демонстративно ушли со своих должностей. Хотя Мюссерт неоднократно

¹⁷⁴ К истории НСД: Nolle. *Krise*, 276-78; H. van den Wusten, E. Smit. *Dynamics of the Dutch National Socialist Movement (the NSB): 1931—1935* // Larsen et al. (Eds.). *Who Were the Fascists*, 524-41 (со ссылками на региональные исследования); A. A. de Jonge. *Het nationaal-socialisme in Nederland. Voorgeschiedenis, ontstaan en ontwikkeling*. 's-Gravenhage, 1968; G. A. Kooy. *Het echec van een Volkse' beweging. Nazificatie en denazificatie in Nederland. 1931—1945*. Assen, 1964.

подчеркивал, что его партия строго придерживается законов, он не мог помешать запрещению и роспуску голландского аналога СА – «Вооруженного отряда» («Weerafdeling»). Наконец, преодоление экономического кризиса выбило почву из-под ног пропагандистской деятельности НСД.

Лишь после оккупации Голландии немецкими войсками НСД снова приобрела значение. Она использовала при этом решение оккупационных властей, запретивших, вслед за левыми и либеральными, также и правые партии. Хотя Мюссерт и не был назначен, подобно Квислингу, премьер-министром, голландские национал-социалисты были все же включены в управление страной. Выступавшие в этой роли члены НСД приняли участие в создании добровольческих подразделений СС. Если бы они и захотели, они не могли бы воспрепятствовать депортации голландских евреев и вывозу голландской рабочей силы в Германию. Они стали коллаборационистами, полностью изолированными и отвергнутыми всеми политическими силами и церквями, и голландское движение Сопротивления с ними решительно боролось. После освобождения страны Мюссерт был привлечен к суду и приговорен к смертной казни за государственную измену.

НСД обязана была и своими временными успехами, и последовавшим вскоре крушением жесткой ориентации на национал-социалистский образец. Она разбилась, столкнувшись с решительной волей к сопротивлению социал-демократической, католической и протестантских партий, в лагерь которых она так и не смогла проникнуть. Поэтому она не представляла угрозы для демократической политической системы Нидерландов. Ее идеологическая, организационная и, наконец, политическая связь с национал-социалистской Германией настолько дискредитировала ее в глазах населения, что она потеряла всякое значение и в конце концов готова была к предательскому коллаборационизму.

Фашистские секты в Дании, Швеции и Швейцарии

В Дании основанная в 1930 году Датская национал-социалистская рабочая партия (ДНСРП, «Danmarks Nationalsocialistiske Arbejder Parti») осталась незначительной сектантской партией. На парламентских выборах 1935 года она получила 16 300 голосов, то есть едва 1% всех поданных голосов. В 1939 году она получила 31 000 голосов, то есть меньше 2%, но смогла все же послать в парламент 3 депутатов. Даже на выборах 1943 года, когда страна была оккупирована немецкими войсками, ДНСРП снова получила лишь три места».

Полной неудаче ДНСРП весьма способствовал тот факт, что она с самого начала прибегла к примитивной и курьезной имитации германской НСДАП. Имитацией были коричневые мундиры, свастика как символ партии, «штурмовые отряды» («Storm Afdelinger»), а также партийная программа – почти дословный перевод 25 пунктов программы НСДАП. Даже официальный партийный гимн был датской версией песни о Хорге Весселе.

Ввиду этого прямо-таки рабского подражания немецкому образцу неудивительно, что датских национал-социалистов отвергали не только социал-демократы, с 1924 года управлявшие страной вместе с левыми либералами («Radical Venstre»), но и консерваторы, и правые либералы («Venstre»). Здесь действовали антинационал-социалистские и антинемецкие мотивы. В самом деле, последняя война Дании с Германией (т. е. с Пруссией и Австрией) в 1864 году завершилась поражением. Аннексированный тогда Северный Шлезвиг по Версальскому договору был возвращен Дании, но многие из датских националистов не были этим удовлетворены. В конце концов Дания согласилась признать результат референдума во Фленсбурге и в Среднем Шлезвиге, где население однозначно высказалось в пользу Германии; но, как и раньше, могущественный южный сосед вызывал недоверие. Рост национал-социализма, уже в первый период добившегося успехов именно в

Шлезвиг-Гольштейне, еще более усилил эту отрицательную установку в отношении Германии, проникнутую страхом и недоверием.

Тем более удивительно, что именно в Северном Шлезвиге, отошедшем к Дании по референдуму 1920 года, ДНСРП имела свою опорную базу. На парламентских выборах 1935 года она получила здесь 4,4% голосов, а в 1939 году – 4,7%. Этот, впрочем, относительный успех можно объяснить тем обстоятельством, что мировой экономический кризис особенно сильно поразил этот сельскохозяйственный регион. Сверх того, ДНСРП могла здесь использовать в своих целях конфликт внутри местной крестьянской партии. Но решающее значение имел тот факт, что вождь партии врач Фриц Клаузен происходил из Северного Шлезвига.

В 1933 году Клаузен вынудил основателя и первого лидера ДНСРП, бывшего офицера Кая Лембке, уйти со своего поста. Но алкоголику Клаузену так и не удалось стать настоящим «фюрером». У него вовсе не было харизматических свойств и способностей. Во время оккупации многие датчане выражали это ироническим пожеланием: «Боже, спаси короля и Фрица Клаузена!». Даже немецкие оккупационные власти не сочли Клаузена достаточно способным и сильным, чтобы сыграть роль датского Квислинга. Его партия почти не участвовала в управлении и владении страной. Несмотря на это, именно во время немецкой оккупации датчане относились к членам ДНСРП с крайним презрением. В деревнях и небольших городах соседи и земляки датских национал-социалистов безжалостно и последовательно их бойкотировали. Некоторые из них были даже казнены датским движением Сопротивления.

На почти полную изоляцию датских национал-социалистов среди населения указывает и тот удивительный, необычный для фашистской партии факт, что после 1940 года 25% членов ДНСРП были женщины. Такое возрастание доли женщин в партии объяснялось бойкотом семей, где были члены ДНСРП. Это привело к тому, что некоторые женщины отреагировали солидаризованностью со своими отцами, братьями и сыновьями, вступившими в ДНСРП или в добровольческие подразделения СС. Некоторые из датских национал-социалистов пытались избежать бойкота и презрения своих сограждан, переселяясь из деревень и небольших городов в столицу, где они рассчитывали жить анонимно и спокойно. После 1940 года ДНСРП была сильнее представлена в Копенгагене и других крупных городах, чем на периферии. Впрочем, это перемещение региональных центров партии следует связать также с экономическими условиями. После 1940 года безработица в городах особенно возросла, потому что датская промышленность в городах была отрезана от источников сырья и рынков сбыта, тогда как в сельском хозяйстве дела шли лучше, поскольку его продукцию можно было – или даже приходилось – экспортировать в Германию.

Высоко урбанизированная Дания, где до 1940 года 2,5 миллиона из 4 миллионов населения жили в городах, все же сильно зависела от сельскохозяйственной продукции, составлявшей от 75% до 80% датского экспорта, и когда во время мирового экономического кризиса цены на эту продукцию катастрофически упали, это тяжело отразилось на экономическом положении страны. И все же из этого экономического кризиса не развился ни социальный, ни политический кризис, который могла бы использовать датская фашистская партия. Хотя в 1932 году 200 000 датчан, в том числе одна треть организованных трудящихся, были безработными, датские социал-демократы смогли одержать полную победу на выборах и сформировать вместе с левыми либералами сильное правительство, которое сумело, решительно вмешавшись в хозяйственную жизнь, справиться с безработицей. Правда, столь выраженный интервенционистский курс был встречен резкой критикой консерваторов и правых либералов, но эти внутривнутриполитические и экономические конфликты не привели к непреодолимой поляризации политической системы.

В то время как коммунистическая партия Дании была слабой и не имела политического влияния, социал-демократы и левые либералы были согласны с оппозиционными консерваторами и правыми либералами в решительном сопротивлении национал-

социалистской партии Дании, хотя и по разным мотивам. Антисоциалистические и антидемократические цели ДНСРП критиковались столь же решительно, как ее подражание образцу немецкой НСДАП. Когда же датские национал-социалисты, рассматривавшиеся и раньше как своего рода «пятая колонна», принялись открыто сотрудничать с немецкими оккупационными властями, то все слои датского общества последовательно изолировали их, бойкотировали и боролись с ними.

Так же, как в Дании, различные фашистские партии Швеции оставались совершенно незначительными сектантскими группами, решительно отвергнутыми подавляющим большинством населения по демократическим и национальным мотивам¹⁷⁵. Шведские фашистские партии неспособны были добиться избирательных успехов – они никогда не получали больше 1% поданных голосов, – а также не могли преодолеть разделявшие их персональные и идеологические разногласия.

Первой фашистской партией Швеции был «Шведский национал-социалистский союз свободы» (ШНССС, «Svenska Nationalsoci-alistiska Frihetsforbundet»), основанный в августе 1924 года братьями Фуругорд – Виргером, Гуннаром и Сигурдом. В 1916—1918 годах врач Гуннар Фуругорд находился в России на службе Красного Креста. Он вернулся оттуда убежденным антикоммунистом и антисемитом, поскольку у него сложилось впечатление, что большевистскую революцию устроили главным образом евреи. С осени 1923 года он и его брат Сигурд поддерживали контакты с Люден-дорфом, Гитлером и другими ведущими национал-социалистами, такими, как Йозеф Тербовен, Грегор Штрассер, Генрих Гиммлер и Юлиус Штрейхер. ШНССС была устроена в точности по национал-социалистскому образцу. Она выдвигала антисоциалистические и антисемитские цели и решительно выступала против иммиграции, по ее выражению, «низших рас», а в особенности евреев. Кроме того, эта партия требовала экономической поддержки для своих сторонников, происходивших из городской буржуазии и крестьянства. Она не могла привлечь на свою сторону рабочих, хотя изменила с этой целью свое имя на «Шведскую национал-социалистскую крестьянскую и рабочую партию» («Svenska Nationalsocialistiska Bondeoch Arbetarpartiet»). На росте этой партии, которую в конце концов возглавил Биргер Фуругорд, отрицательно отразилось образование уже в 20-е годы двух других фашистских группировок, составивших ей конкуренцию.

Одна из них была создана в 1925 году Элофом Эриксоном под названием «Национальное движение единения» («Nationella Samlingsrorelsen»). Эриксон требовал более интенсивного заселения северной части Швеции, но, сверх того, резко выступал против якобы господствующего влияния евреев в шведской экономике и управлении. Когда он открыто оскорбил семью Валленбергов – еврейского происхождения и действительно очень влиятельную в шведской экономике, – осенью 1935 года издаваемая Эриксоном газета была запрещена правительством. После этого его фашистская секта рассеялась.

Наконец, в 1926 году была основана еще третья фашистская партия, сначала называвшаяся «Фашистской боевой организацией Швеции» («Sveriges Fascistiska Kamporganisation»), а с 1930 года Национал-социалистской партией Швеции (Sveriges Nationalsoci-alistiska Partiet»). Как видно уже из перемены названия, она ориентировалась вначале на итальянский фашизм, а потом на немецкий национал-социализм. Ее немногочисленные члены были главным образом чиновники и бывшие офицеры и унтер-офицеры, которые, как и основатели партии Свен Хеденгрэн и Свен-Олоф Линд-хольм, были исключены из шведской армии в ходе военной реформы, проведенной в 1925 году социал-демократическим министром обороны Пером Альбином Ханссоном. Эта партия, руководимая Линдхольмом и поддержанная банкиром по имени Арвид Хогман, выступала против марксизма, к которому она причисляла также реформистски настроенных шведских

¹⁷⁵ К истории фашистских движений в Швеции: E. Warenstam. *Fascismen och Nazismen i Sverige*. Stockholm, 1972; O. W. Tschemischewa. *Faschistische Strömungen und Organisationen in Schweden bis zum Ende des Zweiten Weltkrieges* // *Nord-Europa-studien. Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität*, 7, 1974, 41-59; B. Hagtvét. *On the Fringe: Swedish Fascism 1920—1945* // Larsen et cd. (Eds.). *Who Were the Fascists*, 715-22.

социал-демократов.

В 1929 году произошло – как предполагают, по инициативе Гитлера – слияние группировок Фуругорда и Линдгольма. Новая партия назвала себя Национал-социалистской народной партией («Nationalsocialistiska Folkpartiet») и однозначно ориентировалась на немецкий образец. Но уже в 1932 году, после ожесточенных внутривнутрипартийных конфликтов, Линдгольм был исключен и затем основал организацию под названием Национал-социалистская рабочая партия («Nationalsocialistiska Arbetarpartiet»). Новая партия Линдгольма пыталась не только устроить свои собственные профсоюзы, что ей в конечном счете не удалось, но также преследовала подчеркнуто антикапиталистические цели, например, национализация банков, участие рабочих в доходах предпринимателей и введение корпоративной системы. Было и требование антисемитского характера, чтобы шведские евреи получили юридический статус иностранцев. Новая партия Линдгольма точно так же осталась совершенно незначительной, хотя ему и удалось в значительной мере вытеснить своего конкурента Виргера Фуругорда. После того как Фуругорд был смещен в 1937 году своими собственными сторонниками, а его преемник, полковник Мартин Экстрем, потерпел неудачу в попытках объединить различные фашистские группировки в Национал-социалистский блок («Nationsocialistiska Blocket»), немногочисленные члены этой фашистской секты примкнули к партии Линдгольма.

С 1938 года Линдгольм всячески старался избегать слишком отчетливого подражания немецкому образцу. Он дал своей партии новое, более невинно звучащее имя «Шведское социалистическое объединение» («Svensk Socialistisk Samling») и принял в качестве партийного символа вместо прежней свастики крест династии Ваза. Теперь сторонники Линдгольма приветствовали друг друга уже не возгласом «зиг хайль», а лозунгом «Швеция для шведов». Ввиду все более агрессивной внешней политики «третьего рейха» – шведские избиратели понимали этот лозунг в буквальном смысле и еще больше прежнего избегали шведских национал-социалистов, видя в них агентов иностранного и потенциально враждебного государства. После немецкого нападения на Норвегию шведские фашистские партии полностью потеряли значение. Но только в 1946 году, по «закону против клеветы», они были окончательно запрещены.

Шведская политическая и общественная система, подобно датской и нидерландской, оказалась устойчивой по отношению к приманкам фашизма. Под руководством Яльмара Брантинга и Пера Альбина Ханссона, известных далеко за границами Швеции и уважаемых даже их политическими противниками, реформистски настроенные социал-демократы правили страной, с некоторыми перерывами, с 1920 года. Им удалось ослабить последствия мирового экономического кризиса с помощью интервенционистской политики государства. При этом социал-демократов поддерживала партия «Крестьянский союз». Эта коалиция основывалась на прочном альянсе рабочих и крестьян. Тем самым удалось воспрепятствовать возникновению и радикализации крестьянского движения протеста, с антипарламентскими и антисоциалистическими целями. Если учесть, что именно в междувоенное время происходила особенно быстрая индустриализация и урбанизация Швеции – в 1940 году 35,7% населения были уже заняты в промышленности и только 32% в сельском хозяйстве, – то становится ясно, как важен и необходим был этот компромисс между промышленными рабочими и крестьянами. В отличие от Германии и других стран шведским фашистам не удалось использовать в своих целях различие интересов рабочих и крестьян и политические конфликты между буржуазными партиями и социал-демократической партией.

Поскольку Швеция, некогда бывшая великой державой, после мирного урегулирования спора об Аландских островах не имела каких-либо реваншистских целей, шведские фашисты с их националистической агитацией старались впустую. В Швеции не было также проблемы меньшинств, поскольку саами (лопари) в то время еще не ощущали своей национальной особенности, а евреев – притом полностью ассимилированных – в Швеции было очень мало. И все же антисемитская агитация фашистов имела некоторые последствия.

Начиная с 1929 года в университетских городах возникали демонстрации, в которых принимали участие от 12 000 до 15 000 человек, главным образом студентов. Эти студенты требовали резкого сокращения иммиграции иностранцев, и особенно – с 1933 года – лиц еврейского происхождения, претендовавших в Швеции на академические должности. Эти лозунги, направленные против иностранцев и евреев, были первоначально выдвинуты фашистами, но затем переняты также Юношеской организацией консервативной партии (ЮНСШ, «Sveriges Nationella Ungdomsforbund»), требовавшей, кроме того, запрета всех коммунистических организаций и учреждения сильного корпоративно организованного государства.

Впрочем, далеко не все студенты, протестовавшие по антисемитским и экономическим мотивам против приема еврейских беженцев из Германии, голосовали за фашистские партии. Юношеская организация консервативной партии тоже не была фашистской, хотя в значительной степени ориентировалась на фашистские образцы. И все же эти явления показывают, что идеологическое влияние фашизма в Швеции было несомненно сильнее, чем об этом свидетельствуют число членов фашистских партий и результаты их участия в выборах. Хотя демократический консенсус между шведскими партиями и общественными группировками остался прочным и незыблемым, Швеция не только согласна была вести с «третьим рейхом» активную и выгодную для обеих сторон торговлю, но и занимала ограничительную позицию в вопросе об иммиграции. Когда власти «третьего рейха» изъяли 5 октября 1938 года заграничные паспорта немецких евреев, чтобы пометить их красным знаком «J» [От Jude (нем.) – «еврей». – Прим. перев.], это было сделано лишь после дипломатических переговоров со шведским и швейцарским правительствами. Таким образом, за сохранение демократического консенсуса и за успешное сопротивление фашистской опасности во внутривнутриполитической области шведам пришлось уплатить во внешнеполитическом отношении очень высокую и морально сомнительную цену.

Подобным образом обстояло дело и в Швейцарии. Она тоже соглашалась на сотрудничество с «третьим рейхом», пропуская через страну немецкий военный транспорт и проводя все более ограничительную иммиграционную политику, особенно затрагивавшую еврейских беженцев, часть из которых высылалась обратно в Германию¹⁷⁶. Этот курс частичного приспособления, проводимый, впрочем, параллельно усилиям по вооружению швейцарской армии и усилению обороноспособности страны против угрозы немецкого нападения, соединялся, как и в Швеции, с внутривнутриполитическими мотивами. Правительство Швейцарии пыталось противостоять националистической и антисемитской агитации швейцарских фашистов, влияние которых оно ограничивало энергичными и успешными политическими и административными мерами. В целом ни существование фашистских группировок, ни указанные защитные меры не представляли серьезной угрозы для старой и прочно сложившейся демократической системы Швейцарии. Но, с другой стороны, заслуживает внимания тот факт, что фашизм мог найти сторонников и в такой стране, которая по праву считалась оплотом свободы и демократии в Европе.

После начала мирового экономического кризиса, сильно затронувшего также Швейцарию – безработица дошла в январе 1936 года до 124 000, – здесь также возникла критика демократических учреждений и традиций. При этом вопрос о меньшинствах и национальностях в многоязычной Швейцарии вообще не играл роли. Напротив, в 1938 году в результате референдума ретороманский язык был признан четвертым официальным языком страны. Поскольку в то же время были расширены и защищены языковые и культурные

¹⁷⁶ Общие работы по истории Швейцарии: Н. von Greyerz. Der Bundesstaat seit 1848 // Handbuch der Schweizer Geschichte. II. Zurich, 19802, 1019—246; E. Bonjour. Geschichte der schweizerischen Neutralitat. Bde. 3-6. Basel, 1967-70; E. Gruner. Die Parteien in der Schweiz. Bern, 19772. К истории фронтов: W. Wolf. Faschismus in der Schweiz. Die Geschichte der Frontenbewegung in der deutschen Schweiz, 1930—1945. Zurich, 1969; B. Glaus. Die Nationale Front. Eine Schweizer faschistische Bewegung 1930—1940. Zurich, 1969; K. – D. Zoberlein. Die Anfange des deutsch-schweizerischen Frontismus. Meisenheim, 1970; B. Glaus. The National Front in Switzerland // Larsen et al. (Eds.). Who Were the Fascists, 467-78.

права итальянцев Тессина, Швейцария могла по праву гордиться, как европейская страна, где вопрос о языках и вопрос о меньшинствах были гармонично и образцово решены. Противоречия между буржуазными партиями и социал-демократами тоже были в Швейцарии не столь резко выражены, как в других странах (в то время как коммунистическая партия была небольшой и почти не имела влияния). И все же, несмотря на такое относительное спокойствие во внутривластной области, даже в Швейцарии обсуждался вопрос, нельзя ли и не следует ли разрешить кризис авторитарными и фашистскими методами.

Во всяком случае, к таким выводам приходили некоторые студенты и преподаватели Цюрихского университета, собиравшиеся с 1930 года в дискуссионном клубе под названием «Новый фронт». Для политического воплощения и осуществления этих выводов один из членов «Нового фронта» по имени Ганс Фонви основал осенью 1930 года политическую организацию «Национальный фронт», издававшую свою газету, где проводились националистические, антидемократические и антисемитские тенденции и установки. Из статей этой газеты, носившей название «Железная метла», видно, что члены «Национального фронта» все более разделяли фашистские и национал-социалистские представления. Когда и в других городах немецкой Швейцарии весной 1933 года возникли различные «фронты», в апреле 1933 года «Новый фронт» и «Национальный фронт» объединились в политическую партию, отчетливо отражавшую в своей идеологии и организации влияние национал-социалистского образца.

Швейцарский «фронтизм» выдвигал антибольшевистские, антисемитские, антисоциалистические и антидемократические цели, призывая возродить идеализированное средневековье и прославляя в романтическом и реакционном духе такие понятия и ценности, как «народ», «отечество», «сословие» и «родная земля». Точно так же «фронтное движение» следовало немецкому образцу и в организационном отношении. «Фронты» имели обмундированные подразделения, носившие название *Harst* [«Отряд» (швейцарский диалект немецкого языка). – Прим. перев.] и состоявшие из членов арийского происхождения, приветствовавших друг друга старошвейцарским возгласом «*Haarus*». В различных предприятиях устраивались ячейки, и был даже учрежден партийный суд. Но, несмотря на официальное провозглашение «принципа фюрерства», этой партии, разделенной на местные и окружные группы, так и не удалось преодолеть повторявшиеся конфликты в ее верхушке. Вначале ее возглавляли целых три фюрера, два из которых происходили из «Нового фронта», а третий – из «Национального фронта».

В области пропаганды партия также переняла фашистский стиль. Это относилось к «окружным партийным съездам», сопровождаемым массовыми собраниями и демонстрациями, и к насильственным столкновениям с политическими противниками. Такая пропаганда привела вначале к некоторым, хотя и небольшим, успехам. На коммунальных выборах в Цюрихе в сентябре 1933 года «Национальный фронт» получил 10 из 125 мест в городском парламенте. В апреле 1935 года он получил на цюрихских кантональных выборах 6 мест из 180. В это время «Национальный фронт» насчитывал, по-видимому, 10 000 членов, происходивших почти исключительно из буржуазии. Если принять во внимание, что социал-демократическая партия Швейцарии, ставшая на выборах осенью 1935 года важнейшей политической силой страны, насчитывала около 50 000 членов, то отсюда видно, что «фронты» превратились в серьезное политическое движение.

Впрочем, с лета 1935 года можно было заметить некоторое обратное развитие. После ряда насильственных столкновений в рабочих округах некоторых городов Немецкой Швейцарии полиция энергично выступила против «Нового фронта». Правительство запретило его юношеской организации и «отрядам» («*Harst*») носить мундиры, в том числе принятую движением серую рубашку. В феврале 1934 года в Цюрихском кантоне швейцарский аналог СА был даже полностью запрещен и распущен. Швейцарская общественность также все более отрицательно относилась к «фронтизму», считая его «нешвейцарским», импортированным из-за границы явлением. «Фронты» напрасно пытались

задержать отчетливо наметившийся упадок, взбадривая свои организации и заключив соглашение с действовавшим во Французской Швейцарии «Национальным союзом» («Union Nationale»), в котором они обязывались ограничить свои операции немецкоязычными регионами Швейцарии. Но все усилия по разграничению и реорганизации ни к чему не привели. На национальных выборах 1935 года «фронты» получили только одно место – в Цюрихе. На коммунальных выборах в Цюрихе в марте 1938 года и на цюрихских кантональных выборах в марте 1939 года «Национальный фронт» потерял все до тех пор полученные места. Кроме того, с 1936 года в нем возникли резкие внутренние столкновения, которые привели к его расколу на умеренную Швейцарскую социальную рабочую партию («Eidgenössische Soziale Arbeiter-Partei») и радикальный «Союз верных швейцарцев национал-социалистского мировоззрения» («Bund treuer Eidgenossen nationalsozialistischer Weltanschauung»). Впрочем, обе группировки остались совершенно незначительными. После ареста в феврале 1940 года Роберта Тоблера, добившегося тем временем отнюдь не бесспорного руководящего положения во «фронтном движении», партия большей частью распалась. Наследовавшие ей организации «Швейцарское собрание» («Eidgenössische Sammlung») и «Национальное сообщество» («Nationale Gemeinschaft») остались незначительными сектантскими кружками с общим числом членов не более 3 000. Все же «Национальному сообществу» удалось привлечь к себе также некоторое число рабочих, чего никогда не могли добиться «фронты». Осенью 1943 года мелкие организации, оставшиеся от «фронтного движения», были окончательно запрещены и распущены правительством.

Таким образом, «весна фронтов», ожидавшаяся и внушавшая опасения многим наблюдателям в 1933 году, не состоялась. Подъем «фронтного движения», казавшийся в то время возможным, был предотвращен решительным отпором демократических сил, в частности социал-демократов, и правительства, запретившего швейцарским фашистам шествия в мундирах и собрания, вызывавшие все более резкую критику швейцарской общественности. В этом сыграли роль не только демократические, но и некоторые национальные моменты, поскольку «фронтистов» упрекали прежде всего в «нешвейцарском» подражании иностранным образцам. Такая же судьба постигла и другие, еще менее значительные фашистские движения в междувоенной Европе.

Норвежское «Национальное единение» – между сектой и коллаборационистской партией

Фашистская партия Норвегии никогда не получала на выборах больше 2% поданных голосов». До немецкого нападения на Норвегию «Национальное единение» («Nasjonal Samling») оставалась совсем незначительной фашистской сектой. Положение изменилось, когда немецкий рейхскомиссар Тербовен 25 сентября 1940 года объявил «Национальное единение» единственной законной политической партией Норвегии. Под руководством Видкуна Квислинга «Национальное единение», насчитывавшее в тот момент 57 000 членов – больше, чем было когда-либо голосовавших за нее избирателей, – стало ведущей коллаборационистской партией страны, впрочем, остававшейся в зависимости от немецких оккупационных властей. Таким образом, норвежское «Национальное единение» можно причислить и к фашистским сектам, и к тем крайне трудным для классификации пограничным случаям, о которых пойдет речь в следующем разделе.

В то время как большинство других фашистских движений было основано людьми, почти неизвестными в политической жизни своей страны, – в этом отношении Муссолини, Примо де Ривера, Дорио и Мосли были исключениями – Видкун Квислинг, создавший свое фашистское «Единение», был уже известный, хотя и весьма критикуемый политик. Квислинг провел много времени в России – сначала в качестве норвежского военного атташе, а затем был сотрудником Нансена в программе помощи Красного Креста. По возвращении в Норвегию он присоединился к основанной в 1921 году Крестьянской партии («Bondepartiet»). С мая 1931 до марта 1933 года, когда Крестьянская партия составила правительство меньшинства, он был министром обороны, но должен был уйти в отставку после победы Норвежской рабочей партии на выборах 1933 года.

Затем Квислинг, прежде резко нападавший на Рабочую партию, пытался использовать Крестьянскую партию или хотя бы ее часть в качестве базы для своего «Национального единения». Но эти усилия не имели успеха. Вместо этого Крестьянская партия сблизилась с Рабочей партией и в конечном счете образовала с ней в 1935 году коалиционное правительство. Точно так же не удалось Квислингу и попытки привлечь на свою сторону национал-либералов («Frisennede Folkspartiet») и крайне правую, находившуюся под влиянием итальянского фашизма «Отечественную лигу» («Fedrelands-laget»). Когда переговоры с «Организацией крестьянской помощи» («Bygdefolkets Krisehjelp») также не привели к успеху, Квислинг смог принять в свое «Национальное единение» лишь три небольших фашистских группировки, состоявших почти исключительно из студентов. Таким образом, усилия Квислинга создать широкое антисоциалистическое объединение потерпели неудачу.

Его идеология была странной попыткой синтеза демократии, национал-социализма и коммунизма, и в дальнейшем она также находила мало сочувствия. И хотя Квислинг неустанно пропагандировал свою излюбленную идею («Советы без коммунизма»), он все более отчетливо сблизился с фашизмом: «Национальное единение» создало, по немецкому образцу, военизированную организацию под названием «Отряды» («Hird») с юношеским подразделением «Молодые отряды» («Smahird»). Проект создания рабочих групп не удался, поскольку «Национальное единение» в значительной степени отказалось от своих мнимосоциалистических требований. Также и другие цели «Национального единства» – националистические, антидемократические, антисоциалистические и – вначале умеренные – антисемитские – не имели у норвежских избирателей почти никакого успеха.

После того как на парламентских выборах в октябре 1933 года «Национальное единение» получило 2,2% поданных голосов – чего не хватило даже на одно место, – на коммунальных выборах 1934 года его доля снизилась до 1,5%, а на парламентских выборах 1936 года до 1,8%. Наконец, на коммунальных выборах 1937 года она составила лишь 0,06%.

Подробный анализ выборов 1933 года, когда «Национальное единение» выставило своих кандидатов в 17 из общего числа 29 избирательных округов, показал, что эта партия получила наибольшую поддержку в северных областях, граничащих с Советским Союзом, а также в сельских регионах Восточной Норвегии. Этот – впрочем, относительный – успех в Восточной Норвегии объясняли тем, что в этих местах с вековой крестьянской культурой и традицией нашла некоторый отклик норвежская версия лозунга «Кровь и почва» – «Дом и семья» (heim og oett). Сверх того, на этом регионе, в значительной степени жившем за счет экспорта, особенно тяжело отразился экономический кризис. Далее, «Национальное единение» могло использовать здесь социальные конфликты между богатыми и бедными крестьянами, а также сельскохозяйственными рабочими, вследствие которых крестьяне отвергали деятельность относительно сильных профсоюзов, находившихся под влиянием коммунистов. Напротив, в западных областях Норвегии «Национальное единение» было крайне слабым, а местами не имело вовсе никакой поддержки, так как здесь не было значительных социальных противоречий, а изолированно жившие весьма религиозно настроенные крестьяне отвергали националистическую пропаганду с «культура викингов», рассматривая его как языческое учение. К этому добавлялось традиционное, но демократически окрашенное недоверие к вмешательству центрального правительства в Осло, переходившее на агитаторов партии, большей частью приезжавших из столицы.

В целом, почти полную неудачу «Национального единения» с его расистской идеологией можно свести к следующим причинам. Хотя Норвегия лишь в 1905 году добилась независимости, разорвав унию со Швецией, то есть национальное государство образовалось здесь очень поздно, это все же не привело к возникновению агрессивного национализма, на который мог бы опереться Квислинг с его пропагандой. Пограничные проблемы со Швецией и спор с Данией по поводу суверенитета над Гренландией были вскоре улажены. Не было и проблемы национальных меньшинств, поскольку у лапландцев (саами) еще не развилось специфическое национальное сознание. А поскольку в 1930 году во

всей Швеции было лишь 1 359 евреев и до 1940 года было принято лишь 500 еврейских беженцев, то антисемитизм «Национального единения» также не находил отклика. Точно так же не находили опоры и антидемократические цели норвежской фашистской партии. Парламентская система была введена в Норвегии уже в 80-е годы 19-го столетия. В 1898 году норвежцы получили всеобщее избирательное право для мужчин, а в 1913 году – также для женщин.

Далее, Норвежская рабочая партия стала неотделимой частью общепризнанной парламентской системы. В начале 20-х годов норвежские социалисты были еще весьма радикальны и вследствие этого примкнули к Коммунистическому Интернационалу. Но в 1927 году левое большинство соединилось с меньшинством социалистов, образовавшим еще в 1921 году свою собственную норвежскую социал-демократическую партию. Возникшая таким образом Норвежская социал-демократическая рабочая партия проводила отчетливо выраженную реформистскую политику, между тем как коммунистическая партия осталась слабой и незначительной. Уже в 1928 году Норвежская рабочая партия смогла образовать правительство, впрочем, потерявшее власть в 1931 году. Но в 1935 году был заключен уже упомянутый союз с Крестьянской партией. Этой коалиции удалось преодолеть последствия мирового экономического кризиса (когда 42% организованных трудящихся потеряли работу) и вместе с тем приступить к построению социального государства. Хотя это неизбежно вело к повышению налогов, находившиеся в оппозиции консерваторы (Høire) по-прежнему не хотели сотрудничать с Квислингом.

Такое положение не изменилось и после оккупации страны немецкими войсками. Напротив, «Национальное единение», сотрудничавшее с немецкими оккупационными властями, было почти единодушно отвергнуто подавляющим большинством норвежского народа, хотя фашистской партии удалось все же привлечь к себе 57 000 членов, что составляло 1,8% населения. Это были главным образом служащие и чиновники, вступавшие в партию по корыстным мотивам, но отчасти полагавшие, что они только таким образом могут воспрепятствовать полному господству немцев в стране. Впрочем, если до 1940 года это была чисто буржуазная партия, то затем число рабочих в ней выросло на 30%, так что за время немецкой оккупации «Национальное единение» превратилось во «внеклассовую» партию. Но такая социальная структура и численность, заметно снизившаяся с 1943 года, не дают ясного представления о характере «Национального единения». Эта партия стала в значительной степени органом немецких оккупационных властей. Возникает вопрос, можно ли вообще причислить такую партию, существенно изменившую свою политическую функцию с 1940 года, к группе фашистских партий, поскольку все они занимали самостоятельное положение. Эта дифференциация между «партией коллаборационистов» и в основном независимой фашистской партией не связана с какими-либо моральными суждениями. Если даже речь идет «только» о партии коллаборантов, то неуместно никакое сочувствие Квислингу, казненному еще в 1945 году, и его последователям, приговоренным к длительным срокам заключения. То же относится к суждениям о «пограничных случаях», рассматриваемых в следующем разделе. Необходимую в таких случаях дифференциацию не следует понимать как стремление в каком-то смысле «улучшить» репутацию режимов, о которых пойдет речь.

Пограничные случаи: Словакия, Польша и Португалия

Словацкую республику, возникшую в марте 1939 года и зависевшую от «защиты» Германии, многие наблюдатели того времени и некоторые исследователи рассматривали как «клерикально-фашистскую диктатуру», сравнивая и отождествляя ее с режимом Дольфуса – фон Шушнига или с хорватским государством усташей¹⁷⁷. Чтобы проверить этот тезис, надо

¹⁷⁷ О «Словацкой народной партии» и режиме Тисо: У. Jelinek. Hlinka's Slovak People's Party 1933-45. Bloomington, 1966; Id. Clergy and Fascism: The Hlinka Party in Slovakia and the Croatian Ustasha Movement //

начать с краткого очерка истории Чехословацкой республики начиная с 1918 года, и в частности, ее словацкой части.

Чехословацкая республика, провозглашенная в октябре 1918 года, была государством, составленным из нескольких наций. Наряду с меньшинствами венгров, немцев и поляков словаки также занимали по отношению к центральному правительству неприязненную позицию, поскольку не получили требуемой ими автономии. Но все же Словацкая народная партия, основанная в декабре 1918 года католическим священником Андреем Глинкой, носившая подчеркнуто католический характер и поддерживаемая на выборах более чем 50% словаков, вошла в 1926 году в «общенациональную коалицию», в которой участвовали вместе с чешскими партиями и партии немецкого меньшинства.

Но когда один из лидеров Словацкой народной партии Войтех Тука, создавший военизированный «хеймвер» («Rodobrana»), был осужден на 5 лет заключения за государственную измену, Словацкая народная партия вышла из этой «общенациональной коалиции». Далее, когда в августе 1933 года патер Глинка воспользовался празднованием 1100-й годовщины крещения словаков (на век раньше чехов!), чтобы энергично выступить за автономию Словакии, чешские партии уже не были готовы к компромиссу. При этом ведущие чешские партии – национал-демократы и аграрии, – по-видимому, в некоторой степени считались и с «Фашистской общиной», партией, основанной в 1925 году генералом Гайдой, выражавшей крайне националистические, антинемецкие и антисемитские установки, хотя и получавшей на выборах не больше 6 мест.

В дальнейшем возникло прямое и косвенное сотрудничество Словацкой народной партии с Судетско-немецкой партией (ранее называвшейся Судетско-немецким Отечественным фронтом), которая под руководством Конрада Генлейна фактически стала составной частью НСДАП. После аннексии Судетской области «третьим рейхом» чехи и словаки все же готовы были к компромиссу. «Остаточная Чехословакия» была преобразована в федеративное государство. Поскольку в ведении пражского центрального правительства оставались только внешняя политика, оборона и финансы, Йозеф Тисо, занявший в 1938 году место умершего Глинки, фактически мог управлять словацкой частью страны как независимый словацкий премьер-министр. Но 9 марта 1939 года чехословацкий президент Гаха приказал сместить правительство Тисо и распустить «Гвардию Глинки», занявшую место «Родобраны» (хеймвера). После этого Тисо был вызван в Берлин, и Гитлер потребовал от него провозгласить независимую Словакию. За этим последовал разгром «остаточной Чехии», превращенной 16 марта 1939 года в «протекторат Богемия и Моравия». Возникшая по милости Гитлера Словацкая республика должна была заключить 18 марта 1939 года «договор о защите» с Германской империей. Хотя некоторые страны, в том числе Швейцария, Польша и Советский Союз, признали это новое «государство», Словацкая республика была и осталась зависимым от Германии государством-сателлитом. Хотя она и не была вначале оккупирована немецкими войсками, ее внешнюю и внутреннюю политику, по существу, определял Гитлер, а формировали ее немецкие «советники». Тисо, оставшийся главой государства, имел, правда, больше власти, чем Квислинг, но Словакия настолько зависела от Германии, что уже по этой причине установленный в ней авторитарный режим вряд ли можно рассматривать как самостоятельную «клерикально-фашистскую» диктатуру. Впрочем, против такой характеристики говорят и другие внутривнутриполитические условия.

Бесспорно, что устроенная Тукой и Сано Махом «Гвардия Глинки», ставшая после запрещения и роспуска всех других партий единственной политической организацией страны, носила фашистский характер. «Гвардия Глинки», куда входили, кроме интеллигентов и деклассированных элементов словацкого общества, также некоторые молодые священники, выдвигала радикальные националистические и антисемитские цели.

Larsen et al. (Eds.). Who Were the Fascists, 367-78. Вообще об истории Чехословакии: J. Hoensch. Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918 bis 1965. Stuttgart, 19782; H. Dress. Slowakei und die faschistische Neuordnung Europas. Berlin, 1972; G. Rhode. Die Tschechoslowakei von der Unabhängigkeitserklärung bis zum «Prager Frühling» 1918—1968 // Schieder (Hg.). Handbuch. Bd. 7, 920-77, особенно 922⁴.

По инициативе руководителя ее пропаганды Сано Маха уже 18 апреля 1939 года был издан по немецкому образцу весьма ограничительный закон о евреях, впрочем, не применявшийся к евреям, обращенным в христианство. Но хотя Тука стал в конце концов премьер-министром, а Мах – министром внутренних дел, Тисо мог в качестве президента оказывать некоторое влияние в направлении умеренности. Он опирался во внутренней политике на католическую церковь, оказывавшую сильнейшее влияние на воспитание и законодательство. И хотя радикальная «Гвардия Глинки» неоднократно выступала при поддержке СС против могущества и влияния католической церкви, Гитлер все же из политических соображений держал сторону Тисо. Жесткая авторитарная политика Тисо была направлена не только против евреев, которые подвергались преследованиям и в конце концов были депортированы, но также против протестантов, православных и христианских сектантов. Поскольку «Гвардия Глинки», при всем ее влиянии, не допускалась к власти, режим Тисо можно рассматривать как тоталитарную диктатуру клерикального толка, в значительной степени зависевшую от Германии.

Поэтому словацкий режим сателлита Германии нельзя считать фашистской диктатурой, в отличие от хорватского государства усташей. В то время как в Хорватии с согласия Германии и католической церкви управляла фашистская партия, Тисо, опираясь на поддержку «третьего рейха» и католической церкви, сумел не допустить к власти фашистскую «Гвардию Глинки».

После словацкого национального восстания, вспыхнувшего 28 августа 1944 года и окончательно подавленного лишь 28 октября вмешательством немецкой армии, Словакия была оккупирована и находилась под полным господством Германии. Хотя в восстании участвовало 20 000 солдат и 2 500 партизан, словаки в конечном счете не смогли свергнуть авторитарный «спутниковый» режим Тисо без помощи извне.

Польский режим Пилсудского также рассматривался некоторыми исследователями и многими современниками как фашистский¹⁷⁸. В этом вопросе коминтерновские теоретики сходились с Троцким, с такими оппозиционными коммунистами, как Тальгей-мер, и даже с такими социал-демократами, как Боркенау и Гур-ланд. При этом коммунисты ссылались на режим Пилсудского для обоснования своего тезиса о «социал-фашизме», поскольку этот «фашист» раньше был социалистом и поскольку польские социалисты поддержали его государственный переворот в мае 1926 года. После 1945 года эта официальная партийная доктрина не пересматривалась ни в Советском Союзе, ни в Польше, а попросту замалчивалась. При этом сыграло свою роль еще и то обстоятельство, что вождь той польской политической партии, которую можно однозначно считать фашистской, после 1945 года занял видное место в польском партийном и государственном аппарате. Это был руководитель верной режиму католической организации «Рах»¹⁷⁹ Болеслав Пясецкий. Но прежде чем перейти к нему и к его «Национально-радикальному лагерю Фаланга», надо решить, действительно ли режим Пилсудского можно рассматривать как фашистский.

Польская республика, возникшая уже 16 октября 1918 года, то есть еще до окончательного поражения Германии, обязана была своим существованием тому «счастливному случаю», что все три державы, делившие между собой Польшу – Германия, Австрия и Россия, – оказались втянутыми в войну, которую они в конце концов проиграли. Границы нового польского государства были установлены не только Версальской мирной

¹⁷⁸ Общие работы о польской истории в межвоенное время: Н. Roos. *Geschichte der polnischen Nation 1916—1960*. Stuttgart, 1964; G. Rhode. *Geschichte Polens*. Darmstadt, 1979; E. D. Wynot. *Polish Politics in Transition. The Camp of National Unity and the Struggle of Power 1935—1939*. Athens, 1974; N. Davies. *God's Playground. A History of Poland. Vol. 2*. Oxford, 1981. О националистических течениях: F. Golczewski. *Das Deutschlandbild der Polen 1918—1939*. Dusseldorf, 1974. О проблеме фашизма: Н. Wereszycki. *Fascism and Poland // Sugar (Ed.). Fascism*, 85-91; P. S. Wandycz. *Fascism in Poland // Ibid.*, 92-98. О польском сопротивлении немецкой оккупации: М. Broszat. *Nationalsozialistische Polenpolitik*. Stuttgart, 1961; Ch. Kleemann. *Die Selbstbehauptung einer Nation. Nationalsozialistische Kulturpolitik und polnische Widerstandsbewegung im Generalgouvernement (1939—1945)*. Dusseldorf, 1971.

¹⁷⁹ «Мир» (лат.). – Прим. перев.

конференцией. В действительности они становились «свершившимся фактом» и до, и после подписания Версальского договора 28 июня 1919 года благодаря успешным действиям вновь возникшей польской армии. Так обстояло дело с Верхней Силезией, которая после трех польских восстаний была разделена 21 октября 1921 года, несмотря на то, что в плебисците 20 марта 1920 года 60% ее населения высказалось за Германию. Далее, была аннексирована столица Литвы Вильно, и были присоединены украинские и белорусские территории на востоке, от которых Советский Союз отказался по Рижскому миру 18 марта 1921 года. Этому предшествовала русско-польская война, начавшаяся маршем польской армии на Киев в апреле 1920 года и завершившаяся сокрушительным поражением Красной Армии у ворот Варшавы в августе 1920 года.

Эта победа была заслугой Юзефа Пилсудского, ставшего 20 февраля 1919 года главнокомандующим армии и главой государства. После того как выборы 5 ноября 1922 года выиграла Национально-демократическая партия его конкурента Романа Дмовско-го, Пилсудский вначале отошел от политической жизни. Но неустойчивая парламентская система Польши не в состоянии была справиться с экономическими и внутривнутриполитическими проблемами нового государства – с сентября 1921 до октября 1922 года сменилось не менее четырех правительств. К этим проблемам относился прежде всего настоятельно важный аграрный вопрос, который не был решен, поскольку провозглашенная земельная реформа по существу была проведена лишь в центральных и западных регионах Польши, тогда как в восточных областях земли польских крупных землевладельцев, господствовавших над украинскими и белорусскими крестьянами, не были отчуждены. Это было связано главным образом с проблемой национальностей, поскольку население Польши более чем на 31% (а предположительно даже на 40%) состояло из других наций: украинцы и белорусы составляли 25%, евреи – 12% и немцы – 3% населения. Хотя на Версальской мирной конференции Польша обязалась гарантировать каждому меньшинству его права, она осуществляла по отношению к немцам, евреям, украинцам и белорусам все более жесткую политику полонизации.

12 мая 1926 года произошел государственный переворот Пилсудского, стоивший многочисленных жертв, но поддержанный польскими социалистами, при терпимом отношении небольшой Коммунистической партии Польши. Пилсудский выступил с притязанием провести «оздоровление» (*sanacja*) демократической системы Польши, поскольку бескомпромиссная позиция отдельных партий сделала ее функционирование неэффективным. Пилсудский учредил «моральную диктатуру», на первых порах умеренную. Партии не были запрещены, и в 1928 году состоялись еще свободные выборы, принесшие тяжкое поражение национал-демократам: они получили 37 мест вместо прежних 100, тогда как Крестьянская партия получила 21 место вместо 53; социалисты же смогли увеличить свое представительство с 41 до 63 мест. В октябре 1929 года левые партии и центр заключили союз под названием «Центролев», располагавший 180 местами, и тем самым стали в Сейме относительным большинством. Возникла борьба между исполнительной властью и оппозиционными партиями, овладевшими парламентом. Пилсудский разрешил этот конфликт, арестовав 88 депутатов сейма от «Центролева» и заключив их в Брест-Литовскую крепость, где они были подвергнуты унижениям и пыткам. Эта политика устрашения привела к цели. На «выборах» 16 ноября 1930 года, где многие оппозиционные депутаты не могли выставить свою кандидатуру или были ограничены в своей деятельности, правительственный блок получил 243 места из общего числа 444. Наконец, в январе 1935 года была издана новая конституция, полностью отменявшая парламентско-демократическую систему. Вместо нее была установлена авторитарная военная диктатура, скроенная по мерке Пилсудского, но все же не фашистская.

Положение не изменилось и после смерти Пилсудского 12 мая 1935 года. Впрочем, прежний правительственный блок фактически распался вследствие внутренних разногласий. Его место должен был занять основанный полковником Адамом Коцем «Лагерь национального единения» (ЛНЕ, «*Oboz Zjednoczenia Narodowego*»), определенно

следовавший фашистскому образцу в идеологическом и организационном отношении. Но ЛНЕ не сумел превратиться в государственную единую партию, и с ним вела ожесточенную борьбу другая фашистская партия.

Это была уже упомянутая партия «Национально-радикальный лагерь Фаланга» (НРЛ, «Oboz Narodowo-Radykalny – Falanga»), возникшая под руководством Болеслава Пясецкого из юношеской организации национал-демократов, которая еще до переворота Пилсудского отчетливо ориентировалась на образец фашистской Италии, откуда получала политическую и даже материальную поддержку. «Фаланга» Пясецкого выдвигала крайне националистические, антисемитские и специфически клерикальные цели. Ее последователи, преимущественно студенты, затевали нападения на еврейских граждан Польши. Однако партия Пясецкого подвергалась преследованиям борющегося с ней авторитарного режима полковников и ЛНЕ.

Хотя и «Национально-радикальный лагерь Фаланга», и «Лагерь национального единения» Адама Коца носили в идеологическом и организационном отношении фашистский характер, руководство этих партий не сотрудничало с немецкими оккупационными властями. Если бы даже национал-социалисты захотели, они не нашли бы никаких польских коллаборантов; они столкнулись со все более ожесточенным народным сопротивлением, с которым боролись крайне жестокими методами. Этот национал-социалистский террор с политическими и расистскими тенденциями стоил жизни 5 миллионам поляков при общей численности населения 30 миллионов.

Созданная Пилсудским и его преемниками система власти, подобно режиму генерала Primo de Rivera в Испании и королевским диктатурам в Югославии и Румынии, не входит в группу фашистских диктатур, поскольку она не опиралась на массовую фашистскую партию и ставила себе скорее авторитарные, чем специфически фашистские цели. То же относится к диктатурам в Болгарии и в балтийских государствах, которые рассматривались различными коммунистическими и социалистическими авторами как фашистские. Здесь сыграли свою роль также внешнеполитические мотивы и интересы Советского Союза, поскольку суверенные балтийские государства Литва, Латвия и Эстония были признаны Советским Союзом под давлением обстоятельств, а летом 1940 года согласно пакту Риббентропа – Молотова насильственно присоединены к Советскому Союзу.

Во всех этих трех республиках первоначально учрежденную парламентскую систему сменили авторитарные режимы¹⁸⁰. Началось это с Литвы, где 17 декабря 1926 года произошел государственный переворот, после того как правившие до того христианские демократы, народные социалисты и социал-демократы не смогли составить дееспособную коалицию. Затем 12 апреля 1927 года предыдущий президент Литвы Сметона объявил себя «вождем нации» и окончательно распустил парламент. Сметона опирался почти исключительно на военных, тогда как фашистски ориентированная партия «Народных» («Tautininkai», «Таутининки») к управлению страной не привлекалась. Основанная Сметоной радикально-национальная регулярная организация под названием «Железный волк» также не развилась в фашистскую государственную партию, потому что она была малочисленна и не имела никакой интеграционной идеологии. Сметона управлял страной террористическими методами, не имея большой поддержки в народе. Поэтому он был не в состоянии помешать ни аннексии Мемельской области Германией в марте 1939 года, ни оккупации страны советскими войсками в июне 1940 года.

В Латвии парламентская система была устранена лишь после начала мирового

¹⁸⁰ Общие работы об истории балтийских республик: M. Hellmann. Grund-zuge der Geschichte Litauens. Darmstadt, 1966; G. von Rauch. Geschichte der baltischen Staaten. Stuttgart, 1970; J. von Hehn. Lettland zwischen Demokratie und Diktatur. Munchen, 1957; G. von Rauch. Zur Krise des Parlamentarismus in Estland und Lettland in den 30er Jahren // H. – E. Volkmann (Hg.). Die Krise des Parlamentarismus in Ostmitteleuropa. Marburg, 1967; G. Rhode. Litauen vom Kampf um seine Unabhangigkeit bis zur Grundung der Sowjetrepublik 1917—1944 // Schieder (Hg.). Handbuch. Bd. 7, 1062-79; A. von Taube. Estland und Lettland als selbstandige Republiken und als Unionsrepubliken der UdSSR 1918—1970 // Ibid., 1107-33. К вопросу о фашизме: Nolle. Krise, 233-36.

экономического кризиса. Прежний премьер-министр Ульманис учредил авторитарную диктатуру, также не опирающуюся на массовую фашистскую партию.

Иначе обстояло дело в Эстонии, где «Союз борцов за свободу» («Vapsen») развился в антипарламентскую крайне антикоммунистическую массовую организацию, находившуюся под сильным влиянием финского образца – «Движения Лапуа». В октябре 1933 года предложенная «борцами за свободу» новая авторитарная конституция получила на всенародном референдуме подавляющее большинство: 72,7% голосов было подано за эту партию и против прежней парламентской системы, гарантировавшей, в частности, права меньшинств. Но премьер-министр Пяте (Pats) при поддержке главнокомандующего вооруженными силами объявил 12 марта 1934 года чрезвычайное положение, вследствие чего «Союзу борцов за свободу» не удалось прийти к власти. Эта организация, находившаяся под сильным фашистским влиянием, была вскоре после этого распущена и запрещена. Пяте присвоил себе диктаторские полномочия и правил страной без поддержки массового фашистского движения.

В Болгарии также, вопреки утверждениям коммунистической историографии, не установился «военно-фашистский режим»¹⁸¹. В отличие от соседних стран, Румынии и Югославии, Болгарии не пришлось встретиться с проблемой меньшинств. Поскольку подавляющее большинство народа состояло из крестьян, то не было и значительных социальных проблем. Однако премьер-министр Стамболийский, представлявший господствующий Крестьянский союз, при массовой поддержке относительно сильной коммунистической партии не только ввел в 1920 году трудовую повинность, но, кроме того, в мае 1921 года провел отчуждение всех частных земельных владений сверх 30 гектаров. Этот аграрный социализм вызвал сопротивление не только в слабой буржуазии, но и в армии. 1 июня 1923 года Стамболийский был свергнут военным переворотом и вскоре после этого убит. До 1934 года страной управляла коалиция буржуазных сил при пассивном согласии Крестьянского союза. В сентябре 1923 года она жестоко подавила коммунистическое восстание, но впоследствии 19 мая 1934 года была свергнута путчем офицеров. Полковник Кимон Георгиев устроил авторитарную систему, сменившуюся, однако, 22 января 1935 года диктатурой короля Бориса III. Этот лично управлявший болгарский король жестоко преследовал своих политических противников из коммунистической партии и из македонской террористической организации ВМРО («Внутримакедонская революционная организация»); но его королевскую диктатуру нельзя признать фашистской уже по той причине, что в Болгарии вообще не было никакой фашистской партии.

Несколько иначе обстояло дело в Португалии, которую следует причислить к «пограничным случаям», подобно Чехословакии и Польше, и с гораздо большим основанием, чем Болгарию, Литву, Латвию и Эстонию¹⁸². Португальский режим Салазара уже по той причине заслуживает особого внимания, что, в отличие от других возникших между войнами диктатур, он сохранился и после окончания Второй мировой войны и «эпохи фашизма». К тому же, в отличие от соседнего режима Франко, он пережил даже на несколько лет своего создателя, поскольку в 1971 году, после смерти Салазара, его место занял Марсело Каэтану. Лишь 25 апреля 1974 года военный путч устранил руководимую им диктатуру, поддержанную лишь немногими агентами тайной полиции.

Провозглашенной в 1910 году португальской республике не удалось установить устойчивую парламентскую систему. В мае 1926 года она была окончательно устранена путчем генерала Гомеса да Коста. Военное правительство прежде всего должно было преодолеть экономический кризис, связанный с отсталой структурой сельского хозяйства и с катастрофическим состоянием государственного бюджета. Эта задача была поручена профессору экономических и финансовых наук университета Коимбры Оливейре Салазару,

¹⁸¹ G. Rhode. Bulgarien 1918—1968 // Schieder (Hg.). Handbuch. Bd. 7, 1241-68.

¹⁸² Ph. C. Schmitter. The Social Origins, Economic Bases and Political Imperatives of Authoritarian Rule in Portugal // Larsen et al. (Eds.). Who Were the Fascists, 435-66.

занявшему в апреле 1928 года пост министра финансов с неограниченными полномочиями. Ему и в самом деле удалось навести некоторый порядок в финансах с помощью строгих мер экономии. В 1932 году Салазар стал премьер-министром, а в 1936 году возглавил также министерства обороны, внутренних дел и иностранных дел.

«Новое государство» Салазара («Estado Novo») опиралось не только на военных, но также на единую партию под названием «Национальный союз» («União Nacional»), создавшую военизированный «Португальский легион» и юношескую организацию. Члены основанной Рулао Прето «Интегралистской партии», преследовавшей националистические и национал-синдикалистские цели, должны были вступить в новую государственную партию Салазара. Сам Прето уже в 1934 году был арестован и вынужден был эмигрировать. Таким образом, первоначальная фашистская партия Португалии с самого основания «Национального союза» играла в нем не меньшую роль, чем фаланга в Испании. Хотя в 30-е годы Салазар ввел и корпоративную систему, где также господствовал «Национальный союз», и хотя эта партия переняла некоторые символы и организационные формы интегралистов, в режиме Салазара почти не было свойственных фашистским государствам радикальных и антикапиталистических мотивов. Во внешней политике Португалия скорее держалась консервативных, чем агрессивно-националистических установок. Салазар проводил разные плебисциты, в которых обычно участвовало, однако, меньше 10% населения, но больше полагался не на плебисцитарное одобрение населения, а на авторитет бюрократического аппарата и армии. Целью его была не мобилизация населения в фашистских целях, а демобилизация общества. Поскольку в Португалии не было национальных меньшинств, а коммунистическая партия была очень слаба, он проводил свою авторитарную политику, рассчитанную на постепенное улучшение экономики, почти не встречая политических противников.

Подобно Испании, после окончания Второй мировой войны Португалия подверглась изоляции и бойкоту со стороны западного мира. Но уже в 1949 году Португалия была принята в НАТО ввиду ее стратегического положения. В 1955 году она стала членом ООН. В этой организации она подвергалась резким обвинениям из-за колониальной войны в Анголе и Мозамбике, между тем как во внутренней политике Салазар и его преемник Каэтану все более устранили фашистские и авторитарные черты. В конечном счете режим опирался лишь на узкую элиту бюрократов и военных, а также на тайную полицию (Pide). 25 апреля 1974 года этот авторитарный режим, перенявший в начальной фазе некоторые идеологические и организационные черты фашизма, полностью распался.

Глава 6. Эпилог: неофашизм между политикой и полемикой

Распад фашистских режимов в Италии и Германии означал конец «эпохи фашизма», но не истории фашизма¹⁸³. Ни одна из еще оставшихся или вновь основанных фашистских партий не смогла приобрести массовую базу и тем более не пришла к власти. Как уже было сказано, режимы Франко и Салазара, установленные еще до 1945 года, следует отнести к группе авторитарных диктатур. То же относится и к греческому «режиму полковников», учрежденному в апреле 1967 года, чтобы предотвратить ожидавшуюся победу на выборах левого «Союза центра» Папандреу; при этом, как полагают, готовившие путч греческие офицеры получали поддержку американских спецслужб¹⁸⁴. Греческая военная хунта, в которой ведущее место вскоре занял Пападопулос, установила диктаторский режим. Партии были запрещены, конституция была объявлена недействительной, оппозиционные силы

¹⁸³ D. Horster, M. Nikolinakos (Hg.). *Ist die Epoche des Faschismus beendet?* Frankfurt, 1971; E. Nolle. *Marxismus, Faschismus, Kalter Krieg. Vorträge und Aufsätze 1964—1976.* Stuttgart, 1977, 193—208. О неофашизме в целом существует обзор (ненадежный): A. Del Boca, M. Giovana. *Fascism Today. A World Survey.* London, 1970; A. J. Joes. *Fascism in the Contemporary World.* Boulder, 1978.

¹⁸⁴ P. Bakojannis. *Militärherrschaft in Griechenland. Eine Analyse zu Parakapitalismus und Spätfaschismus.* Stuttgart, 1972; M. Nikolinakos. *Widerstand und Opposition in Griechenland.* Darmstadt, 1974.

подверглись преследованию армии и тайной полиции, и была введена строгая цензура печати. По отношению к иностранным инвестиционным компаниям режим проводил весьма благоприятную экономическую политику, положительно повлиявшую также на развитие самой греческой экономики. Но хотя Пападопулос и перенял элементы фашистской фюрерской идеологии, он не стал учреждать массовую фашистскую организацию. Поэтому греческую военную диктатуру нельзя рассматривать как фашистскую. Насколько она была по существу слабой, обнаружилось, когда поддержанный ею путч на Кипре привел к вторжению турецкой армии и к аннексии населенной турками части этой страны. Режим полковников не мог и не хотел решиться на военное вмешательство и в 1974 году рухнул.

До сих пор все фашистские партии послевоенной Европы оставались более или менее незначительными сектантскими группами.

И все же нельзя недооценивать значение этих партий, встречающихся почти во всех странах Западной Европы, поскольку они находят все большее число сторонников среди молодого поколения, выросшего после 1945 года, и поскольку они поддерживают более или менее тесные связи между собой. Но сообщения о существовании и деятельности некоего «фашистского интернационала» явно преувеличены. Установлено, что отдельные национальные фашистские группировки поддерживают друг друга политически и материально, ловко пользуясь тем, что наказания за распространение фашистских и расистских идей в разных странах весьма различны. Так, например, немецкие фашисты могут ввозить большую часть своих пропагандистских материалов, которые запрещается изготавливать и распространять в Федеральной Республике, из-за границы, в особенности из США и Аргентины. Ввиду законодательных актов о запрещении фашистских и национал-социалистских организаций, уже принятых в некоторых странах, эти группировки большей частью пытаются маскировать свою ориентацию под образцы «классического» фашизма.

Это одна из причин, по которым в публицистике, а также в науке утвердилось понятие «неофашизма», которое следует считать весьма проблематичным. В действительности фашистские партии послевоенного времени не отличаются от тех, которые возникли до 1945 года. Если бы такие отличия были, если бы в этих партиях развились новые идеологические и политические элементы, то следовало бы применить к ним другое, по возможности новое название. Но поскольку, как уже неоднократно говорилось, понятие фашизма уже выработано и ограничено историей, следует считать фашистскими лишь такие партии, в которых наблюдается отчетливое сходство с фашизмом в Италии или с национал-социализмом в Германии. Если же применять понятие фашизма не в этом исторически сложившемся и ограниченном во времени смысле, то легко поддаться искушению использовать его как простое бранное слово, которым можно обмениваться со своими противниками. При этом теряется специфическое качество фашизма и умаляется его опасность, он представляется даже чем-то безобидным¹⁸⁵. Уже «классическая» дискуссия о фашизме в межвоенное время представляет целый ряд примеров этого рода, отталкивающих и политически опасных.

Литература о так называемом неофашизме весьма обширна, хотя и носит главным образом публицистический характер. К сожалению, во многих работах, посвященных этому вопросу, отсутствует дифференцированное, четко отграниченное определение понятия фашизма. Сверх того, в таких работах необходимая научная объективность часто страдает от политических пристрастий. Таким образом, литература о неофашизме содержит недостаточно материала; кроме того, сами неофашистские движения, если их рассмотреть с точки зрения общей истории европейского фашизма, занимают в ней лишь скромное место и несомненно относятся к группе «фашистских сект». По этим причинам мы ограничимся здесь кратким очерком истории и структуры важнейших неофашистских движений в Федеративной Республике Германии, Италии, Франции и Англии.

Хотя немецкое движение Соппротивления не имело успеха в своем стремлении

¹⁸⁵ Об этом см.: Wippermann. Faschismustheorien, 1 ff., 49 ff.; Bracher. Kontroversen, 13-32; H. A. Winkler. Revolution, Staat, Faschismus. Zur Revision des Historischen Materialismus. Göttingen, 1978, 65-117.

свергнуть национал-социалистскую систему и внести этим свой вклад в освобождение немцев, все же победа над гитлеровской Германией отнюдь не всеми воспринималась как унижение и катастрофа. Широкие круги населения отчетливо отмежевались от преступлений «третьего рейха», известных и еще неизвестных. Эта отрицательная установка выражалась, впрочем, скорее восклицаниями: «Пусть не будет больше войны!», «Пусть не будет больше фашизма!», а не определенным антифашистским направлением. В отличие от Италии и Франции, в Германии не возник широкий антифашистский консенсус. Этому больше всего препятствовала политика советских оккупационных властей, вместе с насажденной и поддерживаемой ими коммунистической партией все более эксплуатирувавшая понятие антифашизма для оправдания своих собственных целей, отнюдь не всегда носивших антифашистский характер. Уже отчуждение имущества крупных землевладельцев и «капиталистов» было представлено как «антифашистская» мера, хотя затронутые этим аграрии и промышленники отнюдь не все были фашисты; а исключение из политической жизни социал-демократической партии Германии и отмена демократических прав привели к тому, что в глазах многих немцев воинствующий антифашизм стал попросту приемом коммунистической пропаганды. Эта пропаганда достигла своей высшей точки в притязаниях ГДР на так называемое «наследие антифашизма» и в беззастенчивом использовании этой претензии, а также в смехотворной и грубой попытке представить Берлинскую стену как «антифашистскую преграду»¹⁸⁶.

Впрочем, политика западных оккупационных держав также способствовала тому, что имевшиеся в изобилии зачатки антифашизма все больше отгеснялись на второй план. Сюда относятся запрещение автономных, возникших независимо от КПГ и СДПГ «комитетов антифа» («Antifa-Ausschüsse»), а также бюрократические, не всегда справедливые и действенные методы денацификации в американской и британской оккупационных зонах¹⁸⁷. Подавляющее большинство немцев рассматривало Нюрнбергский процесс военных преступников как вполне оправданную попытку справедливо наказать главных виновников преступлений «третьего рейха». Но деятельность судебных коллегий и комиссий по денацификации, часто сопровождавшаяся доносами и выслеживанием, вызвала все возраставшую критику многих немцев, не без основания вспоминая поговорку: «Вешают мелких, а крупных отпускают»¹⁸⁸. Однако это неодобрение и разочарование фактическим разделением Германии не выразилось в антидемократическом и фашистском направлении.

На выборах в бундестаг 1949 года мелкие праворадикальные партии, среди которых Немецкая правая партия (НПП, «Deutsche Rechtspartei») имела в идеологическом отношении отчетливо фашистскую ориентацию, получили вместе лишь 5,7% поданных голосов. Возникшая при расколе Немецкой правой партии в 1949 году Социалистическая имперская партия (СИП, «Sozialistische Reichspartei») смогла, впрочем, получить на выборах 1951 года в нижнесаксонский ландтаг 11% голосов, а на выборах в бременский муниципалитет 7,7%. СИП состояла почти исключительно из бывших национал-социалистов, ожесточенных мерами денацификации и не желавших пересмотреть свои прежние политические установки. Ввиду своих антидемократических, крайне националистических и антикапиталистических (по ее терминологии, «народно-социалистических» [«Volkssozialistische», в отличие от «nationalsozialistische». В этом сложном слове прилагательное «национальный» заменялось, таким образом, на «народный». – Прим. перев.]) целей эта партия однозначно отражала свой национал-социалистский прообраз, у которого она заимствовала также «принцип фюрерства». 23 октября 1952 года СИП, уже находившаяся в это время в состоянии распада,

¹⁸⁶ Wippermann. German Left, 185 ff.; Id. Antifaschismus.

¹⁸⁷ J. Purstenu. Entnazifizierung. Ein Kapitel deutscher Nachkriegspolitik. Neu-wied, 1969; L. Niethammer. Entnazifizierung in Bayern. Sauberung und Rehabilitierung unter amerikanischer Besatzung. Frankfurt, 1972; Id. et al. (Hg.). Arbeiterinitiative 1945. Wuppertal, 1976.

¹⁸⁸ R. Henkys. Die nationalsozialistischen Gewaltverbrechen. Geschichte und Gericht. Stuttgart, 1962; A. Ruckerl. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen 1945—1978. Heidelberg, 1979; P. Steinbach, Nationalsozialistische Gewaltverbrechen. Die Diskussion in der deutschen Öffentlichkeit nach 1945. Berlin, 1981.

была запрещена Федеральным конституционным судом.

Этот приговор побудил все остальные партии правого толка по возможности избегать слишком прямой ориентации на национал-социализм. Это относится прежде всего к Немецкой правой партии, которая с 1949 года называла себя Немецкой имперской партией (НИП, «Deutsche Reichspartei»). В ее программе, предусматривавшей устройство корпоративной общественной системы, отражались также националистические, реваншистские и антидемократические идеи, хотя она избегала радикальных высказываний против парламентской системы и открыто антисемитской фразеологии. Партией руководил летчик-офицер Рудель, награжденный высокими военными орденами. Но ей не удалось преодолеть пятипроцентный барьер на выборах в бундестаг: в 1953 году она получила 1,1% голосов, в 1957 году – 1%, а в 1961 – лишь 0,8%. Впрочем, в течение некоторого времени она была представлена в нижнесаксонском ландтаге, где образовала фракционную коалицию со Свободной демократической партией и «Союзом изгнанных и бесправных» (СИБ, «Bund der Heimatvertriebenen und Entrechteten»).

Как показывает полный провал НИП, демократическая система Федеральной Республики уже в 50-е годы оказалась удивительно прочной. Этому способствовало также быстрое и успешное развитие экономики и то обстоятельство, что беженцы, несмотря на первоначальные трудности, очень быстро и беспрепятственно интегрировались обществом ФРГ. То же относится и к политическим партиям, поскольку крайне правый, но не фашистский «Союз изгнанных и бесправных» мог привлечь к себе лишь небольшую часть голосов беженцев и вскоре потерял значение. Однако Национал-демократическая партия Германии (НДПГ, «Nationaldemokratische Partei Deutschlands»), основанная в 1964 году как совместная организация для всех группировок правого и более или менее национал-социалистского направления, сумела в удивительно короткое время выйти из полной неизвестности и добиться примечательных избирательных успехов. Между 1966 и 1968 годами эта партия, уже в 1967 году насчитывавшая 28 000 членов, получила на выборах в ландтаги в Гессене 7,9%, в Баварии 7,4%, в Рейнланд-Пфальце 6,9%, в Шлезвиг-Гольштейне 5,8%, в Нижней Саксонии 7%, в Бремене 8,8%, а в Баден-Вюртемберге даже 9,8%. Но когда на выборах в бундестаг в 1969 году НДПГ не сумела получить больше 5% – она добилась «лишь» 4,3% общего числа голосов, – ее влияние стало быстро убывать. В 1970 году у нее было лишь 21 000 членов, а в 1976 – 9 700. На выборах в ландтаги 1970 и 1971 года она получила уже не более 3% голосов. На выборах в бундестаг 1972 года ее доля голосов опустилась до 0,6%¹⁸⁹.

Временный успех НДПГ привлек немало внимания и в ФРГ, и за границей; он вызвал опасения, что Федеральную Республику, впервые в своей истории вынужденную бороться с экономическими трудностями, может постигнуть судьба Веймарской республики. Эти опасения не только определили позицию демократических партий, решительно отвергших НДПГ и боровшихся с ней, но также вызвали ряд публицистических и научных работ, излагавших структуру и программу НДПГ. При этом часто упускали из виду, что НДПГ очень старалась по возможности маскировать свои антидемократические и пронационал-социалистские установки, чтобы предотвратить угрожавшее ей запрещение. Но хотя она признавала свободные демократические учреждения ФРГ, она не могла и не хотела отказаться от националистических и авторитарных высказываний. Напротив, антисемитские высказывания в ее публицистике почти не встречаются. При этом она энергично выступала против дальнейшего въезда и пребывания в Германии иностранных рабочих, проявляя свои

¹⁸⁹ О НИП и СИП: O. Busch, P. Furth. Rechtsradikalismus im Nachkriegs-deutschland. Berlin, 1957; M. Jenke. Verschwörung von Rechts? Ein Beitrag über den Rechtsradikalismus in Deutschland nach 1945. Berlin, 1961; H. W. Hoffken, M. Sattler. Rechtsextremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Die «alte» und die «neue» Rechte und der Neonazismus. Hamburg, 1979, 15 ff. О НДПГ: R. Kuhn et al. Die NPD. Struktur, Ideologie und Funktion einer neofaschistischen Partei. Frankfurt, 1969; L. Niethammer. Angepaßter Faschismus. Politische Praxis der NPD. Frankfurt, 1969; M. Ro-wold. Im Schatten der Macht. Dusseldorf, 1974. Дальнейшие ссылки на литературу в работе: R. Kuhn. Der Rechts-radikalismus in der Bundes-republik. Ein Literaturbericht // PVS, 9, 1969, 423-42; K. P. Wallraven. Nationalismus und Rechtsradikalismus // NPL, 14, 1969, 321-43.

несомненные тенденции к ксенофобии и даже к расизму. В общем, можно сказать, что эта партия, почти все вожди которой и половина членов были прежние члены НСДАП, несмотря на словесные демократические заверения, в идеологическом отношении носила отпечаток и находилась под влиянием национал-социалистского образца. Но при этом ей недоставало важного признака фашистских партий – принципа фюрерства. Это видно было из ее постоянных внутренних конфликтов, которые привели в 1971 году к отставке председателя партии Адольфа фон Таддена, впрочем, никогда не пользовавшегося бесспорным авторитетом. Его преемники также не могли задержать процесс упадка партии. Это привело к образованию различных отколовшихся от НДПГ организаций, фашистский характер которых проявился более отчетливо, чем у самой партии, вызывавшей в этом смысле некоторые споры.

То же относится, например, к «Действию новых правых» (ДНП, «Aktion Neue Rechte»), основанной в 1972 году бывшим председателем баварского отделения НДПГ Зигфридом Пельманом. Эта партия, опять-таки, раскололась на еще более мелкие организации, которые в настоящее время (1983), по-видимому, распались¹⁹⁰. В отличие от НДПГ, члены этих малочисленных сект принадлежали преимущественно младшему поколению. Они пришли главным образом из юношеской организации НДПГ «Молодые национал-демократы» («Junge Nationaldemokraten») и из различных молодежных организаций, таких, как основанный уже в 1948 году союз «Юных викингов» («Wiking-Jugend»), «Союз верной отечеству молодежи» («Bund Heimattreuer Jugend»), «Ганзейский союз отдыха» («Freizeitverein Hansa») и т. д., отчетливо построенных по образцам «третьего рейха», в особенности по образцу «гитлеровской молодежи» («Hitlerjugend»). В отличие от НДПГ, члены организаций так называемых «новых правых» готовы были также применять силу в схватках с политическими противниками. Заслуживает упоминания, что «новые правые» установили контакты с группировками нейтралистской и национал-революционной ориентации, отчасти возникшими уже в 40-е и 50-е годы, но до тех пор не привлекавшими внимание общественности.

Сюда относился, например, Немецко-социальный союз (НСС, «Deutsch-Soziale Union»), основанный в 1956 году Отто Штрассером, вернувшимся из эмиграции и начавшим снова с того места, где он остановился в 1930 году, то есть с более или менее открытой пропаганды якобы революционного национал-социализма. Далее, Август Гауслейтер, уже отличившийся в «третьем рейхе» на ниве национал-социалистской пропаганды, а после 1945 года вступивший сначала в Христианско-демократический союз (ХДС), основал в 1949 году «Немецкое сообщество» (НС, «Deutsche Gemeinschaft») – организацию, пропагандировавшую, наряду с националистическими и антидемократическими, также некоторые мнимо-социалистические и нейтралистские идеи¹⁹¹. Кроме того, Гауслейтер, как и Отто Штрассер, примыкал к идеологиям «консервативной революции», в частности, к идеологии антидемократического, но не национал-социалистского «Молодежного немецкого ордена» («Jungdeutsche Orden»), существовавшего во время Веймарской республики. У этого «Молодежного немецкого ордена» Гауслейтер заимствовал так называемую «идею соседства», согласно которой государство и общество должны быть организованы не в виде партий и общественных группировок, а в форме небольших и обзримых «соседств». Гауслейтер, превративший в 1965 году свое НС вместе с другими мелкими правыми группами в «Акционерное общество независимых немцев» (АОНН, «Aktionsgemeinschaft Unabhangiger Deutschen»), в 70-е годы утвердился в своей «идее соседства», поддержанный проявлением гражданских инициатив. Он искал и нашел контакты с защитниками окружающей среды и с «зелеными». В 1979 году он вступил со своим АОНН в «Партию зеленых» («Grüne Partei»), где он был сопредседателем до своего выхода из этой партии.

¹⁹⁰ О так называемых «новых правых»: O. Bartsch. Revolution von Rechts? Ideologie und Organisation der Neuen Rechten. Freiburg, 1975; Hoffken, Sattler. Rechtsextremismus, 39 ff.

¹⁹¹ R. Sto?. Vom Nationalismus zum Umweltschutz. Die Deutsche Gemeinschaft/Aktionsgemeinschaft Unabhangiger Deutscher im Parteiensystem der Bundesrepublik. Opladen, 1980.

Гауслейтер не был исключением. В различных земельных руководствах «зеленых» (особенно в Нижней Саксонии) заседали лица, ранее входившие в НСДАП, в СИП и другие организации национал-социалистского толка¹⁹². Конечно, эти «коричневые пятна» еще не оправдывают попыток загнать «зеленых» в правый угол, как это не раз делалось в полемических целях. И все же удивительно и заслуживает внимания, что руководящие деятели «зеленых» не избегают идеологических и даже организационных контактов с лицами и группировками явно фашистской ориентации. Это прежде всего относится к бывшему председателю земельного управления «зеленых» в Шлезвиг-Гольштейне Бальдуру Шпрингману, который по крайней мере временно сотрудничал в делах и в политике с Тисом Кристоферсеном, автором провокационных листовок о так называемой «освенцимской лжи». Конечно, такие контакты между «зелеными» и «коричневыми», впрочем, скоро прекратившиеся, не могут рассматриваться как свидетельство фашистской ориентации новой партии протеста, возникшей в Федеральной Республике. Повторяя это, заметим все же, что именно в этих кругах развивается – всерьез и вполне действенно – критика законности и способа функционирования парламентско-демократической системы. Тезис Роберта Юнга, по которому вновь развившаяся атомная техника должна неизбежно привести к гибели культуры или к возникновению авторитарных систем, фатальным образом напоминает идеи, высказанные Освальдом Шпенглером в его «Закате Европы», подрывавшие законность и авторитет Веймарской республики. Герберт Груль, недавно принадлежавший к руководству «зеленых», открыто защищал точку зрения, что лишь авторитарное государство способно решить проблемы окружающей среды¹⁹³.

Эта старая и новая критика демократии не привлекла особенного внимания общественности; напротив, большой отклик вызвала деятельность некоторых воинствующих фашистских сект, хотя каждая из этих группировок насчитывает, как правило, не более нескольких сот членов¹⁹⁴. Сюда относятся «Немецкая гражданская инициатива» («Deutsche Bürgerinitiative») Манфреда Редера (ныне арестованного и осужденного), «Инициатива горожан и крестьян» («Bürger- und Bauerninitiative») уже упомянутого Тиса Кристоферсена, «Боевой союз немецких солдат» («Kampfbund Deutscher Soldaten») Эрвина Шенборна, «Фронт действий национальных социалистов» («Aktionsfront Nationaler Sozialisten») Михаэля Кюнена (ныне осужденного), «Группа военного спорта Гофмана» («Wehrsportgruppe Hoffmann») (ныне распущенная и запрещенная) и другие сектантские группы того же рода. Подобные группы, растущие, по-видимому, как грибы после дождя, в численном отношении совершенно незначительны. Например, «Фронт действия национальных социалистов», весьма замеченный внутри страны и за границей, не насчитывал и 20 членов. Но есть две причины, по которым они заслуживают внимания и опасны. Во-первых, они рекрутируются почти исключительно из послевоенного поколения, главным образом из молодежи; во-вторых, они все чаще применяют террористические методы, причем в этом их явно направляют и поддерживают иностранные фашистские секты.

Некоторые иностранные фашистские партии и группировки действуют даже внутри Федеральной Республики. Сюда относятся, например, все еще существующие усташы, ведущие в Федеральной Республике и с ее территории террористическую борьбу против югославского государства, в то время как секретные службы этого государства

¹⁹² J. Peters (Hg.). Neofaschismus. Die Rechten im Aufwind. Berlin, 1979, 121-80.

¹⁹³ J. Jungk. Der Atom-Staat. Vom Fortschritt in die Unmenschlichkeit. München, 1977; H. Gruhl. Ein Planet wird geplündert. Frankfurt, 1978.

¹⁹⁴ H. M. Broder. Deutschland erwacht. Die neuen Nazis – Aktionen und Provokationen. Bornheim-Merten, 1978; J. Pomorin, R. Junge. Die Neonazis. Dortmund, 1978; Id. Vorwärts, wir marschieren zurück. Die Neonazis. II. Dortmund, 1979; G. Paul, B. Schozig (Hg.). Jugend und Neofaschismus. Frankfurt, 1979; Peters (Hg.). Neofaschismus; A. Meyer, K. – K. Rabe. Unsere Stunde, die wird kommen. Bornheim-Merten, 1979; W. Benz (Hg.). Rechtsradikalismus. Randerscheinung oder Renaissance. Frankfurt, 1980; A. Winkler. Neofaschismus in der BRD. Erscheinungen, Hintergründe, Gefahren. Berlin, 1980; P. Lersch (Hg.). Die verkannte Gefahr. Rechtsradikalismus in der Bundesrepublik. Reinbek, 1981. Дальнейшие ссылки на литературу в: U. Backes. Der neue Rechtsextremismus in der Bundesrepublik Deutschland // NPL, 27, 1982, 147—201.

предпринимают против них также террористические акции в Германии. Еще значительнее деятельность турецкой «Партии националистического движения» (ПНД, «Nationalistische Bewegungspartei») с ее террористической организацией «Серые волки» («Graue Wolfe»). ПНД основал в 1969 году Алпарслан Тюркеш (настоящее имя Хюсейин Фейзула). Эта партия с ее крайне националистическими (великотюркскими), антидемократическими, антикоммунистическими и антисемитскими (якобы «антисионистскими») целями должна рассматриваться как несомненно фашистская. С 1975 до 1977 года Тюркеш был министром в правительстве Демиреля. В 1977 году он был даже заместителем премьер-министра. На выборах в июне 1977 года ПНД получила 6,4% поданных голосов и 16 мест в парламенте вместо прежних 4. Вслед за тем Демирель мог составить коалиционное правительство, в котором была также представлена ПНД. Но после того, как в начале 1978 года правительство возглавил социал-демократ Бюлент Эджевит, «Серые волки» были в ноябре 1978 года запрещены. Это, впрочем, не помешало им после установления в Турции нынешней военной диктатуры продолжать свои террористические действия против своих политических противников из левых и против курдского меньшинства. ПНД нашла членов и сторонников также среди турецких рабочих в Федеральной Республике. После того как «Серые волки» – запрещенные в Турции! – вначале вполне официально проводили в Германии партийные собрания и демонстрации, причем их действия приводили к столкновениям с турками левого направления, они пытались скрываться под видом турецких культурных объединений или переходили в такие объединения. До сих пор нет конкретных данных о численности этих иностранных фашистских партий в Федеральной Республике, поскольку ими пока не располагают ни ответственные политики, ни ведомство охраны Конституции. Точно так же нет подтверждения контактов между немецкими и иностранными фашистами¹⁹⁵.

Столкновения между сторонниками фашистских «Серых волков» и левыми турками в ФРГ еще и потому заслуживают внимания и опасны, что они еще более обостряют взаимное недоверие между немцами и турками. Вопрос об иностранцах, уже использованный пропагандой НДПГ, также может быть связан с ростом фашистских сект, до сих пор малочисленных и не имевших политического значения; пока не удалось констатировать такую связь. Результаты социологических исследований о праворадикальном и фашистском потенциале (оба этих понятия, как правило, недостаточно дифференцируются) до сих пор остаются спорными. Однако нет сомнения, что существование новых национальных меньшинств – поскольку из бывших иностранных рабочих фактически получились иммигранты – вызвало настроение ксенофобии, угрожающее нарушить сложившийся в ФРГ демократический консенсус¹⁹⁶.

Неофашистская партия в Италии также не смогла снова обрести массовую базу¹⁹⁷. Однако итальянские неофашисты всегда были и остаются сильнее и опаснее своих немецких единомышленников.

Хотя, как уже было сказано, итальянское Сопротивление было намного успешнее, чем немецкое движение Сопротивления, однако вопреки широкому антифашистскому консенсусу уже в 1945 году в Италии возникло движение протеста фашистской ориентации. Это был так называемый «квалюнквизм» писателя Гульельмо Джаннини, издававшего газету «L'Uomo Qualunque» («Любой человек»), от которой и получило свое название это недолговечное движение. Оно развилось главным образом в Неаполе и Южной Италии и пользовалось поддержкой в первую очередь буржуазии.

Точно так же объединенная фашистская партия под названием «Итальянское

¹⁹⁵ S. Klein. Graue Wolfe im Schafspelz // Peters (Hg.). Neofaschismus, 231-34; Der Bundesminister des Inneren (Hg.) Betrifft: Verfassungsschutz 78. Bonn, 1979; Id. (Hg.) Betrifft: Verfassungsschutz '80. Bonn, 1981.

¹⁹⁶ W. Habermehl. Sind die Deutschen faschistoid? Ergebnisse einer empirischen Untersuchung über die Verbreitung rechter und rechtsextremer Ideologien in der Bundesrepublik Deutschland. Hamburg, 1979; 5 Millionen Deutsche: «Wir sollten wieder einen Führer haben...» Die SINUS-Studie über rechtsextremistische Einstellungen bei den Deutschen. Reinbek, 1981; A. Subermann. Sind wir Antisemiten? Ausma? und Wirkung eines sozialen Vorurteils in der Bundesrepublik Deutschland. Köln, 1982.

¹⁹⁷ E. Santarelli. Fascismo e neofascismo. Roma, 1974; P. Rosenbaum. Neofaschismus in Italien. Frankfurt, 1975.

социальное движение» (ИСД, «Movimento Sociale Italiano»), основанная в декабре 1946 года бывшим заместителем статс-секретаря республики Сало Джорджо Альмиранте, нашла себе опорный пункт в Южной Италии – в отличие от «классического» фашизма. К ИСД прежде всего примкнули прежние сторонники Муссолини. Это обстоятельство, а также некритическое восхваление фашистского режима, особенно республики Сало, указывали на несомненно фашистский характер движения. Несмотря на официальный запрет, партия не была распущена. На выборах она получила лишь 6% голосов и провела в парламент 24 депутата. В начале 50-х годов умножились признаки того, что правящая партия христианских демократов, несмотря на свои антифашистские традиции и декларации, может согласиться принять в свое правительство ИСД, чтобы помешать образованию левой коалиции. Однако в конечном счете все же возникла неустойчивая, но успешная в экономическом отношении политика «Левого центра» («Centro-Sinistra»). Поэтому ИСД не приобрела особого значения, хотя и была все время представлена в парламенте.

От партии ИСД, действовавшей в рамках парламентского строя, откололись затем нелегальные фашистские террористические организации, такие, как «Новый порядок» («Ordine Nuovo»), следовавшие «стратегии напряженности»: они хотели с помощью террористических покушений создать атмосферу страха и запуганности, которую затем мог бы использовать «парламентский фашизм». В первой половине 70-х годов эта тактика, казалось, имела успех. После различных террористических актов и после того, как в Реджо ди Калабрия произошли настоящие народные восстания, ИСД получила на выборах 1971 года 8,9% голосов и 56 мест. Но хотя дальнейшие акты террора слева и справа обострили внутривнутриполитическое положение, на выборах 1976 года доля ИСД уменьшилась до 6,1% от общего числа голосов. В парламенте было теперь «только» 35 неофашистов. Это «поражение» привело к расколу и образованию группировки, называвшей себя правоконсервативной и отвергавшей террористические акции внепарламентского фашизма. Но это еще не означает, что история неофашизма в Италии завершилась.

То же относится и к Франции, где также возникли неофашистские группы, хотя – а может быть, именно потому, что французы судили коллаборационистов и фашистов очень жестоко, доходя до суда Линча¹⁹⁸, все еще остававшиеся мелкие фашистские группировки не имели вначале никакого значения. Положение изменилось, когда алжирская война (1954—1962) втянула Францию в тяжелый политический кризис. Этот кризис прежде всего использовал основанный уже в 1953 году «Союз защиты коммерсантов и ремесленников» («Union de Defense des Commerçants et Artisans»); члены этого движения, возникшего из протеста против высоких налогов, назывались пужадистами, по имени его основателя. Депутаты от этой партии, которых после выборов 1956 года было уже 52, происходили почти исключительно из мелкой буржуазии городов Южной Франции. Кроме специфически буржуазных требований, в партии были представлены националистические, антипарламентские, антимакистские и антисемитские тенденции. Но в основном пужадизм остался антимодернистским движением, и вскоре это движение распалось.

В отличие от пужадистов, чаще всего отказывавшихся применять насилие, различные организации, возникшие в Алжире, с самого начала носили террористический характер. Это прежде всего касалось «Организации тайной армии» («Organisation Armee Secrete», ОАС), которая вскоре начала выступать не только против алжирского движения за независимость, но и против тех политиков, которые обвинялись в чрезмерных уступках этому движению. ОАС сохранила свой характер террористической организации, и ее крайне националистические, антисоциалистические и антидемократические установки свидетельствовали также о значительных совпадениях ее идеологии с фашистской. Ей не удалось добиться политического влияния в парламенте, потому что де Голль, пришедший к власти в 1958 году, решительно боролся с ней и в конце концов ее разгромил.

Пока трудно сказать, получится ли фашистская партия из кружка людей, образовавших

¹⁹⁸ О неофашизме во Франции: S. Hoffmann. Le Mouvement Poujade. Paris, 1956; Plumyene, Lasierra. Les Fascismes, 261 ff.

в мае 1968 года «Группу исследований» («Groupement de Recherche d'Etudes»). Этот кружок, поддерживаемый владельцем газеты «Фигаро» Робером Эрсаном, проводит различные семинары и учебные курсы, пытаясь «научно обосновать» расистские идеологии фашизма и придать им пристойный вид.

В Англии опыт войны и холокоста, по-видимому, вначале полностью дезавуировал фашистские идеи Мосли¹⁹⁹. Но и здесь были различные мелкие фашистские группировки, объединившиеся в 1967 году в «Национальный фронт» («National Front»). «Национальный фронт» предлагает модель общества, якобы не связанную ни с капитализмом, ни с социализмом и отчетливо ориентирующуюся на фашистский образец. В центре его агитации, окрашенной в националистические и расистские тона, находится требование немедленно прекратить въезд в страну цветных граждан Британского сообщества. Согласно этой аргументации, белую культуру Англии можно защитить лишь в том случае, если вынудить к реэмиграции как можно больше индийцев, пакистанцев и черных. На выборах 1969 года «Национальный фронт» получил 190 000 голосов, то есть лишь 0,6% всего числа поданных голосов. В некоторых промышленных регионах, особенно в лондонском Ист-Энде, его доля достигала, впрочем, почти 20%. За него голосовали и его поддерживали представители всех слоев населения, причем значительную долю их составляли рабочие и молодежь с низким уровнем образования. Хотя с 1979—1980 гг. «Национальный фронт», по-видимому, снова распался на мелкие группы, он заслуживает внимания по той причине, что его требования, враждебные иностранцам, были поддержаны до того уважаемым консервативным депутатом парламента Иноком Пауэллом, который тоже настаивал на немедленном прекращении въезда цветных. По-видимому, ксенофобия и в Англии представляет проблему, политическую опасность которой не следует недооценивать.

Наш краткий обзор истории и структуры так называемых неофашистских движений в Германии, Италии, Франции и Англии показывает, что до сих пор ни одной из этих фашистских партий не удалось создать себе массовую базу. Поскольку мы переживаем теперь тяжелый экономический кризис – число безработных в Англии уже превысило уровень 30-х годов, – можно услышать предупреждения с разных сторон, будто фашизм стоит у дверей. Но эти опасения неоправданны. Демократическая система в Англии, Франции, а также в Италии и Германии теперь намного устойчивее и прочнее, чем была или казалась в междувоенное время. И все же не следует недооценивать опасности, угрожающей со стороны этих «неофашистских» движений.

Заключение. Сравнительная история европейского фашизма.

Во введении мы задались вопросом, имеет ли смысл общее понятие фашизма. Как показывает изложенный обзор истории и структуры различных фашистских движений, на этот вопрос можно ответить утвердительно, хотя и не без некоторых ограничений. Их внешний облик, их идеология, цели и политическая тактика обнаруживают глубокое сходство.

Рассмотренные фашистские партии имели похожий внешний облик. Они были иерархически расчленены по принципу фюрерства, имели обмундированные и вооруженные подразделения и применяли необычный в то время специфический политический стиль. Сюда относились массовые манифестации, массовые марши, подчеркивание мужского и юношеского характера партии, формы некоторой секуляризированной религиозности, проявлявшиеся, например, в освящении знамен, в почитании мертвых, в песнях и празднествах, и наконец, не в последнюю очередь, бескомпромиссное одобрение и применение насилия в политических конфликтах, понимаемых как борьба в буквальном

¹⁹⁹ О неофашизме в Англии: M. Walker. The National Front. Glasgow, 1977; M. Fielding. The National Front. London, 1980; M. Billig. Fascists. A Social Psychological View of the National Front. London, 1978; F. Gress, H. – G. Jas-chke. Neuere Tendenzen der Faschismusanalyse im deutschen und englischsprachigen Bereich. Ein Oberblick // NPL, 27, 1982, 20-47.

смысле этого слова.

У фашистских партий были сравнимые идеологии и цели, отличительным признаком которых была заложенная в их основу амбивалентность. Фашистская идеология, бывшая чем-то большим, чем замаскированная и целенаправленная пропаганда и манипуляция, обнаруживает одновременно антисоциалистические и антикапиталистические, антимодернистские и специфически современные, крайне националистические и тенденциозно транснациональные моменты. Но эти амбивалентные отношения не во всех видах фашизма выступают в одинаковой форме. Между отдельными видами фашизма и в истории каждой отдельной фашистской партии имеются количественные, но не качественные различия.

Антикапиталистические пункты программы, большей частью сформулированные намеренно расплывчатым образом, в ходе развития итальянской НФП и НСДАП все больше отступали на задний план. Они были относительно сильно выражены у венгерских «Скрещенных стрел», у румынской «Железной гвардии», в некоторых частях фаланги, во французской ФНП Дорио и у австрийских национал-социалистов до аншлюса. Напротив, они относительно слабо проявлялись у австрийских хеймверовцев, норвежского «Национального единения», бельгийских рексистов, у некоторых частей остальных французских фашистских партий и у голландской НСС.

Аналогичное отношение было между антимодернистскими и специфически современными элементами внутри фашистской идеологии. Крайне антимодернистские установки обнаруживаются у НСДАП, у «Железной гвардии» и усташей. Но и эти движения никоим образом не отказывались применять специфически современные орудия и методы в пропаганде, политике, военном деле и экономике. Поэтому фашизм вообще нельзя описать ни как исключительный антимодернизм, ни как «порыв к современному» или, тем более, как «социальную революцию».

Наконец, все фашистские партии были ориентированы крайне националистически; большей частью они ориентировались на определенные «славные» периоды соответствующей национальной истории. Но мелкие фашистские движения, вольно или невольно, должны были в некоторой степени считаться с национальными интересами других фашистских движений, и прежде всего фашистских режимов. Именно вследствие такой ориентации на иностранный фашистский образец с этими партиями боролись не только левые, но и правые силы крайне национального направления. Это существенно затрудняло их рост. В особенности это касалось малых фашистских партий, возникших в то время, когда фашистские режимы в Италии и в Германии уже укрепились и проводили главным образом собственную национальную политику: солидарность с этими «братскими» фашистскими партиями причиняла им большой вред. Вообще можно сказать, что напряженность между национальной ориентацией и тенденциозно транснациональной (фашистской) ориентацией и связями фашистских партий невозможно было разрядить. Не случайно усилия устроить по образцу международного коммунистического движения некий «фашистский интернационал» почти ни к чему не привели. Но с другой стороны, именно «третий рейх» умел изображать свою борьбу против большевизма как транснациональную задачу. Многие фашисты из разных стран Европы, вступив в ряды СС, приняли участие в войне за уничтожение Советского Союза. Точно так же именно национал-социализм, интенсивно подчеркивая расовую компоненту своей идеологии, придал ей некую транснациональную окраску, вследствие чего некоторые фашисты из Франции, Бельгии, Голландии и скандинавских стран поддерживали установки «третьего рейха», стараясь установить в Европе «новый порядок» на расовой основе. Однако такое пропагандистское подчеркивание «европейской задачи» «третьего рейха» не могло скрыть того факта, что вся эта борьба под знаком антикоммунизма и транснационального расизма по существу служила целям немецкого империализма.

Далее, все фашистские партии проявляли решительную и бескомпромиссную волю к уничтожению своих политических противников, а также – отчасти произвольно выбранных –

меньшинств. Противники из коммунистических, социал-демократических, либеральных и консервативных партий, с которыми велась безжалостная борьба, в то же время вербовались в собственную партию – что было еще одним свидетельством амбивалентности, лежавшей в основе фашизма. Почти все фашистские партии были – особенно интенсивно направлены против еврейского меньшинства в своих странах. Антисемитизм «обосновывался» религиозными, социальными и больше всего расовыми мотивами. В этом отношении исключением были итальянская ФПИ, испанская фаланга, финское Движение Лапуа, норвежское «Национальное единение» и голландская НСД, не ставившие себе вовсе никаких или относительно умеренные антисемитские цели. Это объяснялось несколькими причинами. Некоторые фашистские партии, например, голландская НСД, избегали открыто антисемитского языка по очевидным тактическим причинам, поскольку это сталкивалось с критикой большей части населения. В других странах антисемитизм не действовал на население, либо по той причине, что – как в случае Норвегии – в стране почти не было евреев, либо – как в Испании – потому что были другие национальные меньшинства, которые считались более опасными, чем малочисленные евреи. Это относится также к Италии, где антисемитские законы были введены сравнительно поздно, но где еще раньше (что теперь часто упускают из виду) преследовали другие национальные меньшинства – словенцев, хорватов и южных тирольцев.

Точно так же упускают из виду, что национал-социалисты наряду с евреями безжалостно преследовали и другие национальные меньшинства (особенно цыган и поляков). Надо заметить, что национал-социалисты не обязательно отличались от других фашистов интенсивностью и грубостью своей воли к уничтожению – достаточно вспомнить террористические меры хорватских усташей и румынской «Железной гвардии» против евреев и других меньшинств. Но бюрократическое совершенство практического осуществления идеологических целей, проявившееся в создании индустрии массового уничтожения евреев, безусловно представляет особый отличительный признак немецкого «радикального фашизма». Если национал-социализм способен был осуществлять свою утопически-реакционную цель расового отбора и расового уничтожения столь бескомпромиссно и с таким безразличием к экономическим, военным и политическим расчетам, то это было связано также с развитием и структурой национал-социализма, которыми он отличался от итальянского фашизма.

Когда ФПИ пришла к власти в 1922 году, у нее было в итальянском парламенте всего 35 мест из 535. Она была обязана своей властью беспримерному террористическому походу, в котором систематически – от деревни к деревне, затем от города к городу и, наконец, от провинции к провинции – запугивали, избивали, истязали и убивали политических противников и разрушали помещения враждебных партий. Напротив, НСДАП после ее неудачного «похода на Берлин» 1923 года хотя и совершала некоторые террористические акты, в основном преследовала цель захватить власть как сильнейшая парламентская партия, а затем уже разгромить с этой позиции изнутри парламентскую систему. На июльских выборах 1932 года она получила 37,2% голосов и 230 из 608 мест в рейхстаге. Несмотря на свои потери на выборах в ноябре 1932 года, НСДАП была еще 30 января 1933 года заведомо сильнейшей политической партией в Германии. Поэтому ей удалось в какие-нибудь четыре месяца устранить своих политических противников и в значительной степени избавиться от своих консервативных союзников. Между тем Муссолини для этого понадобилось почти шесть лет, но и после этого он все еще нуждался в поддержке своих союзников – бюрократии, армии, промышленности и церкви. И хотя поликратическую систему нельзя не заметить и в «третьем рейхе», все же национал-социалистская Германия была намного более тоталитарной, чем итальянское «*stato totalitario*».

Из других фашистских движений только австрийскому хеймверу, румынской «Железной гвардии» и очень слабой испанской фаланге удалось прийти к власти без иностранной помощи. В отличие от Германии и Италии, в этих случаях удалось реализовать концепцию единой консервативной партии. Испанская фаланга, насчитывавшая в 1936 году

только 35 600 членов, составила лишь часть основанной в 1937 году франкистской единой партии, управляемой с самого начала самим Франко, но и в дальнейшем этой партии не удалось избавиться от преобладающего влияния армии, промышленности и церкви. Австрийские хеймверовцы, которых было в 1930 году 150 000, но которые на выборах получили лишь 6% голосов, под властью авторитарных правительств Дольфуса и фон Шушнига шаг за шагом теряли свое влияние и, наконец, полностью лишились независимости. Румынская «Железная гвардия», получившая на выборах 1937 года 16% голосов и 66 из 390 мест в парламенте, хотя и была сначала допущена в правительство Антонеску, но затем была уничтожена кровавыми преследованиями.

Венгерские «Скрещенные стрелы», получившие на выборах 1935 года 25% голосов, как и хорватские усташи и численно незначительное норвежское «Национальное единение» (всего 2,8% на выборах 1933 года), пришли к власти лишь при поддержке иностранных фашистских держав, в особенности «третьего рейха»; и в своей деятельности более или менее зависели от немецкой защиты и от оккупационных властей.

Из остальных фашистских движений лишь фашистские движения во Франции имели массовую базу. Далее, заслуживают упоминания фашистские партии в Англии, Финляндии, Бельгии и Голландии, добившиеся определенного, хотя и временного политического влияния, тогда как фашистские партии в Дании и Швеции остались незначительными сектами всего из нескольких тысяч членов. Между тем режимы в Словакии, Польше, балтийских государствах, Болгарии и Португалии скорее относятся к группе авторитарных, а не фашистских диктатур.

Если попытаться подразделить отдельные фашистские движения по географическим признакам, то трудно прийти к отчетливым корреляциям. В Северной и Западной Европе наряду с относительно сильными фашистскими движениями – во Франции, затем, с некоторым интервалом, в Англии, Бельгии и Финляндии – были и крайне слабые – в Швеции, Дании и Голландии. Подобным же образом обстояло дело в Центральной и Южной Европе. В отличие от Германии, Италии и Австрии, в Швейцарии, а также в Чехословакии были только очень слабые фашистские партии. В Восточной и Юго-Восточной Европе были сильные фашистские движения в Хорватии, Венгрии и Румынии, в то время как в Польше, балтийских государствах, Болгарии и Греции они были крайне малы или вовсе отсутствовали. В Испании и особенно в Португалии ранее существовавшие, относительно слабые фашистские партии были включены в единую государственную партию страны и тем самым лишены самостоятельного значения.

Разделение по социально-экономическому принципу приводит к еще большим, почти неразрешимым трудностям. И в высоко развитых промышленных, и в аграрных обществах существовали как сильные, так и слабые фашистские движения. Общие теории, связывающие фашизм с определенной стадией развития капитализма или процесса модернизации, не выдерживают критики.

Поскольку фашистские партии возникли в межвоенное время в странах, сильно различавшихся в социально-экономическом отношении, в их социальной базе также видны отчетливые различия. Впрочем, надо заметить, что в этом направлении сравнительное исследование продвинулось еще недостаточно. Для отдельных фашистских партий часто отсутствуют надежные и сравнимые данные о социальном происхождении лидеров, активистов, членов и избирателей, поддерживавших эти партии. Сверх того, социальный состав фашистских партий менялся в зависимости от региона и времени. Примером может служить НСДАП, первоначально рекрутировавшая своих членов почти исключительно из старой мелкой буржуазии, но затем, в отдельных регионах, также из новой мелкой буржуазии и из рабочих. Фашистские секты, подобно фашистским партиям, рекрутировали своих членов в начальной стадии преимущественно из студентов, офицеров, служащих, а также отдельных рабочих и крестьян – причем конкретное социальное распределение не удается выяснить из-за их малочисленности. Если отвлечься от этих сект, то из остальных фашистских движений преимущественно мелкобуржуазный характер имели австрийские

хеймверовцы, некоторые французские группы, бельгийские рексисты и финское Движение Лапуа, а также меньшее голландское НСД. Но и здесь заметно сильное различие между старой мелкой буржуазией, состоявшей из крестьян, ремесленников и мелких предпринимателей, и новой мелкой буржуазией, из служащих и чиновников. Преимущественно аграрный тип имели, наряду с Движением Лапуа, австрийские хеймверовцы, тогда как голландское НСД находило опору в городах. Напротив, относительно высокую долю рабочих имели венгерские «Скрещенные стрелы» (по оценкам, 41%), французская ФНП и, с некоторым интервалом, также «Британский фашистский союз», австрийские национал-социалисты и фаланга (на ее начальной стадии). Венгерские «Скрещенные стрелы», румынскую «Железную гвардию», а также хорватских усташей, несомненно, можно рассматривать как партии нижних слоев населения. Однако при нынешнем состоянии сравнительного исследования фашизма нельзя еще прийти к выводу, надо ли рассматривать фашизм вообще как мелкобуржуазную или как народную партию.

Как бы ни было важно, впрочем, дальнейшее изучение социальной базы фашизма в целом, не следует упускать из виду, что эта проблема не только дополняется вопросом о социальной функции фашизма, но и приобретает в свете этого вопроса относительный характер. В конце концов, фашизму удалось развиваться не только собственной силой: он опирался на поддержку промышленников, аграриев и буржуазных партий. Впрочем, вульгарно-марксистский вопрос *сui bono* [«Кому выгодно» (лат. поговорка). Прим. перев.] здесь тоже не очень помогает. Картина фашизма, каким его представляют в общем виде коммунистические теоретики, пожалуй, соответствует лишь «Французская солидарность» («*Solidarite Francaise*»), которую основал и финансировал французский парфюмерный фабрикант Коти. Их повторяющиеся утверждения, что фашистские партии с самого начала финансировались и направлялись влиятельными промышленными кругами, не подтвердились, а скорее опровергнуты проведенными до сих пор исследованиями. Впрочем, как раз в этом случае в исследованиях остаются еще большие пробелы. Наряду с НФП, получившей в начальной фазе значительную финансовую и политическую поддержку аграриев, можно выявить ассигнования в пользу австрийских хеймверовцев, финского Движения Лапуа и бельгийских рексистов. НСДАП также получала материальные пожертвования от промышленников и аграриев. Однако более крупные суммы ей начали выплачивать лишь после того, как она стала массовой партией. В конечном счете политическая поддержка НФП и НСДАП со стороны промышленной и аграрной элиты, а также консервативных политических сил была важнее финансовой. Но если в Италии и Германии возник «союз» фашистской партии с промышленными, аграрными и консервативными политическими силами, то в других странах, где были фашистские партии с массовой базой, этого не произошло.

Преыдушие исследования были посвящены прежде всего проблеме, какие социальные и экономические факторы лежали в основе развития фашизма; между тем то обстоятельство, что фашистские партии представляли особую притягательную силу для относительно молодых людей, хотя и было отмечено, но до сих пор не было сколько-нибудь удовлетворительно объяснено. Сравнительное исследование фашизма с позиций социальной психологии едва началось. Мы еще не знаем, верно ли и в какой степени верно, что преимущественно молодые люди и почти исключительно мужчины, ставшие в Европе сторонниками фашизма, отличались определенными психическими признаками, такими, как страх, агрессивность и другие авторитарные черты характера.

Напротив, поддерживаемый почти всеми теоретиками фашизма тезис, по которому фашистские партии возникают и растут в ситуации кризиса, был подтвержден. Однако дело здесь не только в масштабе экономического кризиса, но главным образом в том, вызывал ли экономический кризис также кризис в социальной и политической области. Здесь действуют различные тормозящие и стимулирующие факторы. Но при нынешнем состоянии исследований еще не удастся установить надежные корреляции между тяжестью и масштабом хозяйственного кризиса и другими политическими и социальными факторами.

Оказалось, что для сохранения демократии и защиты от фашизма важнее всего готовность к компромиссу буржуазных, аграрных и социал-демократических партий. Швеция и Норвегия показывают пример того, как союз социал-демократической и соответствующей крестьянской партии при пассивной поддержке консерваторов и либералов привел к тому, что фашистские партии остались в положении незначительных сект. Пример Голландии показывает, что существование прочно сложившихся сред или «лагерей» – католического, социал-демократического и протестантского – точно так же могло преградить путь развитию фашизма. Подобную же способность к сопротивлению проявили также католический и – в меньшей степени – социал-демократический электорат во время Веймарской республики. Но существование национальных и религиозных меньшинств, как правило, способствовало поляризации демократической системы и тем самым росту фашизма. В этом смысле Швейцария представляет исключение, поскольку в этой стране вопросы о языках и о правах меньшинств были образцовым способом решены, так что фашистские партии не могли воспользоваться ими для своей агитации. Наконец, в некоторых странах (Дания, Швеция, Норвегия) государственный интервенционизм и принцип дефицитных затрат позволили быстрее справиться с проблемой безработицы, что опять-таки помешало фашистским партиям использовать в своей агитации экономическое положение. В целом надо сказать, что мы еще не знаем, какие формы экономического кризиса, поразившего почти все страны Европы, способствовали в этих странах развитию фашизма.

В некоторых странах росту фашистских партий способствовало существование антипарламентских массовых движений, уже в 19 веке выдвигавших националистические, антисоциалистические, антикапиталистические и антисемитские цели. Сюда относятся «Общенемецкая партия» в Австрии, итальянская «Националистическая ассоциация» и, прежде всего, французская «Аксьон Франсэз». Однако можно ли считать эти движения «раннефашистскими», не очевидно. Это понятие, как и понятие «филофашизма», представляет просто некоторую вспомогательную конструкцию. Что же касается выражения «неофашизм», то оно проблематично, и, пожалуй, от него лучше отказаться, так как все фашистские партии, возникшие после 1945 года, в идеологическом и организационном отношении однозначно отражали «классические» фашистские образцы. Если бы в них действительно развились новые элементы, то для них следовало бы ввести другое название.

В целом европейские фашистские движения отличаются некоторым разнообразием, в котором прежде всего выделяются, отличаясь от других, немецкий «радикальный фашизм» и итальянский «нормальный фашизм». Однако можно, по крайней мере эвристически, придерживаться общего, хотя и весьма дифференцированного понятия фашизма. При этом сохраняет свою силу принципиально правильное напоминание Анджело Таска: «Определить фашизм – значит прежде всего написать историю фашизма». Как показывает превосходный собственный труд Таска об истории итальянского фашизма, это вовсе не значит, что при сравнительном изучении фашистских движений надо отказаться от теорий, тезисов и даже гипотез, высказанных в течение уже 60-летней международной дискуссии о фашизме. Они должны быть соединены в «теории среднего радиуса действия», поскольку «разнообразие» фашистских движений и перемены в ходе развития каждого из них не позволяют объяснить этот предмет из единого принципа или построить его глобальную теорию. Поиск такой все исчерпывающей и все объясняющей глобальной теории в настоящее время вряд ли нужен и ведет лишь к бесплодным спорам об определении понятий. Важнее и полезнее продолжить эмпирическое, плюралистическое в своих методах сравнительное исследование фашизма.

Послесловие к русскому изданию²⁰⁰

Каждая книга имеет свою судьбу. Некоторые из них устаревают, вытесняются другими

²⁰⁰ Это послесловие написано автором в начале 2000 года специально к выходу русского издания книги и публикуется здесь впервые.

изданиями, и, в конечном счете, их забывают. Но есть и такие книги, которые остаются востребованными, несмотря на время, и хотя они требуют отдельных поправок, их главные тезисы сохраняют актуальность. Предлагаемая книга, немецкий оригинал которой был опубликован еще в 1983 году (в 1992 году вышел китайский перевод), принадлежит ко второй категории, поскольку содержит неоспоримый основной тезис. Он заключен уже в названии – «Европейский фашизм в сравнении» – и состоит в том, что были и все еще есть режимы, которые следует рассматривать как фашистские, поскольку сравнение обнаруживает в них значительные общие черты²⁰¹. Это касается уже внешнего облика таких фашистских партий – их мундиров и иерархического устройства; далее, их псевдорелигиозного политического стиля, прославляющего насилие; и, наконец, их идеологии (антисоциалистической или антикапиталистической, модернистской или антимодернистской, националистической и главным образом расистской), имеющей программный, а не просто пропагандистский характер.

Конечно, имеются различия в фашистских движениях, зависящие от их социально-экономических предпосылок, поскольку эти движения возникли и развились как в высокоразвитых, так и в слаборазвитых капиталистических обществах; но эти экономические и социальные структуры мало на них влияли. Таким образом, между влиянием фашистской партии и уровнем развития капиталистического общества нет определенной и постоянной зависимости. Это ставит под сомнение как марксистские классовые теории, так и буржуазные теории модернизации²⁰².

Не опровергнут, однако, неизменно повторяемый марксистами тезис о прокапиталистической основной функции фашизма. Впрочем, он не объясняет, почему все фашистские партии имели некапиталистическую социальную базу. Их члены и их избиратели происходили из всех социальных слоев, и преимущественно из мелкой буржуазии²⁰³. И все же было бы ошибкой считать фашистские партии «мелкобуржуазными» или, тем более, «народными» партиями. По-видимому, более важное значение имели не социальные, а социально-психологические факторы²⁰⁴, причем не следует недооценивать роль и притягательную силу фашистской идеологии.

Фашистские партии пришли к власти в тех странах, где существовало равновесие социальных классовых сил, вследствие чего там образовался «союз» между консервативными элитами и партиями, с одной стороны, и фашистскими движениями, с другой²⁰⁵. В итальянском «нормальном» фашизме²⁰⁶ этот «союз» в основном сохранился. Но в Германии фашистская исполнительная власть смогла добиться далеко идущей самостоятельности, что позволило ей осуществить свою расистскую программу беспримерно радикальным и жестоким образом. Во внутренней политике в эту программу входила «очистка народного тела» от всех «асоциальных» и «наследственно больных» элементов, а во внешней – конструирование иерархического «расового порядка». Поэтому резким

²⁰¹ Об этом подробно написано в Заключении данной книги.

²⁰² По поводу этих и упоминаемых дальше теорий фашизма см. дальнейшие сведения в: W. Wippermann. *Faschismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute.* Darmstadt, 7. Aufl. 1997.

²⁰³ См. также: E. Muhlberger (Ed.). *The Social Basis of European Fascist Movements.* London, 1987. Как и прежде, важно и необходимо: St. Larsen et al. (Eds.). *Who Were the Fascists? Social Roots of European Fascism.* Bergen, 1980.

²⁰⁴ Дальнейшие материалы см. в: W. Wippermann. *Faschismus und Psychoanalyse. Forschungsstand und Forschungsperspektiven* // В. Loewenstein (Hg.). *Geschichte und Psychoanalyse. Annäherungsversuche.* Pfaffenweiler, 1992, 261—274.

²⁰⁵ Я ссылаюсь здесь на теорию бонапартизма Маркса и Энгельса. См. об этом: W. Wippermann. *Die Bonapartismustheorie von Marx und Engels.* Stuttgart, 1983. Общие сведения об отношениях между европейскими консерваторами и фашистами см. в весьма поучительном новом сборнике: M. Blinkhorn (Ed.). *Fascists and Conservatives. The radical right and the establishment in twentieth-century Europe.* London, 1990.

²⁰⁶ Дифференциация итальянского «нормального» и немецкого «радикального» фашизма ведет начало от: E. Nolte. *Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen.* München, 1968, 87.

немецкого «радикального» фашизма можно назвать «расовым государством»²⁰⁷.

Некоторые фашистские режимы в Восточной и Южной Европе отличаются как от итальянского «нормального», так и от немецкого «радикального» фашизма, так как в этих странах не было вовсе никаких фашистских партий или они были крайне слабы. Здесь фашизм спускался «сверху», а не поднимался к власти снизу в виде массовой фашистской партии, причем он больше опирался на полицию и армию, чем на уже имеющуюся фашистскую партию, если она вообще была²⁰⁸.

Всего было три варианта фашизма, находившегося у власти: итальянский «нормальный» фашизм, немецкий «радикальный» фашизм и фашизм «сверху» в балтийских странах, Польше, Венгрии, Румынии, а также в Испании и Португалии. Особый случай представляли фашистские режимы-сателлиты в Хорватии, Словении, а также кратковременное господство «Скрещенных стрел» в Венгрии в конце войны. С известным основанием можно, наконец, считать фашистскими некоторые партии и режимы, возникшие после 1945 года²⁰⁹.

Следует отличать фашистские партии от фашизма, стоящего у власти, и точно так же – итальянский «нормальный» фашизм от немецкого «радикального» фашизма и оба последних – от фашизма «сверху». Наконец, необходимо учитывать еще «неофашистские» партии и режимы. Таким образом, фашизм имеет различные «разновидности»²¹⁰. Несмотря на это, не возникает сомнения в правомерности общего понятия фашизма.

Однако именно этот тезис теперь оспаривается еще больше, чем во время возникновения этой книги. Утверждают, что фашизма не было вообще, во всяком случае вне Италии. Какие же аргументы выдвигаются против применения общего понятия фашизма?

В первую очередь это политические аргументы. Указанная направленность отчетливо видна в высказывании американского историка Генри Эшби Тернера, который в 1972 году выразил опасение, что «нашу систему вряд ли можно защитить», если соответствует действительности «широко распространенная точка зрения, что фашизм есть продукт современного капитализма»²¹¹. Впрочем, Тернер не оспаривает в принципе общее понятие фашизма, а выступает лишь против основной аксиомы марксистских теоретиков, по которой фашизм возник исключительно в капиталистических обществах и никоим образом не случайно, а с целью установить, по заданию или в союзе с определенными капиталистическими «элементами», «открытую террористическую диктатуру». Еще более радикально и решительно выступил против использования общего понятия фашизма немецкий политолог Карл Дитрих Брахер в ряде своих публикаций²¹². Брахер хотел бы вообще видеть в понятии фашизма лишь «продукт» происходившего в это время на Западе «ренессанса марксизма», прямо угрожавшего парламентской демократии и свободе. Для боннского коллеги Брахера Ганса Гельмута Кнеттера фашизм не что иное, как «недопустимо обобщенное обозначение, применяемое крайними левыми во внутривнутриполитической борьбе»²¹³.

Политически мотивированная критика общего понятия фашизма особенно обострилась в воссоединенной Германии. Наряду с политиками некоторые политологи и даже историки

²⁰⁷ О понятии и практике «расового государства» см.: M. Burleigh/W. Wippermann. *The Racial State. Germany 1933—1945*. Cambridge, 1991, 5. Aufl. 1998.

²⁰⁸ Эта мысль развита в статье: W. Wippermann. «Zone der Gegenrevolution»? *Der ostmitteleuropäische Faschismus in Vergangenheit und Gegenwart* // P. Gerlich et al. (Hg.) *Im Zeichen der liberalen Erneuerung. Liberale Strömungen und antiliberalen Traditionen Mitteleuropas*. Wien; Poznan, 1996, 157—166.

²⁰⁹ Подробнее об этом см. на последних страницах Послесловия.

²¹⁰ E. Weber. *Varieties of Fascism. Doctrines of Revolution in the 20th Century*. London, 1964.

²¹¹ H. A. Turner. *Faschismus und Kapitalismus in Deutschland*. Göttingen, 1972, 7.

²¹² K. D. Bracher. *Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie*. München, 1976, 14 ff.; Id. *Der Faschismus* // *Meyers Enzyklopädisches Lexikon*. Bd. 8. München, 1973, 547 ff.

²¹³ H. – H. Knütter. *Hat der Rechtsradikalismus in der Bundesrepublik eine Chance?* // *Bundesministeriurn des Innern* (Hg.). *Sicherheit in der Demokratie. Die Gefährdung des Rechtsstaates durch Extremismus*. Köln, 1982, 113.

утверждают, что фашизм и особенно антифашизм²¹⁴ – «коммунистические лозунги», заимствованные из языка пропаганды ГДР, а также из словесного арсенала «левых экстремистов», стремящихся не только дискредитировать своих политических противников «пугалом фашизма»²¹⁵, но и подорвать капиталистическую экономическую систему и основы парламентского строя.

Эта политически мотивированная лингвистическая критика выражается столь же политически направленной языковой установкой, проявляющей уже почти оруэлловские черты. В нынешней Германии предпочитают не употреблять слово «фашизм», а говорить о «национал-социализме», «третьем рейхе» или просто о «Гитлере», если имеется в виду прошлый немецкий фашизм; а если речь идет о современных фашистских движениях в Германии и за ее пределами, их называют «праворадикальными», «правоэкстремистскими» или просто «экстремистскими». Но такие стражи политической корректности немецкого языка не замечают, что этим они себя изолируют от окружающего мира, поскольку в соседних с Германией западных и восточных странах понятие «фашизм» находится в общем употреблении: им по-прежнему пользуются и в научном, и в повседневном языке.

Немецкие, а также некоторые другие историки и политологи, критикуя общее понятие «фашизм», защищают вместе с тем понятие «тоталитаризм» и, сверх того, требуют заменить прокоммунистически окрашенный термин «антифашизм» так называемым «основным антитоталитарным консенсусом»²¹⁶. И в этом случае определяющую роль играют, несомненно, политические мотивы. Это проявляется в двух отношениях. Политически мотивируется уже далеко идущее отождествление фашизма и коммунизма, вследствие чего понятие тоталитаризма часто принимает преимущественно антикоммунистический характер. К этому прибавляется идеализация парламентской демократии, которая ограждается от любой критики; она превращается в неоспоримую позитивную противоположность отрицательному «тоталитаризму» или «экстремизму» коммунистического или фашистского толка.

К тому же термины «тоталитаризм» и еще больше «экстремизм» наводят на мысль, что демократии угрожают лишь крайние левые и правые партии политического спектра. Такая политологическая «модель полукруга», идущая от известного размещения мест полукругом в некоторых парламентах, имеет два слабых места. Прежде всего, демократии угрожают, конечно, не одни только крайние антидемократические партии левой и правой ориентации. Опасность может исходить также сверху или из середины общества, как это показывает крушение Веймарской республики, которая была разрушена сверху и из середины еще до прихода Гитлера к власти. Другая, вероятно, намеренно допускаемая слабость «модели полукруга» – ее неопределенность. В самом деле, границы «экстремальных зон» этого полукруга весьма существенным образом зависят от политической воли наблюдателя, который решает, какие партии надо считать еще демократическими, а какие уже «левоэкстремистскими» и «правоэкстремистскими»²¹⁷.

Поэтому нельзя ограничиться такой политически мотивированной критикой понятий экстремизма и тоталитаризма, хотя и несущих политическую окраску. «Тоталитаризм», подобно «фашизму», имеет двойственный характер. Он был и остается не только термином научной теории, но и политическим лозунгом. Но теория может быть оправдана лишь сравнением с опытом, а в этом отношении смешение понятий фашизма и тоталитаризма

²¹⁴ В ФРГ появились различные работы, сводящие счеты с «антифашизмом», ошибочно трактуемым как исключительно коммунистическое явление. Ср.: N. Grunenberg. Antifaschismus – Ein deutscher Mythos. Rein-bek, 1993; C Keller et cd. (Hg.) Die Nacht hat zwölf Stunden, dann kommt schon der Tag. Antifaschismus, Geschichte und Neubewertung. Berlin, 1996.

²¹⁵ Н. – Н. Knutter. Die Faschismuskeule. Das letzte Aufgebot der Linken. Berlin, 1993.

²¹⁶ О положительных сторонах и слабостях концепции тоталитаризма: W. Wippermann. Totalitarismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. Darmstadt, 1997.

²¹⁷ К критике теории экстремизма и «модели полукруга»: W. Wippermann. Totalitarismustheorien, 45 ff.; Id. Verfassungsschutz und Extremismusforschung: Falsche Perspektiven // J. Mecklenburg (Hg.). Braune Gefahr. DVU, NPD, REP. Geschichte und Zukunft. Berlin, 1999, 268—280.

обнаруживает свои слабости. Так, все теоретики тоталитаризма недооценивают значение расизма в фашистской идеологии. Отождествляя фашистскую идеологию с марксистской, они упускают из виду, что при фашистских и коммунистических режимах террор был направлен против различных групп населения – фашистское расовое убийство отличается от большевистского классового убийства. Это важнейший критический довод.

Кроме того, наиболее известная модель тоталитаризма, принадлежащая Карлу Иоахиму Фридриху и Збигневу Бжезинскому, носит упрощенно типизированный и статический характер²¹⁸. В ней словно не принимается во внимание, что и тоталитарные режимы могут меняться (что несомненно происходило в коммунистических государствах после XX съезда КПСС в 1956 году). Не переоценивая масштабов так называемой «десталинизации» общества, надо признать, что Советский Союз все же начал проводить под руководством М. Горбачева политику реформ, хотя и малоуспешную внутри страны, но сделавшую возможным мирное устранение восточноевропейских сателлитных режимов. Фашистские государства не в состоянии представить ничего даже отдаленно напоминающего такое развитие событий. Либерализация не свойственна фашистским режимам, напротив, они принимают все более экстремистский характер. Прежде всего это относится к «радикально фашистской» Германии, которая вела «тотальную войну» с единственным возможным исходом – «тотальным поражением». Никогда не могло быть немецкой политики разрядки и «немецкого Горбачева».

Упрощенно типизированная модель тоталитарного государства Фридриха и Бжезинского страдает и другими недостатками. Например, не могло быть и речи о том, чтобы в фашистской Германии существовала «командная экономика», сравнимая с советской; в фашистских государствах, в отличие от коммунистических, экономика не стала государственной. Неверным оказался и тезис, по которому во главе тоталитарных и монолитно замкнутых однопартийных режимов стоит всемогущий «вождь». «Третий рейх» имел скорее некоторый поликратический характер²¹⁹. Есть также определенные признаки, что и власть Сталина не была безгранична.

Мы не будем здесь подробнее касаться прочих теорий тоталитаризма, предложенных Ганной Арентт, Эрвином Фаулем, Якобом Тальмоном, Эриком Фегелином и другими, поскольку они не были приняты ни в исследованиях коммунизма, ни в исследованиях фашизма и национал-социализма. Заметим только, что классические теории тоталитаризма оказались не в состоянии объяснить историческую действительность, а потому никоим образом не превосходят теорий фашизма.

Приведем последний аргумент. Правомерность общего понятия фашизма, как мы подробнее рассмотрим ниже, оспаривается, главным образом, на том основании, что различия между фашистскими движениями существеннее их сходства. Если бы это утверждение было справедливо (а в действительности это не так!), то оно еще в большей степени относилось бы к общему понятию тоталитаризма. В самом деле, различия между коммунистическими и фашистскими партиями или режимами много существеннее, чем между фашистскими.

Обратимся еще к одному возражению против правомерности общего понятия фашизма, тоже несомненно политически мотивированному и тоже заслуживающему серьезного внимания. Оно связано с опасением, что включение «третьего рейха» в группу фашистских режимов приведет к релятивизму в восприятии и оценке беспримерных преступлений немецкого фашизма – или, если принять провокационный тезис Даниэля Гольдгагена²²⁰, преступлений «немцев», поскольку холокост не сравним ни с каким преступлением²²¹. По

²¹⁸ С. J. Friedrich, Z. Brzezinski. Totalitare Diktatur. Stuttgart, 1957. К нижеследующей критике: W. Wippermann. Totalitarismustheorien, 21 ff.

²¹⁹ Дальнейший материал и общее состояние новейших исследований о «третьем рейхе»: W. Wippermann. Umstrittene Vergangenheit. Fakten und Kontroversen zum Nationalsozialismus. Berlin, 1998.

²²⁰ D. J. Goldhagen. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996.

²²¹ Так пишет уже S. Friedlander. Kitsch und Tod. Der Widerschein des Nazis-mus. Munchen, 112 f.: «Нацизм

этому вопросу возникли разногласия, получившие название «спор историков»²²².

«Спор историков» был вызван провокационным вопросом немецкого историка Эрнста Нольте: «Не осуществили ли национал-социалисты, не осуществил ли Гитлер свое „азиатское“ деяние лишь потому, что они и им подобные считали себя потенциальными или подлинными жертвами некоего „азиатского“ деяния? Не предшествовал ли Освенциму Архипелаг Гулаг?»²²³. Этим тезисом, развитым им позже в объемистом томе о «европейской гражданской войне между национал-социализмом и большевизмом»²²⁴, Нольте отмежевался от защищаемой прежде общей концепции фашизма, чтобы сделать более радикальной доктрину тоталитаризма. Коммунизм и фашизм (соответственно, национал-социализм) были для него равны или, по крайней мере, сравнимы. Нольте рассматривал коммунизм (соответственно, большевизм) как предпосылку фашизма, который лишь защищался от более раннего и намного более агрессивного большевизма. При этом совершенные фашизмом преступления обретали в определенном смысле превентивный характер.

В «споре историков» утверждение Нольте о причинной связи между ранним коммунистическим классовым убийством и поздним расовым убийством национал-социалистов вызвало резкие и бескомпромиссные возражения ряда немецких и иностранных историков и публицистов. Как они полагали, такое утверждение вело к недопустимому сравнительному упрощению беспрецедентных преступлений холокоста. Некоторые критики Нольте даже считали, что уничтожение национал-социалистами евреев было преступлением не только единственным в своем роде, но и в конечном счете необъяснимым²²⁵, стоящим на «границе понимания»²²⁶.

Но это не было последним словом в споре. После совершенно неожиданного краха коммунизма в Европе произошло столь же неожиданное возрождение теории тоталитаризма, причем общая допустимость сравнения коммунизма и национал-социализма теперь уже почти не оспаривается. При этом мирятся с тем, что «каждое структурное сравнение [...] неизбежно приводит также к релятивизму в восприятии ценностей культуры», как откровенно признает один из сторонников подобных умозрительных сопоставлений²²⁷. Это делается вполне сознательно и с политической целью. С немецкой точки зрения, такие сравнения преступлений немцев с преступлениями «других» могут и должны привести к релятивизму в отношении их собственной вины. Именно это пытались делать в историко-политических дебатах о Гольдгагене²²⁸, о «Черной книге коммунизма»²²⁹ и о речи писателя

составляет препятствие для марксистской историографии. Она все время об него спотыкается. Можно объяснить возникновение движения в общественных категориях, захват власти – исходя из экономических интересов. Но после этого, кажется, ничто не соответствует этой схеме. Если ее придерживаться, то надо удалить: центральную роль Гитлера, основы его расовой политики, его войну на Западе, в особенности объявление войны США, и, наконец, его политику преследования евреев. [...] Оно (т. е. марксистское толкование фашизма) означает не что иное, как доведенную до чрезмерности нормализацию на основе заранее заданной понятийной рамки».

²²² К этому: Н. – U Wehler. *Entsorgung der deutschen Vergangenheit? Ein polemischer Essay zum «Historikerstreit»*. Munchen, 1988; R. Evans. *Im Schatten Hitlers? Historikerstreit und Vergangenheitsbewältigung in der Bundesrepublik*. Frankfurt/M., 1991.

²²³ E. Nolte. *Vergangenheit, die nicht vergehen will // «Historikerstreit» – Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung*. Munchen, 1987, 39-47, 45.

²²⁴ E. Nolte. *Der europäische Bürgerkrieg 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus*. Berlin, 1987.

²²⁵ D. Diner. *Zwischen Aporie und Apologie. Ober Grenzen der Historisierbarkeit des Nationalsozialismus // Id. (Hg.). Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zur Historisierung des Historikerstreits*. Frankfurt/M., 1987, 62-73.

²²⁶ H. Loewy (Hg.). *Holocaust: Die Grenzen des Verstehens. Eine Debatte über die Besetzung der Geschichte*. Reinbek, 1992.

²²⁷ / Geiss. *Hysterikerstreit*. Bonn, 1992, 120.

²²⁸ Ср. по этому поводу: W. Wippermann. *Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse*. Berlin, 2. Aufl. 1997.

²²⁹ S. Courtois et cd. *Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror*. Munchen, 1998. К критике: J. Mecklenburg/W. Wippermann (Hg.). *«Roter Holocaust»? Kritik des Schwarzbuchs des Kommunismus*. Hamburg, 1998.

Мартина Вальзера²³⁰. Но мы не можем и не должны далее углубляться в этот вопрос, поскольку указанные дебаты лишь косвенным образом связаны с проблемой общего понятия фашизма.

Косвенным образом, потому что от тезиса о беспрецедентности холокоста, столь единодушно и решительно выдвинутого в ответ на утверждения Нольте еще во время «спора историков», теперь отказываются, пусть еще и не открыто, но уже обходя его молчанием. Впрочем, было бы нечестно упрекать сторонников общего понятия фашизма в их релятивистском подходе к холокосту, если они действительно не признают его особый характер. К тому же исключительность холокоста отрицается далеко не всеми исследователями и теоретиками фашизма – по большому счету любое историческое событие исключительно. Собственно, это делали только некоторые марксисты-догматики, пытавшиеся объяснить сущность фашизма почти исключительно ссылкой на его прокапиталистическую функцию; при этом они недопустимо недооценивали роль антисемитской и расистской идеологии. Но эти марксисты, не придававшие должного значения холокосту по идеологическим, а также по политическим (точнее – антисемитским) мотивам, в настоящее время играют совсем незначительную роль²³¹.

Напротив, исследователи и теоретики фашизма, как правило, совсем не склонны к релятивизму в отношении холокоста, и им незачем это делать. Во всяком случае, это справедливо, когда они должным образом учитывают программное значение фашистской идеологии и, в частности, ее расистской составляющей. При этом расизм никоим образом не тождественен антисемитизму и не сводится к нему²³².

Под расизмом обычно понимаются теории и представления, исходящие из врожденной неравноценности различных человеческих рас; но, по мнению современных антропологов, рас вообще не существует, поскольку все люди столь различны и в то же время столь одинаковы, что деление людей на расы неправомерно. Наряду с этим антропологическим расизмом есть еще биологический, или социальный, расизм, предполагающий генетически обусловленную неравноценность людей и требующий на этом основании препятствовать размножению всех «наследственно больных» и «асоциальных» или просто убивать их, создавая в то же время для всех «здоровых» и «дееспособных» наилучшие условия воспроизводства. Однако вопрос о роли биологического и антропологического расизма не исчерпывает всей его сущности. Речь идет об идеологии программного характера. Объявленные расистами планы перевоспитания или уничтожения рас были не только средством для достижения империалистической цели; они были также расистской самоцелью²³³.

Это видно в особенности из расовой политики немецкого «радикально фашистского» государства²³⁴. Немецкие фашисты хотели с помощью, как они выражались, «очистки народного тела» от всех «расово чуждых», «наследственно больных» и «асоциальных

²³⁰ К этому: W. Wippermann. Geschichtspolitik. Zu aktuellen zeitgeschichtlichen Kontroversen // Praxis Politische Bildung, 3, 1999, 285—289.

²³¹ Все же марксистские исследования фашизма никоим образом не прекратились. Ср., например: K. Fritzsche. Faschismustheorie: Konzeptionen, Kontroversen und Perspektiven // F. Neumann (Hg.). Handbuch. Politische Theorien und Ideologien. Bd. I. Opladen, 1995, 179—228.

²³² По поводу следующего определения расизма: W. Wippermann. Was ist Rassismus? Ideologien, Theorien, Forschungen // B. Danckwortt et al. (Hg.). Historische Rassismusforschung. Ideologen – Täter – Opfer. Hamburg, 1995, 9-33; Id. «Gefangnisse von langer Dauer». Состояние и задачи исторического исследования расизма в: С. Lepp/B. Danckwortt (Hg.). Von Grenzen und Ausgrenzung. Interdisziplinäre Beiträge zu den Themen Migration, Minderheiten und Fremdenfeindlichkeit. Marburg, 1997, 159—174.

²³³ Этого не признают такие теоретики расизма, как Роберт Миллс и Стюарт Холл, объясняющие расизм преимущественно на основе его политической и социальной функций. Социально-психологические подходы к объяснению расизма, предложенные Альбертом Мемми и другими, слишком ориентированы на современный расизм и пренебрегают фашистским. См. хороший обзор в: J. Zerger. Was ist Rassismus? Eine Einführung. Göttingen, 1997.

²³⁴ Подробнее об этом: M. Burleigh/W. Wippermann. The Racial State. Связь исследования расизма с исследованием фашизма все еще остается неразработанной.

элементов» создать этнически и социально однородное, здоровое и дееспособное «народное сообщество», то есть «расу господ», превосходящую все другие народы и расы и тем самым имеющую право устроить новый мировой порядок по иерархическим и расистским критериям. Это имели в виду фашистские идеологи, когда провозглашали будущий «тысячелетний рейх». Жертвами этого «радикально фашистского» немецкого «расового государства» стали, наряду с «асоциальными» и «наследственно больными», прежде всего евреи, а также цыгане и славянские народы, также рассматривавшиеся как «неполноценные».

Это никак не связано с релятивизмом по отношению к холокосту. Напротив, холокост, под которым в Германии понимают (в отличие от Америки) только убийство евреев, приобретает теперь более емкое значение как часть более массового и более ужасного расового убийства. Оно было в значительной степени осуществлено «радикально фашистским» немецким «расовым государством».

Это, впрочем, не означает, что другие фашистские режимы не имели планов «окончательного решения» расовой проблемы и не проводили соответствующей политики. Расистские требования можно найти в идеологии и программах всех фашистских партий. И все фашистские режимы провели в жизнь хотя бы некоторые из них. В особенности это касается государства хорватских усташей, проводившего истребительный поход с расовой мотивировкой против евреев, цыган, сербов и боснийских мусульман. Итальянский «нормальный фашизм» тоже проводил расовую политику в самой Италии, а в особенности в захваченных странах – Ливии и Абиссинии²³⁵. Прежде всего это коснулось лиц, принадлежавших к славянским меньшинствам, затем так называемых колониальных народов²³⁶, а также итальянских евреев²³⁷ и часто все еще упускаемых из виду цыган²³⁸.

Теперь мы переходим к научным аргументам, выдвинутым против применения общего понятия фашизма. Были ли, в самом деле, различия фашистских движений существеннее их сходства? На этот вопрос можно ответить, лишь применяя сравнительный метод²³⁹. Но подобных исследований по-прежнему недостаточно²⁴⁰. Критика, развитая в 70-е – в начале 80-х годов Гильбертом Аллардайсом²⁴¹, Берндом Мартином²⁴² и Ренцо де Феличе²⁴³, была необоснованной. И все же, по крайней мере, в Германии она достигла своей цели, так как сравнительные исследования фашизма остановились перед «кучей развалин»²⁴⁴.

²³⁵ Ср. по этому поводу: W. Wippermann. War der italienische Faschismus rassistisch? Anmerkungen zur Kritik an der Verwendung eines allgemeinen Faschismusbegriffs // W. Rohr (Hg.). Faschismus und Rassismus. Kontroversen um Ideologie und Opfer. Berlin, 1992, 108—122; E. Collotti. Die Historiker und die Rassengesetze in Italien // Faschismus und Faschisten im Vergleich. Wolfgang Schieder zum 60. Geburtstag. Vierow, 1998.

²³⁶ A. Del Boca. И gas di Mussolini. И fascismo e la guerra d'Etopia. Roma, 1996; G. Schneider. Rassismus und Faschismus: Afrikaner in der italienischen Kolonialpolitik 1936—1941. Phil. Diss. Koln, 1996.

²³⁷ M. Michaelis. Mussolini and the Jews. German-Italian Relations and the Jewish Question in Italy. Oxford, 1978; M. Sarfatti. Mussolini contro gli ebrei. Cronaca dell'elaborazione delle leggi del 1938. Torino, 1994. Этому не противоречит тот факт, что итальянцы также помогали преследуемым евреям, защищая их от холокоста. По этому поводу см.: J. Steinberg. All or nothing. The Axis and the Holocaust 1941—1943. London, 1990.

²³⁸ G. Boursier. Lo sterminio degli Zingari durante la seconda guerra mondiale // Studi Storici. 1995.

²³⁹ Например, английский исследователь фашизма Тим Мейсон в своей последней статье очень решительно указывает, что нацизм был частью большого целого и что фашизм был явлением континентального масштаба. Ср.: T. Mason. Whatever happened to fascism // J. Caplan (Ed.). Nazism, Fascism and the Working Class: Essay by Tim Mason. Cambridge, 1995, 331.

²⁴⁰ Исключение составляет: K. D. Bracher/L. Valiani (Hg.). Faschismus und Nationalsozialismus. Berlin, 1991. Сборник содержит статьи немецких и итальянских историков, указывающих на различия между итальянским и немецким фашизмом.

²⁴¹ G. Allardyce. What Fascism is Not: Thought on the Deflation of a Concept // American Historical Review, 84, 1979, 367—388.

²⁴² B. Martin. Zur Tauglichkeit eines ubergreifenden Faschismus-Begriffs. Ein Vergleich zwischen Japan, Italien und Deutschland // Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte, 29, 1981, 48-73.

²⁴³ R. De Felice. Der Faschismus. Ein Interview mit M. A. Ledeen. Stuttgart, 1977. Ср. по этому поводу: M. Ledeen. Renzo De Felice and the Controversy over Italian Fascism // Journal of Contemporary History, 11, 1976, 269—283.

²⁴⁴ W. Wippermann. Vom «erratischen Block» zum Scherbenhaufen. Ruckblick auf die Faschismusforschung // Th. Nipperdey et al. (Hg.). Weltburgerkrieg der Ideologien. Antworten an Ernst Nolte. Berlin, 1993, 207—215.

Но за пределами Германии дело обстояло иначе. В то время как француз Пьер Экоберри²⁴⁵ и израильтянин Зеев Штернгель²⁴⁶, пользуясь общим понятием фашизма, отказываются от подробных сравнений, итальянские историки, такие, как Лучано Казачи²⁴⁷, Энцо Колотти²⁴⁸, Густаво Корни²⁴⁹, Анджело дель Бока²⁵⁰ и другие, указали общие черты итальянского и немецкого фашизма, а также некоторых других фашистских движений, которые все еще решительно отрицал умерший перед этим Ренцо де Феличе. Подобные сравнения немецкого и итальянского фашизма были проведены также некоторыми английскими и немецкими историками²⁵¹. Напротив, историки, занимавшиеся спорным вопросом, следует ли считать франкистский режим фашистским, как правило (за исключением Стенли Пейна²⁵²), отказывались сравнивать его с другими фашистскими движениями²⁵³. Впрочем, в некоторых работах, посвященных истории отдельных фашистских движений, можно найти замечания сравнительного характера²⁵⁴. Это справедливо и в отношении ряда общих исследований истории фашизма, старых и новых²⁵⁵. Совершенно неудовлетворителен обзор польского историка Ежи В. Борейши, посвященный «фашистским системам в Европе» и ориентированный исключительно на факты; автор всячески избегает спорного вопроса о допустимости применения общего понятия фашизма и одновременно пользуется взаимно исключаящими друг друга понятиями «фашизм» и «тоталитаризм»²⁵⁶. Наилучшие и важнейшие из новых исследований о фашизме в сравнительной перспективе принадлежат англоязычным авторам.

Из них следует упомянуть, например, американца А. Джеймса Грегора²⁵⁷, трактующего, впрочем, понятие фашизма столь широко, что оно распространяется и на коммунистические диктатуры в странах «третьего мира»; а это вынуждает автора исключить из категории фашизма как раз немецкий «радикальный фашизм».

Иначе поступили Стенли Пейн²⁵⁸, а также англичане Роджер Итуэлл²⁵⁹, Роджер Гриффин²⁶⁰ и Уолтер Лакер²⁶¹. Они положили в основу своих сравнительных исследований

²⁴⁵ P. Aycoberry. *La question nazi. Essai sur les interpretations du national-socialisme (1922—1975)*. Paris, 1979.

²⁴⁶ Z. Sternhell. *Neither Right nor Left: Fascist Ideology in France*. Los Angeles, 1986.

²⁴⁷ L. Casali. *Fascismi. Partito, societa e Stato nei documenti del fascismo, del nazionalismo e del franchismo*. Bologna, 1995.

²⁴⁸ E. Collotti. *Fascismo, fascism!*. Firenze, 1989.

²⁴⁹ G. Comi. *Fascismo e fascism!*. Movimenti, partiti, regime in Europa e nel mondo. Roma, 1989.

²⁵⁰ A. Del Boca et al. (ed.). *Il regime fascista. Storia e storiografia*. Roma, 1995.

²⁵¹ R. Bessel (Ed.). *Fascist Italy and Nazi Germany: Comparison and Contrast*. Cambridge, 1996; A. De Grand. *Fascist Italy and Nazi Germany: The Fascist Style of Rule*. New York, 1995; S. Reichard. *Gesellschaften im Ubergang. Uberlegungen zum Vergleich faschistischer Kampfbunde in Italien und Deutschland* // A. Triebe/ (Hg.). *Die Pragmatik des Gesellschaftsvergleichs*. Leipzig, 1997, 139—155.

²⁵² Меньше в: St. G. Payne. *The Franco Regime 1936—1975*. Madison, 1985; но больше в описываемой ниже книге: St. G. Payne. *A history of fascism 1914—1945*. Madison, 1995.

²⁵³ Ни с чем не сравнима обширная биография Франко: P. Preston. *Franco. A biography*. London, 1991. Указание в: J. Tusell et al. (ed.). *El regimen del Franco (1936—1975)*. Politicay Relaciones exteriores. Madrid, 1993; R. Tapia. *Franco «Caudillo»: mito y realidad*. Madrid, 1995. Хорошая сводка состояния исследований: W. Bernecker. *Spaniens Geschichte seit dem Burgerkrieg*. Munchen, 1988.

²⁵⁴ См., например: A. Bauerkamper. *Die «radikale Rechte» in Gro?britannien*. Gottingen, 1991; A. CostaPinto. *Salazar's Dictatorship and European Fascism*. New York, 1995; Th. P. Linehan. *East London fur Mosley. The British Union of Fascists, 1933—1940*. Portland, 1996; M. Cronin. *The Blueshirts and Irish Politics*. Cork, 1997.

²⁵⁵ Из более старых, еще не упомянутых в этой книге, следует указать: R. A. Robinson. *Fascism in Europe*. London, 1981; N. O'Sullivan. *Fascism*. London, 1983.

²⁵⁶ J. W. Borejsza. *Schulen des Hasses. Faschistische Systeme in Europa*. Frankfurt/M., 1999.

²⁵⁷ A. J. Gregor. *The Ideology of Fascism*. New York, 1969; Id. *The Fascist Persuasion in Radical Politics*. Princeton, 1974; Id. *Italian Fascism and Development Dictatorship*. Princeton, 1979.

²⁵⁸ St. G. Payne. *Fascism. Comparison and Definition*. Madison, 1980; Id. *A History of Fascism 1914—1945*. London, 1995.

²⁵⁹ R. Eatwell. *Towards a New Model of Generic Fascism* // *Journal of Theoretical Politics*, 4, 1992, 162—194; Id. *Fascism: A History*. London, 1995.

²⁶⁰ R. Griffin. *The Nature of Fascism*. London, 1991; Id. (Ed.). *International Fascism. Theories, Causes and the New Consensus*. London, 1997.

²⁶¹ W. Laqueur. *Faschismus – Gestern, Heute, Morgen*. Berlin, 1997. Важен и заслуживает упоминания также

некоторый «идеальный» тип фашизма. При этом «фашистскими» считаются не те движения и режимы, которые обнаруживают отчетливое сходство с итальянским фашизмом, определяющим стиль и, следовательно, реальный тип фашизма, а такие, идеология и внешний образ которых удовлетворяют условиям так называемого «фашистского минимума»²⁶². Особенно важной становится здесь идеология фашизма, определяющая его сущность. Роджер Гриффин, сводя фашистскую идеологию к ее националистической составляющей, рассматривает идеологию как системообразующий элемент, являющийся «палин-генетической (т. е. направленной на „национальное возрождение“) формой популистского ультранационализма»²⁶³.

Но как бы ни был важен национализм в идеологии фашизма, еще более важным является расизм, который никоим образом не сводится к национализму. Не следует также забывать и недооценивать такие элементы фашистской идеологии, как антидемократизм и особенно антисоциализм (соответственно, антибольшевизм и антикоммунизм). Вызывает сомнение и сама попытка объяснить сущность и функцию фашизма исключительно его идеологией (как это, впрочем, сделал уже Эрнст Нольте). Наконец, проблематично определение «идеального» типа фашизма, имеющего, подобно уже упомянутым «идеально-типическим» теориям тоталитаризма, статический характер, вследствие чего не поддаются учету разновидности и различия отдельных фашистских движений на их разнообразных стадиях развития, начиная с сектантских групп до массовых партий и стоящего у власти фашизма.

Поэтому я по-прежнему считаю, что надо исходить из реального типа итальянского фашизма и сначала «написать его историю»²⁶⁴, а затем уже, с помощью сравнения, выяснить, какие движения и режимы совпадают «во всех важных элементах» с задающим имя и стиль итальянским «нормальным» фашизмом²⁶⁵. Так я поступал в этой книге, и читатель может судить, успешен ли такой подход. Во всяком случае, он заслуживает обсуждения, и потому, как я полагаю, эта книга не устарела, хотя после ее выхода и появились важные работы по истории отдельных фашистских движений²⁶⁶. Это относится и к истории фашизма в Италии²⁶⁷ и Германии²⁶⁸, и к движениям и режимам, рассматриваемым как фашистские – в

изданный им сборник: W. Laqueur (Ed.). *Fascism: A Reader's Guide*. Harmondsworth, 1979.

²⁶² Ср. в особенности программные рассуждения Роджера Гриффина в том же сборнике: Id. (Ed.). *International Fascism*, 1 ff., а также: R. Eatwell. On defining the «Fascist Minimum» the centrality of ideology // *Journal of Political Ideologies*, 1, 1996, 303—319

²⁶³ R Griffin *The Nature*, 26

²⁶⁴ Вспомним вновь соответствующее изречение Анджело Таска «Определить фашизм – значит прежде всего написать историю фашизма» A Tasca *Glauben, Gehorchen, Kampfen Der Aufstieg des Faschismus* Wien, 1969, 374 Итальянский оригинал A Tasca *Nascita e avvento del farismus* Ban, 1965, 553

²⁶⁵ G Decker *Der erste Schritt* // *Die Gesellschaft* 7 II, 1930, 97-103, 98 Укажем еще раз на почти забытого теоретика фашизма Аркадия Гурлан да, высказавшего подобные суждения Ср A Gurland *Das Heute der proletarischen Aktion Hemmnisse und Wandlungen im Klassenkampf* Ber Im, 1931 Об этом и вообще о социал-демократической дискуссии о фашизме W Wippermann *Zur Analyse des Faschismus Die sozialistischen und kommunistischen Faschismustheorien 1921—1945* Frankfurt/M, 1981, 9 ff, Id *Antifaschismus und Antitotalitarismus Die SPD zwischen Prager Manifest und Godesberger Programm* // A Klonne et al (Hg) *Der lange Abschied vom Sozialismus Eine Jahrhundertbilanz der SPD* Hamburg, 1999, 96-106

²⁶⁶ Лучший общий обзор St G Payne *A History of Fascism* Эта книга со держит также самую исчерпывающую библиографию

²⁶⁷ Самым подробным исследованием все еще остается спорная биография Муссолини, изданная в 9 томах Ренцо де Феличе R De Felice *Mussolini il rivoluzionario* Tonno, 1961, Id *Mussolini il fascista* Torino, 1966, Id *Mussolini il duce* Torino, 1981, Id *Mussolini l'alleato* Tonno, 1990 Дальнейшие новые обзорные изложения G Sabbatucci/V Vidotto (ed) *Storia d'Italia Vol 4 Guerre e fascismo 1914—1943* Roma, 1998, B Mantinell *Kurze Geschichte des italienischen Faschismus* Berlin, 1998 (итал Firenze, 1994) Обзоры историографии A Del Boca et al (ed) *Il regime fascista* Storia e stonografia Roma, 1995, Ch. Dipper et al (Hg) *Faschismus und Faschis men im Vergleich* Koln, 1998, W Schieder/J Petersen (Hg) *Faschismus und Gesellschaft in Italien* Koln, 1998, A Nutzenadel *Der italienisch Fas chismus – Eine Bilanz der neueren Forschung* // *Neue Politische Literatur*, 44, 1999, 311—324

²⁶⁸ Исследования о немецком фашизме стали необозримы. Общие работы о состоянии исследований / Kershaw *Der NS Staat Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Oberblick* Reinbek, 1994, W Wippermann *Umstürzte Vergangenheit Fakten und Kontroversen zum Nationalsozialismus* Berlin, 1998 Новейшие обзоры L

Австрии²⁶⁹, Венгрии²⁷⁰, Румынии²⁷¹, Хорватии²⁷², Испании²⁷³, Франции²⁷⁴, Англии²⁷⁵, Финляндии²⁷⁶, Бельгии²⁷⁷, Голландии²⁷⁸, Дании²⁷⁹, Швеции²⁸⁰, Швейцарии²⁸¹, Норвегии²⁸², Словакии²⁸³, Польше²⁸⁴ и Португалии²⁸⁵.

Особенно нуждается в дополнениях последняя глава книги – о неофашистских движениях и режимах. Хотя демократии Западной Европы и в дальнейшем оказались намного прочнее, чем в межвоенное время, здесь все еще существуют и вновь возникают партии, которые следует рассматривать как «неофашистские» или «право-экстремистские»²⁸⁶.

В Германии наряду с Национал-демократической партией Германии (НДПГ) существуют так называемые «республиканцы», сумевшие в конце 80-х годов добиться успеха на выборах в ряде федеральных земель, и «Немецкий народный союз» (НС) миллионера и издателя праворадикальной литературы Гергарда Фрея, сумевший в конце 90-х

Herbst Das nationalsozialistische Deutschland Von den Anfängen bis zur Gegenwart München, 1997, В – J Wendt Deutschland 1933—1945 Hannover, 1995, W Benz et al (Hg) Enzyklopadie des Nationalsozialismus München, 1998

²⁶⁹ Об австрийском национал социализме В F Pauly Hitler and the Forgotten Nazism A History of Austrian National Socialism Chapel Hill, 1981 О хеймвере W Wiltschegg Die Heimwehr München, 1985 О режиме Дольфуца – Шушнига: U Kluge Der osterreichische Standestaat München, 1984

²⁷⁰ О венгерском движении «Скрещенных стрел» M Szollosi Janze Die Pfeil kreuzlerbewegung in Ungarn München, 1989

²⁷¹ О румынском «Легионе Михаила Архангела» и о «Железной гвардии» см А Нетеп Die Legion «Erzengel Michael» in Rumanien München, 1986, R Ioanid The Sword of the Archangel New York, 1990

²⁷² W D Irvine The Croat Question Boulder, 1993

²⁷³ О диктатуре Мигеля Примо де Ривера S Ben Ami Fascism from Above The Dictatorship of Primo de Rivera in Spain, 1923—1930 Oxford, 1983 О «второй республике» и о росте различных фашистских движений St G Payne Spain's First Democracy The Second Republic, 1931—1936 Madison, 1993, M Bnhkhom (Ed) Spain in Conflict 1931—1939 Democracy and its Enemies London, 1986 'Об особом случае карлизма М Bnhkhom Carlism and Crisis in Spain, 1931—1939 Cambridge, 1975 О гражданской войне и об истории франкизма см цитированные в примечании работы Вете скер, Паупе и Preston

²⁷⁴ Z Sternhell Neither Right nor Left Fascist Ideology in France Berkeley, 1986, R Soucy French Fascism The First Wave, 1924—1933 New Haven, 1986, A Douglas From Fascism to Libertarian Communism Georges Valois against the French Republic Berkeley, 1992, P Milza Le fascisme francais Paris, 1987, A Chebel dAppolonm L'extreme droite en France de Maurras a Le Pen Brussel, 1988, P Bunn La derive fasciste Paris, 1986

²⁷⁵ R Thurlow Fascism in Britain A History 1918—1988 Oxford, 1987, D S Lewis Illusions of Grandeur Mosley, Fascism and British Society, 1931—1981 Manchester, 1987, T Kushner/K Lunn Traditions of Intolerance Manchester, 1989, A Bauerkamper Die «radikale Rechte» in Gro?britannien Gottmgen, 1991

²⁷⁶ L Karvonen From White to Blue-and Black Finnish Fascism in the Inter war-Era Helsinki, 1988

²⁷⁷ См по этому поводу Larsen et al (Ed) Who were the Fascists'

²⁷⁸ Еще о Голландии – Larsen et al (Ed) «Who were the Fascists»

²⁷⁹ U Lindstrom Fascism in Scandinavia 1920—1940 Stockholm, 1985

²⁸⁰ Lindstrom. Fascism in Scandinavia, Helene Loow. Hakkorset och Wasa karven En Studie av nationalsocialismen i Sverige 1924—1950 Goteborg, 1990

²⁸¹ О швейцарских «фронтах» до сих пор остается В Glaus Die Nationale Front Zurich, 1969, W. Wolf. Faschismus in der Schweiz Zurich, 1969

²⁸² Lindstrom. Fascism in Scandinavia

²⁸³ Y Jelhnek. The Parish Republic Hlmka's Slovak People's Party, 1939—1945 Boulder, 1976

²⁸⁴ E. D. Wynot. Polish Politics in Transition. The Camp of National Unity and the Struggle for Power, 1935—1939 Athens, Ga, 1974

²⁸⁵ J. Medmas Salazar e os fascistas Lissabon, 1989, A Costa Pinto O Salazarismo e o fascismo europeu Problemas de interpretacao nas ciencias sociais Lissabon, 1982, Id Os camisas azuis Lissabon, 1994, Id Salazar's Dictator ship and European Fascism New York 1995

²⁸⁶ Исследования очень обширны но сосредоточены главным образом на национальных «неофашистских» или «правоэкстремистских» движениях

Из сравнительной перспективы исходят F Gre? et al Neue Rechte und Rechtsextremismus in Europa Bundesrepublik, Frankreich Gro?britannien Opladen, 1990, P Hainsworth (Ed) The Extreme Right in Europe and the USA London, 1993, Ch Butterwegge/S Jager (Hg) Rassismus in Europa, 3 Auf! Koln, 1993, P Ignazi L'extrema dextra in Europa Bologna, 1994, R Fromm/B Kernbacher Europas braune Saat Die internationale Verflechtung der rechtsradikalen Szene München, 1994, H Kuschelt (Ed) The Radical Right in Wester Europe A Comparative Analysis Ann Arbor, 1995, M Mmkenberg Die neue radikale Rechte im Vergleich USA Frankreich Deutschland Opladen, 1998

годов удивительным образом войти в некоторые ландтаги²⁸⁷. Но до сих пор этим «фашистским» и «правоэкстремистским» партиям еще не удалось проникнуть в бундестаг.

Иначе обстояло дело во Франции, где «Национальный фронт» (НФ), основанный в 1972 году бывшим пужадистом Жаном-Мари ле Пенем, сумел несколько раз получить свыше 10 процентов поданных голосов и войти в Национальное собрание страны. И хотя после этого «Национальный фронт» ослабел вследствие раскола, он все еще сохраняет политическое влияние. В Италии в 1993 году некоторые «неофашистские» и «правоэкстремистские» партии, объединившись в избирательный блок, пришли даже на короткое время к власти. Этот блок был вначале образован «Итальянским социальным движением» (MSJ) Джанфранко Фини, внешне реформированным и переименованным в «Национальный альянс» («Alleanza Nazionale»). К нему присоединились созданная телевизионным магнатом Сильвио Берлускони «Итальянская сила» («Forza Italia») и «Ломбардская лига» («Lega Lombarda») Умберто Босси, выступавшая за отделение Ломбардии от остальной Италии. Схожую сепаратистскую цель преследовал в Бельгии «Фламандский блок» («Vlaams Blok»), который некоторыми наблюдателями характеризуется как «неофашистский» и который все еще представлен в бельгийском парламенте. Подобные партии существуют даже в столь устойчивых на вид демократиях, как Швейцария, Норвегия и Дания, и в скором будущем вполне могут стать правящими.

Когда же это случилось в феврале 2000 года в Австрии, где Свободная партия Австрии («Freiheitliche Partei Österreichs», FPÖ) Йерга Гайдера смогла образовать коалицию с консервативной Австрийской народной партией («Österreichische Volkspartei», ÖVP), многие наблюдатели, особенно иностранные, опасались, что история повторяется. Но дело не зашло так далеко, во всяком случае, до сих пор. Гайдер – не новый Гитлер. Впрочем, это не дает оснований называть его партию и другие ей подобные всего лишь «правоэкстремистскими» или, пользуясь новомодным словом, «правопопулистскими», тем самым придавая им, вольно или невольно, безобидный вид. Аргументы, выдвигаемые против применения в этих случаях понятия «фашизм» или «неофашизм», неубедительны. Это касается и замещающих терминов «правоэкстремистские» или «правопопулистские», идущих от уже подвергнутой критике «модели полукруга»²⁸⁸. Кроме того, нельзя ограничиваться наблюдением за этими партиями, необходимо с ними бороться, поскольку в различных странах Западной Европы существуют менее крупные, но более ориентированные на насилие организации, не скрывающие своего восхищения прошлым фашизмом и оправдывающие почти все его преступления. Прямое или косвенное отрицание совершенных фашистами злодеяний, и в частности холокоста, превратилось даже в новую составляющую идеологии современного фашизма.

Это относится не только к упомянутым малым группировкам и партиям, но также к средствам массовой информации и псевдонаучным учреждениям, утвердившимся в ряде стран и тесно взаимодействующим через национальные границы (так, можно с полным правом говорить об «Интернационале противников холокоста»²⁸⁹). Наряду с представляющими эти организации «ревизионистами» в разных странах есть и так называемые «новые правые», составляющие в некотором смысле связующее звено между

²⁸⁷ Cp D Lipstadt Denying the Holocaust The Growing Assault on Truth and Memory New York, 1993, T Bastian Auschwitz und die «Auschwitz Lüge» Massenmord und Geschichtsfälschung München, 1994, B Bauer Galanda et al (Hg) Die Auschwitzleugner «Revisionistische» Geschichtslüge und historische Wahrheit Berlin, 1996, W Wippermann Konzentrationslager Geschichte, Nachgeschichte, Gedenken Berlin, 1999, 83 ff

²⁸⁸ Cp с вышесказанным О различных понятиях и методах, прежде всего касающихся исследования немецкого «правого экстремизма», см обзор Ch Butterwegge Rechtsextremismus, Rassismus und Gewalt Erklärungsmodelle in der Diskussion Darmstadt, 1996

²⁸⁹ Cp D Lipstadt Denying the Holocaust The Growing Assault on Truth and Memory New York, 1993, T Bastian Auschwitz und die «Auschwitz Lüge» Massenmord und Geschichtsfälschung München, 1994, B Bauer Galanda et al (Hg) Die Auschwitzleugner «Revisionistische» Geschichtslüge und historische Wahrheit Berlin, 1996, W Wippermann Konzentrationslager Geschichte, Nachgeschichte, Gedenken Berlin, 1999, 83 ff

консерваторами и неонацистами²⁹⁰. Речь идет об интеллектуалах, участвующих в работе неформальных дискуссионных клубов или группирующихся вокруг некоторых журналов. Они сотрудничают и с упомянутыми неонацистскими партиями, и с учреждениями «ревизионистов».

Более того, в Англии, Швеции и особенно в Германии в последние годы возникли неонацистские объединения подростков и молодых людей, выделяющихся уже своей прической и особой, напоминающей мундир формой; снабженные бейсбольными битками или другим оружием, они охотятся на иностранцев и других людей «странного» вида. В некоторых местах восточной Германии им уже удалось устроить так называемые «национально освобожденные зоны», куда «иностранцы», «нежелательные элементы» и «левые» могут войти лишь с риском для здоровья и жизни²⁹¹. Это фатальным образом напоминает 20-30-е годы, когда бандам штурмовиков удалось оккупировать некоторые города и городские районы, устраивая там свои демонстрации и изгоняя оттуда своих политических противников. Особенно тревожит опять-таки напоминающий прошлое факт: полиция и другим силам правопорядка до сих пор не удается справиться с безобразиями в этих «национально освобожденных зонах». Каждую неделю газеты сообщают о насильственных выходках и нападениях на «иностранцев» с явно расистской мотивировкой.

Возникает подозрение, что среди тех, кто обязан бороться с этими неонацистскими призраками, есть люди, вовсе этого не желающие, потому что они, как и многие представители так называемого «молчаливого большинства», также разделяют расистскую и неонацистскую ориентацию. В пользу этого предположения говорят данные исследователей электората в современной Германии, полагающих, что «неонацистские» и «правоэкстремистские» установки характерны по меньшей мере для 13 процентов населения²⁹². Реалистичность этой оценки подтверждается следующими цифрами: более 20% современных немцев настроены антисемитски, свыше 40% – «враждебно к чужим» и свыше 60% (точнее, от 64 до 68 процентов) – антицыгански²⁹³. Таким образом, речь идет не только о партиях на «правом фланге» общества. Более всего вызывают беспокойство установки населения. Все это вместе составляет настоящую опасность.

Ситуация в самом деле напоминает межвоенное время, названное такими историками, как Эрнст Нольте, «эпохой фашизма». Возможно, эта эпоха закончилась после падения фашистских режимов в Германии и Италии; но не исчез сам фашизм. В некоторых странах, прежде всего в Испании и Португалии, институционализированный фашизм пережил эпохальный 1945 год, и вместе с ним его пережило немало фашистов. Многие из них остались верны своему нацистскому прошлому и прививали свою идеологию подрастающему поколению. «Биологического» решения проблемы фашизма не получилось. На смену старым фашистам пришли новые, а сам фашизм не стал достоянием истории.

Более того, опасность фашизма пришла и в бывшие коммунистические страны Восточной Европы, причем некоторые наблюдатели оценивают эту опасность как более серьезную, чем в Западной Европе. Конечно, здесь также играют роль некоторые политические стереотипы и предрассудки. Люди, все еще скованные представлениями

²⁹⁰ Исследования о «новых правых» в Европе F Gress et al Die Neue Rechte und Rechtsextremismus in Europa Opladen, 1990, Mark Terkessidis Kul turkampf Volk, Nation, der Westen und die Neue Rechte Koln, 1995 О «но вых правых» в Федеративной Республике W Gessenharter/H Frohlich (Hg) Rechtsextremismus und Neue Rechte in Deutschland Neuvermessun gen eines politisch-ideologischen Raumes? Opladen, 1998, S Mantmo Die «Neue Rechte» in der «Grauzone» zwischen Rechtsextremismus und Konser vativismus Eine systematische Analyse des Phanomens «Neue Rechte» Frankfurt/M, 1994, A Pfahl Traughber «Konservative Revolution» und «Neue Rechte» Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Ver fassungsstaat Opladen, 1998, U Worm Die Neue Rechte m der Bundes republik Programmatik, Ideologie und Presse Koln, 1995

²⁹¹ Th. Lilhg Rechtsextremismus m den neuen Bundeslandern Einstellung spotentiale und organisatorische Strukturen Mainz, 1994, F Neubacher Jugend und Rechtsextremismus m Ostdeutschland vor und nach der Wende Bonn, 1994, B Wagner Rechtsextremismus und kulturelle Subversion m den neuen Landern Berlin, 1998

²⁹² R. Stoss. Rechtsextremismus im vereinten Deutschland Bonn, 1999, 30 ff

²⁹³ Сводка различных опросов W. Wippermann. Verfassungsschutz und Extremismusforschung. 11 J. Mecklenburg (Hg). Braune Gefahr, 271

тоталитарных теорий, пишут теперь о фашистской опасности вместо прежней коммунистической. Сюда же добавляются и расхожие стереотипы вроде представления о русских и других славянах как об «отсталых», «грубых» и «деспотичных»²⁹⁴. Однако существуют серьезные основания считать такие партии, как ЛДПР В. Жириновского, «неофашистскими»²⁹⁵. И не только партии. Такие режимы, как режим А. Лукашенко в Белоруссии, С. Милошевича в Сербии и недавно умершего в Хорватии Ф. Туджмана, некоторые историки и политологи считают «фашистскими» и «неофашистскими».

В любом случае Восточную Европу нельзя исключить из будущих исследований фашизма по нескольким причинам. Прежде всего, в Восточной Европе были фашистские движения и режимы. Они были все устранены в 1945 году и заменены коммунистическими. Но, по-видимому, все это время сохранялась определенная преемственность в складе ума и даже в складе личности. Кроме того, «восточный блок» никогда не был полностью отделен от остальной Европы и в положительном, и в отрицательном смысле. Все это надо принимать во внимание, чтобы объяснить возникновение после крушения коммунизма в Восточной Европе неофашистских движений, а возможно, и режимов. Их предыстория уходит, конечно, не только в коммунистическое время, но и далеко в предшествующую эпоху.

Фашизм был и остается международным злом, и бороться с ним надо всем миром. Для этого особенно необходимо тесное международное сотрудничество и объединяющие исследования явлений фашизма в отдельных странах. Я надеюсь, что предлагаемая книга будет стимулировать этот процесс.

Комментированная избранная библиография.

Aycoberry, P. *La question nazie. Les interpretations du national-socialisme 1922—1975.* Paris, 1979.

Обзор истории интерпретаций национал-социализма.

Bracher, K. D. *Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie.* Munchen, 1976.

Резкая критика применимости общего понятия фашизма; предлагается придерживаться термина «тоталитаризм».

Garsten, F. L. *The Rise of Fascism.* London, 1967.

Рассматриваются Италия и Германия, а также – в очень краткой форме – Финляндия, Венгрия, Румыния, Испания, Бельгия, Англия и Австрия.

De Felice, R. *Le interpretazioni del fascismo.* Bari, 1969. Обзор итальянского фашизма и некоторых теорий фашизма в международном смысле.

De Felice, R. *Der Faschismus. Ein Interview von M. A. Ledeen.* Stuttgart, 1977 (итальянский оригинал вышел в 1975).

Критика применимости общего понятия фашизма, исходящая из представления, что различие между итальянским фашизмом и национал-социализмом больше, чем сходство.

Eichholtz, D., Go?weiler, K. (Hg.). *Faschismusforschung. Positionen, Probleme, Polemik.* Berlin, 1980.

Статьи этого обзора посвящены почти исключительно национал-социализму. Но во введении подчеркивается необходимость сравнительного изучения фашизма.

Fascism and Europe. An International Symposium. Prague, August 18-29, 1969. 2 Vol.

²⁹⁴ От этого не вполне свободна и работа Laqueur *Faschismus* См далее A J Gregor *Fascism and the New Russian Nationalism // Communist and Post Communist Studies*, 31, 1998, 1-15

²⁹⁵ A Umland Wladimir Schirinowski in der russischen Politik Einige Hintergrunde des Aufstiegs der Liberal Demokratischen Partei Ru?lands. // *Ost europa*, 44, 1994, 1117—1131, M. Forbes/W. Fmk (Hg) Schirinowski *Politi ker Populist Nationalist Munchen*, 1994, W Oschlies Wladimir Schmnnow-skij *Der ha?liche Russe und das post-kommunistische Osteuropa. Koln*, 1995, V. Solovyov/E. Klepikova (Ed). *Zhirmovskiy Russian Fascism and the Making of a Dictator. New York*, 1995

Prague, 1970.

Книга содержит доклады конференции, в которой участвовали исследователи из Восточной Европы. Наряду с докладами о теоретических проблемах исследования фашизма есть работы об истории некоторых фашистских движений.

Gregor, A. J. *The Fascist Persuasion in Radical Politics*. Princeton, 1974.

Грегор исходит из очень широкого понятия фашизма и рассматривает, наряду с европейскими видами фашизма межвоенного времени, также освободительные движения «третьего мира».

Kedward, H. R. *Fascism in Western Europe 1900—1945*. London, 1973. После анализа духовной истории предшественников и идеологии фашизма и национал-социализма автор очень кратко описывает фашистские движения и режимы в Италии, Германии, Франции, Англии, Бельгии и Испании.

Kuhril, R. *Faschismustheorien*. Reinbek, 1979.

Обзор некоторых, главным образом новейших, истолкований фашизма в Германии.

Laqueur, W. Z., Mosse, G. L. (Eds.). *International Fascism, 1920—1945*. New York, 1966.

Сборник работ по истории фашизма во Франции, Италии, Румынии, Австрии, Норвегии и Испании. Нет систематического общего обзора.

Laqueur, W. (Ed.). *Fascism. A Reader's Guide. Analysis, Interpretations, Bibliography*. London, 1976.

Объемистый сборник работ по теоретическим и эмпирическим проблемам исследования фашизма.

Larsen, St. U. et al. (Eds.). *Who Were the Fascists. Social Roots of European Fascism*. Bergen, 1980.

Этот богатый по объему и содержанию сборник содержит доклады международной конференции по проблемам фашизма. В центре стоит вопрос о социальном происхождении членов отдельных фашистских партий. По крайней мере для отдельных фашистских движений, в особенности в Скандинавии, Австрии и Франции, сборник содержит хорошие обзоры современного состояния исследований.

Lubasz, H. (Ed.). *Fascism: Three Major Regimes*. New York, 1973. Сборник статей об истории фашизма в Германии и Италии, а также в Японии. Введение недостаточно содержательно.

Moore, B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston, 1966. Сравнительный анализ перехода от досовременного к современному промышленному обществу в Англии, Франции, Германии и Японии, а также в России и Китае. В Германии и Японии консервативно-реакционный путь революции сверху привел к фашизму.

Nagy-Talavera, N. M. *The Green Shirts and the Others. A History of Fascism in Hungary and Romania*. Stanford, 1970.

Надь-Талавера анализирует и сравнивает фашизм в Венгрии и Румынии и приходит к дифференцированию между консервативным фашизмом верхних классов (Гембеш) и социально-революционно направленным фашизмом нижних классов (Салаш и Кодряну).

Nolte, E. *Der Faschismus in seiner Epoche. Die Action française. Der italienische Faschismus. Der Nationalsozialismus*. München, 1963 и последующие стереотипные издания.

Исходя из анализа духовной истории «Аксон Франсэз», итальянского фашизма и национал-социализма, развивается «глобально-феноменологическая» теория фашизма, оказавшая, в прямой или косвенной форме, глубокое влияние на международное исследование фашизма.

Nolte, E. *Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen*. München, 1966; расширенное издание: *Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen*. München, 1968.

Самый исчерпывающий до настоящего времени сравнительный анализ фашистских движений в Европе.

Payne, St. C. *Fascism. Comparison and Definition*. Madison, 1980. Пейн рассматривает вызвавший в последнее время много споров вопрос: можно ли сохранить видовое понятие фашизма, – и на основании теоретических и эмпирических аргументов дает на него – с ограничениями – утвердительный ответ.

Poulantzas, N. *Fascisme et dictature. La IIIe Internationale face au fascisme*. Paris, 1970.

Марксистское истолкование фашизма как исключительной формы капиталистического господства.

Rogger, H., Weber, E. (Eds.). *The European Right*. Stanford, 1965. Богатый по объему и содержанию сборник работ по истории правых и фашистских движений и режимов в Европе.

Saage, R. *Faschismustheorien*. Munchen, 1976.

Полемика, касающаяся новейших результатов исследований о социальной базе и социальной функции национал-социализма.

Schieder, W. *Faschismus // Sowjetsystem und Demokratische Gesellschaft*. Bd. 2. Freiburg, 1968, 439-77.

Краткий обзор «буржуазных» и марксистских теорий фашизма, а также истории «которых фашистских движений».

Schieder, W. (Hg.). *Faschismus als soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich*. Hamburg, 1976.

Сборник содержит рефераты работ историков брауншвейгской школы, рассматривающих социальную базу и социальную функцию итальянского фашизма и национал-социализма. Результаты сравнивает В. Шидер в своем введении.

Schuddekopf, O. E. *Bis alles in Scherben fällt. Die Geschichte des Faschismus*. Gutersloh, s. a. (1973).

Популярное иллюстрированное описание фашизма в Германии, Италии и Испании.

Schulz, G. *Faschismus – Nationalsozialismus. Versionen und theoretische Kontroversen 1922—1972*. Berlin, 1974.

Изложение некоторых, в особенности современных, истолкований фашизма. Автор критикует применение общего понятия фашизма и высказывается за чисто эмпирическое исследование.

Sugar, P. (Ed.). *Native Fascism in the Successor States 1918—1945*. Santa Barbara, 1971.

Сборник содержит статьи по истории фашистских движений в Югославии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Польше; отсутствует настоящий сравнительный обзор.

Thamer, H. – U., Wippermann, W. *Faschistische und neofaschistische Bewegungen*. Darmstadt, 1977.

Сравнительный анализ фашистских движений в Испании, Венгрии, Румынии, Югославии, Аргентине, Франции и Италии.

Weber, E. *Varieties of Fascism. Doctrines of Revolution in the 20th Century*. London, 1964.

Краткий, снабженный некоторыми документами анализ фашистских движений в Германии, Италии, Венгрии, Румынии, Англии, Испании и Франции; автор признает у фашизма некоторую социально-революционную компоненту.

Weiss, J. *The Fascist Tradition. Political Right-Wing Extremism in Modern Europe*. New York, 1967.

Краткий обзор идеологии фашизма в Италии, Германии, Испании, Англии и Венгрии.

Wippermann, W. *Faschismustheorien. Zum Stand der gegenwertigen Diskussion*. Darmstadt, 1972/19804.

Обзор марксистских истолкований фашизма, социально-психологических теорий фашизма, теорий тоталитаризма, историко-феноменологической концепции Нольте, а также значения для исследования фашизма теорий модернизации и полемики о проблеме непрерывности немецкой истории.

Wippermann, W. *Zur Analyse des Faschismus. Die sozialistischen und kommunistischen Faschismustheorien 1921—1945*. Frankfurt, 1981. Изложение «классических» марксистских теорий фашизма, анализируемых в сравнении с историей антифашизма, а также в качестве

источников этой истории.

Woolf, St. J. (Ed.). *European Fascism*. London, 1968.

Сборник работ по истории фашистских движений и режимов в Европе.

Woolf, St. J. (Ed.). *The Nature of Fascism*. London, 1968. Сборник работ по теоретическим проблемам исследования фашизма, в особенности социальной базы и социальной функции национал-социализма и итальянского фашизма.